

ЮЛИЯ ФЛЁРИ

ВСЁ,
КАК ТЫ
ЗАХОЧЕШЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Флëри
Всë, как ты захочешь

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Флёри Ю.

Всё, как ты захочешь / Ю. Флёри — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Иногда накатывает такое замечательное настроение, что не хочется отвлекаться на суету вокруг, и стоит просто закрыть глаза, сидя в плетёном кресле, вдохнуть свежий воздух, окружающий тебя, и мир вдруг меняется. Сразу думается о чём-то хорошем, о семье, счастье, светлом будущем с заботливым мужчиной рядом. Тем самым, которого сама выбрала, который сейчас сидит и смотрит, как ты мечтательно улыбаешься. Но разве бывает будущее без прошлого? Ведь прошлое есть у всех, даже если ты хочешь, чтобы его не было, даже если твоя жизнь только начинается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	68
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог

Я готовилась раскрыть глаза и увидеть яркий лучик солнца, который уже несколько минут пытается ослепить меня через закрытое веко. Но не торопилась. Ещё минутку, ну, может, две. Лежала и чувствовала, как губы расплываются в блаженной улыбке, как я поджала их, чтобы усмирить бурную фантазию в предвкушении. Да, сегодня у меня день рождения. День, который из года в год начинается с яркого солнечного лучика. Это как необходимый ритуал. Как залог успеха на весь будущий год. Бабушка говорила, что дождливый день обязательно будет приносить судьбоносные изменения в мою жизнь, и я ей верила. Например, такие, как рождение. Я родилась в грозу. Самую настоящую июньскую грозу, с громом и молнией. Мама рассказывала, что град барабанил в окно родильного дома, пытаюсь до меня достучаться, чтобы позвать на прогулку. Глупо конечно, но в детстве это казалось вполне правдоподобно. Я вообще любила слушать сказки, особенно те, в которых говорилось про прекрасную принцессу и храброго принца. Был, правда, ещё один дождь... но его я вспоминать не хочу.

Лежу и отсчитываю: десять, девять, восемь... Мои биологические часы никогда не отстают. Семь, шесть, пять... Я жду звонка от бабушки. Она всегда поздравляет меня первой. Раньше, когда мы жили вместе, это было естественно и очень волнительно. Я просыпалась, но, так же, как и сегодня, не спешила открывать глаза – мне было важно, чтобы первое, что увижу в этот день (за исключением солнечного лучика), были её глаза, говорящие о том, что всё будет хорошо. Всегда было так. Вот и сегодня я отсчитываю: четыре, три, два...

Только звонка не последовало. Я тут же подскочила, дабы убедиться, что не потерялась во времени. Глянула на часы: нет, всё верно, ровно семь утра. Без единой секундочки, но бабушка не звонила. Позвонила она на одну минуту позже, но в этот момент, нажимая на кнопку принятия вызова, я смотрела уже не на телефон, а на серое небо за окном, на частые капли дождя, которые покрывали асфальт влагой. Оглянулась, нахмурившись, выключила ночник, который горел всё ночь и ввёл меня в заблуждение с утра. Да... сегодня поистине необычный день. Почему-то я в этом уже уверена.

– Галочка, с днём рождения, дорогая. – Уже вещала в трубку тёплым и таким родным голосом бабуля. – Желаю тебе счастья, здоровья и обязательно удачи. Думаю, сегодня она тебе пригодится.

Я услышала, как бабуля улыбнулась и сама улыбнулась ей в ответ, несмотря на то, что сейчас нас разделяло как минимум полгорода. Она знала о моих суевериях и наверняка попыталась сделать свой голос как можно бодрее.

– Спасибо, ба, я уже видела погоду. Сегодня приеду.

– Не стоит. Заедешь завтра. Сегодня твой день и ты должна провести его так, как хочется. А общественный долг можешь выполнить в любой другой день.

– Что ты говоришь, какой ещё общественный долг? Ты же знаешь...

– Знаю, знаю, нет для тебя никого дороже. – Засмеялась она, намеренно перебивая. – Только пора бы тебе обзавестись другим самым важным человеком в жизни. Ну-ка, поделись, что там, на любовном фронте?

Я присела на подлокотник дивана, пытаюсь уместить на него обе стопы. Тоже что-то вроде ритуала: загадываешь желание, садишься так, и нужно обязательно досчитать до десяти пока не свалилась, иначе оно не исполнится.

– Галочка, что там у тебя? – Забеспокоилась бабуля, пока я пыхтела, пытаюсь сесть ровно.

Но сегодня мне не везёт особенно, и я свалилась даже не на диван, а на ковёр, хотя прежде такого не случалось. Кое-как расправив волосы, которые так и намеревались влезть в глаза, широко улыбнулась.

– Всё хорошо, ба.

– Только не говори, что ты снова упала со своего дивана! – С притворной грозностью в голосе пыталась она меня отчитать.

– Ба, это важно. Ты же спросила, что там, на любовном фронте, вот я и загадала получить хоть какую-нибудь развязку с Антоном в ближайшее время. Возраст всё-таки... наверно, уже пора определяться.

– Возраст здесь вообще ни при чём! Выходить замуж нужно по любви. Ну, в крайнем случае, по расчёту, а не когда возраст у тебя, видите ли... Тебе всего двадцать четыре!

– Да, почему сразу замуж-то? А если и так... у тебя на этот момент было уже двое детей и муж.

– И что? Было бы, чем гордиться. И вообще, диван-то тут причём? Хоть бы подходящий выбрала. А на этом подлокотнике даже чашку не пристроить, не то, что бы...

– Не выражайся, ба... – Засмеялась я, вставая.

Прошла на кухню, включила чайник, посмотрела на банку с кофе, которая опустела как раз вчера, тяжело вздохнула. Мысленно убедила себя, что всё хорошо и распаковала зелёный чай, купленный ещё в прошлом году. Как раз тогда, когда решительно принялась за здоровое питание. Хватило меня всего на пару пучков приготовленного на пару брокколи. Интуиция подсказывала, что я не с того начала, но, в общем, до чая так и не добралась. Ничего, начну сегодня.

– Ну, чего смолкла? Небось, кофеин на кухне закончился. – Хитро хихикнула бабуля.

Послышался звонок в дверь.

– Иди, открывай. – Подначила она и подозрительно замолчала.

Конечно же, я поспешила. Курьер мило улыбнулся, как я спустя секунду поняла, оценив мою весёленькую маечку для сна, но краснеть не стала, даже наоборот, выпятила грудь вперёд, благо похвастаться было чем. Расписалась в ведомости, поблагодарила одними губами, только он не на них смотрел, а на соски, которые приняли весьма соблазнительный вид, почувствовав разницу температур квартиры и подъезда. Пока распаковывала коробку, бабуля молчала, признаться, на секунду я забыла, почему до сих пор держу телефон в руках и собиралась отложить его в сторону, но увидела повязанную бантиком чашку с кофе и рассмеялась, в миг всё припоминая.

– Ещё раз спасибо, ба, что бы я без тебя делала...

– В крайнем случае, осталась бы без кофе. – Оптимистично заметила она и поспешила попрощаться, ссылаясь на необходимость и всех остальных близких людей поздравить именинницу.

По ходу дела, я имею в виду, поздравления, которые посыпались уже с восьми часов, (наверно, дали мне время на душ) я успела накраситься, высушить волосы, переодеться, даже чулки натянула, умудрившись не сделать ни единой затяжки. Приняла ещё парочку ценных бандеролей от бывших однокурсников, которые по злему року судьбы оказались в какой-то Тмутаракани, и не могут поздравить лично. Поставила букет от Антона в воду. Сам он, естественно, ещё спал – прислал курьера, который едва ли не серенаду по заказу спел, но всё равно приятно. И отправилась на работу.

По случаю праздника и с целью остаться сухой, даже такси себе позволила. Не то, чтобы недостаточно зарабатывала, но и тратить деньги на подобные излишества в планы никогда не входило. К тому же, я уже год как сдала на права и копила на подходящее авто. Только вот, то ли подходящее авто стоило слишком дорого, то ли я действительно плохо коплю, но до желанной цели было ещё года два как минимум.

На самом деле, жизнь мою плохой не назовёшь. Да, отца я никогда не знала, могла только догадываться, что тот кареглазый красавец, который обнимал маму на одном из фото, он и есть. Мама давно умерла, но это судьба, а предъявлять ей претензии не имеет никакого смысла. Судьбе стыдно не станет, да и время вспять не повернёшь, поэтому я её всегда благодарю. За

то, что оставила мне бабулю, которая была в той же машине, что и мама, в день аварии, за то, что даёт ей здоровье, за то, что сама жива, здорова и каждый день могу вступить в очередную схватку с ней же (судьбой-злодейкой). В общем, я оптимист, каких мало. Антона, вот, встретила два года назад. Отличный парень, интересный, целеустремлённый, одним словом, достойный. Чего достойный, сказать затрудняюсь, точнее, мне стыдно сказать, что он достоин меня, вроде как, не самокритично это. Поэтому сошлусь на общепринятое выражение и повторюсь, что он действительно достойный. Характер, что у меня, что у него, не сахар. И это если учесть, всё мою оптимистическую направленность. Двум сильным личностям, к коим я бесовестно причисляю и себя, всегда сложно ужиться. Нужно учиться уступать, а учиться мы устали в школе, университете и на работе. Так что, справляемся, как можем. До совместного проживания ещё не дожили, да и старомодна я в этом плане.

Закончила филфак по профилю нашего великого и могучего, по распределению работаю в редакции одного из ведущих издательств города. В обязанности входит редакция текстов перед изданием. Мне нравится. Есть в этом что-то творческое, что-то волшебное. Из обычного текста сделать настоящее произведение. Казалось бы, буквы и буквы, слова и слова, ан нет. Попробуй поменять местами парочку и всё меняется. Я даже не о смысле говорю, о восприятии. Работы много всегда, разной. Интересной и не очень. Но обязательно попадаются так любимые мною сказки о принцах и принцессах. В переводе на современный лад, разумеется. Не скажу, что Золушки в цене, так ведь и она принцессой никогда не была...

– Привет, именинница, поздравляю.

Первой подбежала ко мне бывшая однокурсница, а ныне непосредственный начальник и, по совместительству, лучшая подруга, Лизка. Не сказать бы, что она умнее или перспективнее, но когда папа главный редактор это даёт тебе некоторые шансы на успех. Завидовать я ей – не завидовала, а вот уважать за стойкость могла смело. И опять же, здесь маячит папа главный редактор, который возлагает на тебя не только надежды, но и груз ответственности. Так вот, этот груз, как, впрочем, и пакостные выпады завистников, Лиза несла достойно, иногда даже слишком достойно: нос грозился взлететь к небу или, на худой конец, упасть в грязь. Потому что с задраным носом недолго споткнуться и угодить в лужу.

Лиза вручила мне подозрительный цветастый конвертик, букет миниатюрных непахнущих цветов и поцеловала в щёку.

– Ох, не знаю, что и сказать. – Покосилась я на букет.

– Можешь отделаться банальным спасибо и с остервенением распечатать конверт. Ну же, давай!

Она и сама рот открыла, словно не знала, что дарит, но это так заразительно выглядело со стороны, что я сдалась и отбросила в сторону все сомнения. Букет, правда, бросать не стала, аккуратно положила на край рабочего стола.

– Т-Р-Р-Р, па-ба-ба-бам... Ну, где же твой радостный клич, подруга?! – Торопила она меня, выглядывая из-за плеча, а я, с взлетевшими вверх бровями, тарасилась на путёвку на замечательный остров Бали на двоих, в ближайшие выходные.

– Спасибо, Лизка! – Взвизгнула я, резко развернулась и бросилась ей на шею. Даже букетик омрачить этот момент не смог.

– Тише, тише, задушишь. – Засмеялась она. – А если вдруг Антоша как всегда на выходные будет занят и поехать не сможет, ты уж, уважь, вспомни обо мне. Я, конечно, супружеский долг не исполню, но развлечься помогу. – Глядя на идеальный маникюр, якобы отстранённо произнесла она, и тут же лукаво зыркнула в мою сторону, расправила по губам яркую помаду.

– Обязательно вспомню, только мне кажется, что ради поездки Антон сможет отказаться от воскресного футбола.

Лиза нахмурилась и расстроено вздохнула.

– Если честно, мне тоже так кажется. – Тут же широко улыбнулась, обнажая идеально ровные белые зубы. – Но тогда я претендую в первые ряды на просмотр отпускных фоток.

Она издала несколько неприличных звуков, которые сопровождались столь же неприличными жестами, и засмеялась понятным только нам двоим смехом.

Лиза вообще была особенной. Не такой как все. Красивая. Куда сейчас без этого?.. Я тоже ничего, но моя внешность была какой-то кукольной, слишком идеальной, что ли, миловидной. Волосы светлые, длинные, ложились в ту сторону, куда нужно мне. Сколько себя помню, они такие. Губки бантиком, бровки домиком. Мне даже не приходилось часами их выщипывать, добиваясь идеальной формы. Они и без того были идеальными. Следовало только чуть-чуть подправить снизу и подвести карандашом. Румянец естественный, в нужном месте, глаза достаточно выразительные, приятного небесно-голубого оттенка. Не вызывающего, а такого, расслабляющего. В детстве я его обиженно называла мутным, сейчас, видимо, свыклась. Фигура не подкачала, рост тоже ничего. Выше среднего. И каблуки можно, и без них сойдёт, да ещё и Антон высокий, так что не обязательно тормозить бурную фантазию. Короче говоря, всё у меня было хорошо.

Вот у Лизы было не так. Точнее, не совсем так. Да, она тоже была с правильными чертами лица, красивая и фигуристая. Только, как бы это сказать... живая. Да, это самое верное слово. И в глазах у неё всегда огонь, и душа нараспашку. Да так широко нараспашку, что иногда хочется эту душу хотя бы шалью прикрыть, чтобы из бюстгальтера не вывалилась. Она яркая, энергичная, вся из себя. Люблю я её. Что ту ещё скажешь... Я блондинка, она шатенка. На каждую находилась свой любитель. Её парень тоже удачно вписался в нашу дружную компанию. И такие мы обе замечательные дружили давно, и, казалось бы, бесповоротно. Опять же, она меня в издательство пристроила, чтобы не мытарствовалась. И сейчас, на правах лучшей подруги, смело предложила поездку, которую я всегда откладывала на потом, потому что не была уверена, что Антону нужно что-то подобное. Да, он не давал мне повода, но за левым плечом обязательно селились пару чертят, которые нашёптывали всякие непотребные глупости.

– Это всё, конечно, хорошо, – я оглянулась по сторонам и перетянула букет за сумку, пытаюсь прикрыть, – только вот что мне с этой красотой делать?

Говорила я шёпотом, хотя окружающим и так всё было понятно.

– Да что хочешь! – Смело заявила Лиза. – Это же твои цветы, в конце концов.

– Ну, ты же знаешь, у нас с этим строго, а выбросить жалко, да и неприлично.

– Глупости! Мужчина дарит женщина цветы не для того, чтобы...

– Мужчина?!

– Конечно. Не я же тебе его подарила! От меня, вон, путёвка. – Уверенно плела она свою паутину, пока я пыталась успокоить разбушевавшееся сердечко. – Да ладно тебе. – Совсем не церемонясь, она хлопнула меня по плечу. – Это папа тебе подарил. Так что можешь быть спокойна. Он знает, что делает. Там эти цветы обрабатывают каким-то особенным образом, на них нет пылицы, и они совсем не пахнут, но выглядят отпадно.

Про внешний вид букета не согласиться было нельзя, действительно, красивый. А вот косилась я на него неспроста: все знают, что у главного редактора жуткая аллергия на запахи, поэтому мы даже духами в издательстве не пользуемся. А тут вдруг цветы. Кто захочет так подставить любимого руководителя? Вот уж точно не я.

Когда меня поздравили и остальные члены небольшого, но дружного коллектива, и мы с Лизкой остались наедине, можно было расслабиться. Хотя все и так знали о наших отношениях, но всё же не хотелось говорить при посторонних. А посторонними для меня являлись многие. Нет, я компанейская девчонка и всё такое, но были моменты, в которые не хотелось допускать никого лишнего. День рождения как раз к таким и относился, считался глубоко личным праздником, который мы отмечали в достаточно узком и давно сформировавшемся кругу

– Признавайся, что подарил любимый. – Подмигнула мне подруга, а когда я решила оставить этот вопрос без комментариев и села за рабочий стол, пытаюсь прикрыться монитором компьютера, самым наглым образом села на этот же стол передо мной. – Колись, иначе мне придётся тебя пытать. – Пригрозила она и вытянула из стопки несколько конвертов с корреспонденцией.

– Лиза, перестань, это по работе. – Не понятно для чего пыталась пояснить я, хотя кому как не моему непосредственному начальству знать, что за конверты могут лежать на столе? Даже выхватить их попыталась, но ловкие ручки с идеальным маникюром вовремя взмывали вверх, не позволяя пытку закончить.

– Нет, ну, так не честно. Признавайся! – Показательно надулась она и с обидой бросила конверты на стол. Руки перед собой скрестила, подпирая пышную грудь, смотрела в одну точку где-то позади меня.

– Просто мне пока не в чем признаваться. – Примирительно пробормотала я, но Лиза и ухом не повела. – Так смотришь сейчас, словно за моей спиной что-то интересное. – Сказала, уже сама раздражаясь.

– Там паук.

– Что?

Лиза перевела на меня ясный взгляд.

– Паук, говорю, и если не будешь шевелиться, он тебя не съест. – Добавила, паясничая, а я уже с визгом подскакивала на месте, пытаюсь сбросить с себя отвратительное существо.

– Сними! Сними с меня! Скорее! – Взывала, шевеля, казалось, абсолютно всеми своими рабочими мышцами, подскакивая на шпильках, разбрасывая неудачно лежавшие на столе бумаги.

– Да тихо ты! Вон он!

Я всё ещё не могла остановиться, когда Лиза начала тыкать пальцем на стену позади жалюзи.

– Да не прыгай! Сейчас испугается, убежит, и обязательно заберётся в твою сумочку. – Строго пригрозила она. Не сказать бы, что убедила, скорее уж, наоборот, но сзади послышалось громкое покашливание. А как же ему громким не быть, если я пою и танцую?

– Галина Анатольевна, надеюсь, это не мой букет привёл к такой бурной реакции? – Точным движением наш главный редактор Григорий Степанович поправил дужку очков справа, старательно скрывал рвущуюся на свободу улыбку и уголки его губ едва заметно дрогнули.

– Даже не знаю, что сказать, спасибо, цветы просто замечательные. – Промямлила.

– Ага, были. – Кивнул он на мою руку, в которой я со скорбью не только во взгляде, но и в душе, обнаружила избитый жизнью в целом и мною в частности, букет. Как он там оказался?.. – И причёска... была. – Улыбнулся он сильнее. – Лизавета Григорьевна, за мной. Вас, Галина Анатольевна, – он выразительно глянул на мою голову, – жду через две минуты.

Лизка удивлённо скривилась, как бы говоря: «Понятия не имею, что взбрело ему в голову», при этом активно пожимала плечами, а взглянув на мою голову, прикрыла рот ладошкой. Коза!

Паука, кстати, на месте не обнаружилось, хотя сейчас я не очень-то уверена, что он там вообще был...

Приведя себя в порядок, смогла смело шагнуть в кабинет главного редактора, где уже сидела притихшая и заметно заскучавшая подруга.

– И ты присаживайся, радость моя. – Кивнул на соседний от Лизки стул Григорий Степанович и сам опустился в редакторское кресло, которое давно стало легендой в издательстве. Все обсуждали его невероятную стоимость.

Григорий Степанович смерил нас труднопереводимым на русский язык взглядом, устало вздохнул, поджал губы.

– Ох, и не знаю даже, что с вами, девочки, делать... Вроде и накосячили...

– Да где?! – По банальной привычке спорить везде и во всём, встрепенулась Лизка и выпятила свою грудь вперёд. Под взглядом отца немного осела, а потом и вовсе сдалась. – Да они сами виноваты! Когда нам текст представили, когда? За два дня до сдачи в печать? Пап!

– На это у нас есть юридический отдел, Лизавета Григорьевна, который и занимается подобными нюансами. Ты же, в свою очередь, не поставила их в известность, а значит, взяла всю ответственность на себя. Вот и держи удар.

– Много чести. – Надулась она и повернулась ко мне. – Галк, ну, вот ты ему скажи, что...

– Даже слушать ничего не хочу! – Перебил её глав.ред. и посмотрел уже на меня. – В общем, на первый раз...

– Прощаешь? – Засияла Лизка, совершенно забыв о том, что она вроде как обиделась, тут же вспомнила, но было уже поздно. Григорий Степанович непреклонен.

– На первый раз отделаетесь лишением премии. И это только на первый раз. Урок, думаю, для вас хороший. Что же касается...

– Папа! У меня всё копеечка в копеечку было рассчитано! Давай следующую премию, а?

– Никому хоть не рассказывай, дочь, что копейки считаешь. – Усмехнулся он. – Засмеют ведь. А в качестве морального ущерба вот вам. – Положил на столе два красивых голубых конверта. – Краткосрочный отпуск с начала следующего часа прилагается.

Лизка тут же распаковала конверт, я с эмоциями не торопилась, к тому же, она через секунду поделится своими впечатлениями.

– Ладно, прощён. – Великодушно глянула она на отца поверх конверта, потом удержала расплывшуюся на лице улыбку, встала, обошла стол, клюнула его в щёку и крепко обняла. – Как хорошо, что ты у нас есть, пап.

– Григорий Степанович. – Напомнил глав.ред. и улыбнулся.

– Спасибо. – Поблагодарила я, стягивая такой же конверт со стола и для себя. – Мы можем идти?

– Конечно. Только не вздумайте вихрем нестись из издательства. Я вас отпустил только с десяти.

– Помним, помним, папочка. Целую. – Тут же, в подтверждение слов, отослала воздушный поцелуй и вытолкала меня за дверь. – Ху-у, нет, ну, ты представляешь, премии лишил! Да я с этого Ядвинского всё стрясу, пусть даже не надеется легко отделаться! – Возмутилась она. – Надо же, каков наглец! Я его по доброте душевной не сдала, так вот чем он меня отблагодарил! Отцу нажаловался!

– Скажи спасибо, что не стряс неустойку. А я говорила, что не стоит его детектив принимать так поздно. Но ты...

– Да ладно тебе, пронесло ведь! – Хлопнула она меня по плечу. – Зато теперь у нас есть неограниченный по лимиту день в лучшем спа-салоне города! Я говорила тебе, что у отца с его владелицей роман, нет? – Тут же понеслась она во все тяжкие, обсуждая, как же удачно Григорий Степанович выбирает себе любовниц.

Лизка тоже росла без матери, только по другим причинам. Та их бросила ради нахлынувшей любви с каким-то альфонсом. Потом, правда, вернулась, но Григорий Степанович не принял. Не приняла и Лизка, правда, я думаю, это она только напоказ так говорит, потому что иногда ей всё же звонит какая-то женщина. Но это не моё дело. А ко мне так по-простецки Григорий Степанович относится потому, что я все пять лет обучения просидел в их квартире. Лизка всегда любила мою компанию, да и лабораторные работы, и контрольные я всегда готовила лучше. Так и справлялись. А потом он занял пост главного редактора, и не воспользоваться такой возможностью было попросту глупо. Так я и стала Лизкиной подчинённой. А она моей начальницей.

День в салоне прошёл, мягко говоря, незаметно, Лиза со своей ненасытностью явно намеревалась опробовать всё из предлагаемого ассортимента, но времени катастрофически не хватило, пришлось закругляться и наводить марафет. Зато к вечеру мы были абсолютно готовы.

Глава 1

– Двенадцать пропущенных. – Констатировала, глядя на телефон. – Галка, твой сколько раз звонил?

– Учитывая, что мы с тобой шесть часов были вне зоны доступа... – Умно закрутила я, на что Лиза тут же руки в бока упёрла.

– Нет, Галь, ты такая правильная, что у меня иногда даже волосы дыбом от раздражения стоят! Какая разница? Мы на территории, куда мальчикам вход воспрещён. Пусть волнуются. Им это полезно. – Хохотнула напоследок, а сама бросилась перезванивать и мило щебетать в трубочку.

– Да, Зай, да, заработались. – ... – Нет, нет, заезжать не нужно, мы сегодня на моей. – ... – Да нет проблем, на стоянке у клуба оставим. – ... – Синий. Нет, Антону тоже синий. Ну, что ты... Хорошо, его сам успокой, у нас с Галей ещё есть свои секретки. Целую. Всё. Пока, пока.

Нажав на кнопку отбоя, ещё пару секунд погримасничала перед телефоном и на меня посмотрела.

– Ну, вот, а ты волновалась. Да они даже и не искали нас. Звонили, чтобы спросить, что надеть. Представляешь?! Детский сад.

– Конечно, особенно если вспомнить, как ты их отчитывала в прошлый раз, так вообще проблем нет.

– А что ты хотела? – Вспыхнула Лиза и надулась как мыльный пузырь. – Я в платье пришла, а он в шортах. И это на встречу выпускников! Он бы ещё плавки нацепил!

– Была пляжная вечеринка, его шорты оказались более уместны, нежели твоё платье.

– Однако когда я сказала, что работаю зам глав.ред., они ахнули, а по поводу того, что мой парень имеет свой бизнес, многие усомнились.

– Ну и что? На его заработной плате их мнение не отразилось. Не так ли?

– И всё равно неприятно! – Упиралась она. – Да что ты теребишь свой телефон? Валера сказал, что они уже встретились, так что всё твоему благоверному передаст. Как думаешь, что Антон подарит тебе на день рождения? – Без должного перехода оживилась Лиза, и я сжала телефон в своих руках сильнее.

– Откуда я знаю? – Возмутилась, недовольно хмуря брови.

– Мне кажется, в этот раз будет что-то глобальное. – Мечтательно причмокнула она губами, улетая в мир фантазий, я же, культурно промолчала. Но была с ней согласна. Антон затаился, а значит, что-то всё же подготовил.

Вспомнить только предыдущий праздник: он купил мне новомодный ноут с множеством функций и различных наворотов, хотя для работы достаточно простейших программ, минимум памяти и выход в интернет для развлечения. Но о подарке я знала задолго до торжественного момента вручения. А как тут не знать, если у меня десять раз спросили, какую я модель предпочитаю и всё в таком духе. В общем, секрета из всего этого не делалось. Сейчас же, всё держалось в строжайшей тайне, и даже поверенный во все преступления друг Валера, не мог ответить на этот вопрос.

– Вот бы машину подарил, да? – Отвлекла меня от раздумий Лиза, и я от неожиданности дёрнулась. – Да что с тобой, в самом деле? Вся на нервах сегодня.

– Дождь. – Не вдаваясь в подробности, ответила я и двинулась к выходу. Лиза нагнала меня по дороге.

– Сейчас ко мне поедем, – повисла на моём плече, – потом к тебе заскочим, чтобы и ты переоделась.

– В самом деле? Можно? У кого вообще праздник, подруга? Кто должен быть на высоте? – Невежливо стряхнула я её локоть и ускорила шаг. – Давай сначала ко мне. Так по дороге будет,

да и собираюсь я быстрее. А тебя вечно нужно в рамки ставить, чтобы не распускалась. И давай активнее, – я посмотрела на пасмурное небо, которое вот-вот грозило возобновить потоки воды, – боюсь, как бы старания все насмарку не пошли. Смотри, как затягивает.

– На машине нам не страшен ни дождь, ни снег! – Оптимистично ответила Лиза и согнула мой указательный палец, который так и застыл, указывая на набежавшие тучи.

Уже в квартире Лизы, я поняла, что приняла абсолютно правильное решение, переодевшись первой: мы уже битый час не могли выбрать платье, которое, как она обещала, давно висит в шкафу. Разглаженное и надушенное. К слову сказать, именно в таком виде оно и висело... среди десятка аналогичных изделий. Поэтому выход затягивался.

– Лиз, нас все ждут. – Который раз за вечер пропыхла я, устав листать модные журналы, пить кофе и, условно говоря, ковырять в носу.

– Да кому там ждать?! Мы звёзды вечера. – Выглянула она и наткнулась на удивлённо приподнятые брови. – Ну, ты. И я с тобой вместе. – Поправила козе хвост, но была уже в платье, что значительно утихомирило рвущееся наружу раздражение.

– Шесть человек приглашены, если ты забыла.

– Да... вот если бы ты шесть мужиков пригласила, я бы ещё поняла, а так... Валера мой, твой Антон и четыре бесприданницы. Оно тебе надо? Верка, того и гляди, на шее Антоши повиснет. А ты всё с рук спускаешь!

– Я считаю, что если он меня любит, то...

– Ой, только не нужно вот этой лирики. Любит, не любит, – как обычно принялась кривляться Лиза, поправляя и без того идеальный макияж. – Любовь, это, конечно, хорошо, но ничто так не разряжает обстановку, как жаркий секс с утра.

– Лиза!

– А что я такого сказала? Нет, вы посмотрите на неё! Словно и сама не знаешь, что им всем надо. Свадьба, свадьба, кольца, кольца! А потом налево при первом удачном стечении обстоятельств. А наша задача таких обстоятельств не допустить! – Наставническим тоном проговаривала она, тыкая в меня кисточкой от блеска для губ. – И чем чаще мы будем напоминать своим мужчинам, какие замечательные девушки им достались, тем быстрее они это запомнят. Как рефлекс у собаки Павлова. Понимаешь?

– Поехали уже, а, собака... Павлова.

Я, наконец, поднялась с кресла, расправила подол коротенького платьица и первой вышла. Из подъезда мы уже бежали вприпрыжку, потому, как дождь всё же начался, а до машины нужно было ещё добраться. В итоге опоздали минут на двадцать, ссылаясь на пробки, которых в нашем городе не так и часто увидишь. Что очень даже удивительно, учитывая развитую инфраструктуру, растущие потребности граждан и масштаб нашего старинного города. Ребята уже собрались за столиком и бурно обсуждали меню. В общем, появились мы в самый подходящий момент.

– Ну, привет, моя красавица. – Слащаво улыбнулся Антон, хоть и знал, что я такого обращения не люблю. – Всё в порядке? – Шепнул на ухо, поласкав щёку губами, помог присесть.

– Да, всё хорошо. Надеюсь, недолго ждали.

– Всю жизнь. – Он со значением посмотрел в мои глаза, пока я не отвернулась, словно предчувствуя неладное. – Но сегодня минут десять. – Быстро исправился, понимая, что на нас уже смотрят.

Торжественные речи подруг и даже Лизы, можно опустить, потому как они очень похожи и в пожеланиях, и в глупых улыбках, которые их сопровождали, а вот Антон подозрительно отмалчивался, и для себя я поняла, что это либо очень хорошо, либо очень плохо. Мы несколько раз выходили на танцпол, как в медленных композициях, так и для того, чтобы заставить кровь бежать по венам быстрее, но нехорошее предчувствие не отпускало. Да ещё

и дождь не успокаивался, о чём свидетельствовали приходящие в клуб гости, на счастливых лицах которых, нет-нет, да и мелькнёт капелька недовольства и капелька свежих осадков.

Вернувшись за стол в очередной раз, отметила на нём явные изменения. И дело здесь было отнюдь не в чистых тарелках. Что-то странное было в лицах присутствующих, так же не понравилась бутылка дорогого шампанского, которое при мне никто не заказывал... и Антон. Да, очень уж странно он засуетился вокруг. Не плюхнулся в глубину уютного дивана, как любил делать обычно, а остался стоять. И меня придержал за руку, не давая присесть.

– Минуточку внимания. – Глупо улыбнулся он, у меня, что ли, внимания просил? Все и так молчали.

Я поджала губы, задержала дыхание, а на сцене заиграла мелодия, которую, на американский мотив, Антон называл «нашей». Очаровательная ресторанный певица брала высокие и низкие ноты, а все в зале почему-то пялились на нас. Но я надеялась, что всё это только кажется. Тщетно. Допев, она широко улыбнулась и, не дожидаясь заслуженных аплодисментов, так же посмотрела в нашу сторону.

– Сегодня один мой хороший друг решил на самое важное в своей жизни признание. Он запредельно волнуется, поэтому очень просил вашей поддержки. Антон, тебе слово. – Кивнула в нашу сторону, и он встал на одно колено, бережно придерживая мою ладошку, которую до этого сильно и весьма собственнически сжимал. Я даже на шаг отступила, чтобы не мешать ему делать такое важное признание. Ненавижу показухи, а романтиком мой парень не был никогда, но сейчас, меж тем, сверкал глазами и широкой улыбкой.

– Галя, я давно понял, что ты именно та женщина, которую хотел бы видеть рядом с собой каждый день, каждое утро и, надеюсь, каждую ночь. – Вдохновенно начал он под всеобщие «ахи» и «вздохи». Кто-то из особо бесцеремонных, даже присвистнул, подбадривая, потому как его речь в абсолютной тишине не услышать было просто не возможно. – Ты самая красивая, самая желанная, самая дорогая. Ты настоящая, чем подкупила с первой же встречи. И я буду благодарен, если ты согласишься скрасить мою жизнь своей улыбкой, своей теплотой, которой мне так не хватает, если тебя нет рядом. Будь моей женой.

А потом, как по заказу, в его руке оказалась красивая квадратная коробочка, открыв которую, я смогла увидеть не менее красивое кольцо. Антон, меж тем, продолжал стоять, припав на одно колено, с придыханием наслаждался моей наигранно счастливой реакцией, фальшивой нерешительностью и тем, как непослушные губы едва слышно произнесли «да». Всё как по сценарию излюбленной комедии. Затем последовал обязательный в таких случаях поцелуй двух любящих людей, громкие овации и поздравления, как друзей, так и случайных свидетелей душещипательной сцены. А когда я присела за стол, мне уже не хотелось ничего.

– Детка, не обижайся, мне кажется, получилось красиво. – Абсолютно не смущаясь своего поступка, улыбался Антон, поцеловал кончики моих пальчиков, которые я тут же из его захвата вытянула.

– Не нужно было всего этого. – Пояснила мягко, не желая обидеть его и как-то продемонстрировать недовольство. Только все и так поняли, что не рада такому вниманию. Не понятно было лишь то, почему я не радуюсь самому предложению. Ведь о таком можно было только мечтать.

Красавец с правильным настроем на жизнь, хорошей наследственностью и уважаемой в городе семьёй, давно считался завидным женихом. И, когда, казалось бы, весь мир у моих ног, сердце почему-то бьётся часто-часто, не желая замедлить ритм. Антон довольно улыбался, откинувшись на спинку широкого дивана, и подмигивал мне, поймав неосторожный взгляд, Лиза же, подвинулась поближе.

– Вот это мужик! Вот это уважаю! – Возбуждённо говорила она мне на ухо. – Надо же! А я всё машина... машина. Вот он. Настоящий поступок!

– Так говоришь, словно он не предложение мне сделал, а вошёл в клетку с тигром.

– Кто знает, насколько ты у нас дикая, кошечка... – Неоднозначно потянула Лизка и выгнулась наподобие пушистой проказницы. – Мраур... – Мурлыкнула и тут же залилась смехом.

Праздник продолжался, музыка не стихала. Антон, кинув на меня несколько неоднозначных взглядов, приблизился и пригласил на танец. Естественно я согласилась – сказать мне было что.

– Не дуйся! – Первым делом выдохнул он в мои волосы, прижимаясь в танце всем телом, блуждая тёплыми губами по лицу. – Знаю, ты всегда говорила, что не любишь этого пафоса и громких слов, но моя мама убеждена, что в душе все девушки остаются маленькими принцессами и жаждут красивых поступков. Как тебе такой аргумент?

– Аргумент, может, и правильный, но не для меня.

– Глупости. – Улыбнулся Антон, отстраняясь лицом, чтобы увидеть мою ответную улыбку. И она появилась незамедлительно. – Ну, вот видишь, всё не так страшно, как казалось ещё минуту назад. Всё хорошо. Да?

– Да.

Кивнула я, скорее, чтобы его успокоить, не высказанное мнение можно было оставить при себе.

– Ты самая красивая и самая замечательная из всех девушек, с которыми я был знаком. Я действительно хочу, чтобы ты стала моей женой. Я так хочу. – Выделил специально. – И сделал это не потому, что моя мама называет тебя удачной партией. Не потому, что отец видит в тебе будущую мать своих внуков, правда. Я хочу быть с тобой, а всё остальное лишняя суета. Ты будешь моей женой?

Я удивлённо уставилась на него, а Антон нахмурился.

– Я же сказала «да». – Пояснила с примирительной улыбкой, которая его ничуть не смягчила.

– Ты растерялась тогда и сказала это для толпы. Для меня скажи, прошу.

Я растерянно смолкла.

– Ты будешь моей женой?

Антон спросил достаточно громко и чётко, настолько мощная энергетика исходила от этих слов, что я на секунду растерялась, словно попала на несколько лет назад, где от меня требовали этого ответа, и по телу от таких воспоминаний прошла волна дрожи.

– Да. – Ответила, отмахнувшись от всего лишнего, и попыталась спрятаться, уткнувшись лицом в широкое плечо.

– Да... – Эхом услышала его голос и почувствовала улыбку, которая тронула губы, мешая поцелую. Мимолётному, лёгкому, воздушному. Наконец-то получилось расслабиться, и я отдалась во власть танца, во власть мелодии, во власть надёжных мужских рук, которые уверенно вели в этом танце. Которые так же уверенно поведут меня по жизни.

А уж когда вернулись за стол и музыка стала более приглушённой, сложно было отделаться от суетливых насущных вопросов.

– А когда это важное событие?..

– Вы дату уже назначили?..

– А какое будет платье? Я бы посоветовала тебе свадьбу в стиле хебби-шик...

– Ни в коем случае не заказывайте лимузин, на нём потом у памятников не развернуться...

– Ресторан нужно бронировать заранее...

Вопросы и советы сыпались с разных сторон, Антон не успевал отбиваться, я, так и вовсе молчала. Была сейчас в другом месте, наверно, даже в другом измерении. Знала, что завтра должен состояться другой разговор, который я планировала оттянуть ещё на пару лет как минимум.

– Галь, не грусти. – Пьяно улыбнулась мне Лиза и толкнула в бок острым локотком. Пришлось улыбнуться в ответ, а губы прикрыть бокалом с шампанским, чтобы не было видно, как они тут же кривятся. – Станешь ты скоро гражданкой...эм... как у Антоши фамилия?

– Ковалёв.

– Ну, – цокнула она языком, – фамилию мужа сейчас брать не обязательно. Так вот, выйдешь ты замуж, а там и Валера мой зашевелится. Глядишь, в следующем году спиногрызиков нянчить будем. И вообще, жизнь, как мне кажется, налаживается. Эх, жалко ты из издательства уйдёшь, мы бы там с тобой таких дел наворотили...

– Каких ещё дел? И почему это я уйду?

– Ну, как же, – удивилась она и нахмурилась, видимо, переживая пузырьковый взрыв в своей голове, – наверняка Антошин папа возьмёт тебя к себе.

– Ага, в металлургическом бизнесе страх как ценятся филологи русского языка с красным дипломом.

– Твоя правда. – Она подняла бокал, предлагая чокнуться, а меня долго и просить не нужно, тут же ответила. – Одно дело, если бы ты английский изучала... – Потянула мечтательно и на несколько секунд задумалась. – Да, нужно учить иностранный. Пригодится в жизни. Мало ли, я ещё замуж за иностранца выйти могу. – Надула губы, прикидывая в уме, а сможет ли.

– С гражданством определилась? – Хохотнула я, понимая, что подруга зависла.

– Да ну, глупости ты говоришь, зачем это мне?! Лучше наших, русских мужиков, поди, и нет никого. Глянь, сколько счастливых лиц вокруг. – Широким жестом руки, в которой так и держался бокал, Лиза уверенно окинула весь зал. – Сколько позитива, сколько бесшабашности. Ну, в какой такой загранице ты увидишь столько же позитива, а? Нет, буду и дальше Валерика своего окучивать. Глянь, какой замечательный он у меня.

Лиза с блаженной улыбкой уставилась на жениха, а я глянула на Антона. Всем хорош. Красивый внешне, не дурак, уважает меня как женщину и как личность. За два года отношений я даже и вспомнить не могу, чтобы мы по пустяку какому-то ссорились. До него у меня был парень, вот там явно тротиловый эквивалент зашкаливал. Даже Лизка боялась подходить к нему, когда тот не в духе, а с Антоном мне легко и как-то естественно. Наверно, так и должно быть. Чтобы не искрило...

Взгляд плавно прошёлся по другим гостям клуба. За столиком в углу сидела компания во главе с высоким барадачом. Интересный тип, хоть и опасный. Он громко смеётся, а, доказывая правоту, басит так, что и музыку перекрикивает. Справа потягивают лёгкие коктейли две молоденькие студентки. Студентками я их считаю оттого, что денег нет, иначе с чего бы им эти коктейли крутить в руках вот уже второй час подряд? Они уверенно смотрят и иногда оглядываются по сторонам, видимо, желая познакомиться, но подходящих партнёров пока не нашли. Сразу за девушками мило улыбается друг другу супружеская пара. Мужчина аккуратно придерживает даму за ладонь, едва теребя пальцы, периодически поглаживая кольцо на безымянном правой руки. Мой взгляд тут же вернулся к Антону. Вот, не представляю я его так же сидящим со мной вечером, нежно придерживающим за руки. Чего-то мне в нём не хватает. Стабильности? Возможно. Порой он мне напоминает яркий флюгер, который готов повернуться в ту сторону, в которую его направляет своенравный ветер. Но когда этот флюгер кружится, теряя ориентиры, наступает время для того, чтобы найти точку опоры. На данный момент именно такой опорой себя чувствую я. Он зацепился за меня, пытаюсь удержаться, и моей мощи хватает на это, но иногда я готова и сама сорваться, чтобы не быть опорой, чтобы со мной можно было парить. Взгляд невольно опустился к кольцу. Красивое, гладкое, с россыпью белых камней. Я где-то читала, а, может, слышала, что обручальное кольцо должно быть идеально гладким, такой же гладкой будет и твоя жизнь. А это кольцо в камнях, в ухабах, не видимых глазу, и жизнь будет такая же...

Чтобы сбить грусть, потянула ещё пару глотков вина, взгляд снова принялся блуждать по залу в поисках чего-то особенного, за что можно зацепиться. Я посмотрела за спину Антона, который сейчас так увлёкся доказыванием очередной своей безумной идеи, что совершенно этого не замечает. Там, за его спиной, клуб погружался в полумрак, который не так-то просто разглядеть с моего места, но который позволяет сидящим там наслаждаться происходящим вокруг без преград. За столом двое мужчин. Их фигуры чётко вырисовываются из общей расплывающейся темноты. Один из них сидит полубоком, другой в этот момент может так же свободно разглядывать меня, как и я его. Мне видно недостаточно, чтобы оценить. Мыс идеально начищенного ботинка направлен в мою сторону. Брюки. Это точно брюки, такая редкость среди молодёжи. Правая рука свободно лежит, демонстрируя кипельно белый манжет рубашки, застёгнутый на красивую запонку со странным камнем. Сейчас он кажется мне чёрным, но я практически уверена, что при свете дня это будет что-то уникальное, неповторимое.

Мне нравится рассматривать людей, но вследствие определённого уровня воспитанности, делать это я могу не так часто. Особенно удачно получается забыться после нескольких бокалов вина. И этот мужчина, лицо которого я не вижу, безусловно, притягивает. Он повернулся, делая свою позицию более располагающую к рассматриванию, словно специально подставляется под мой взгляд, но не даёт больше, чем хочет. Сейчас я могу видеть его грудь с расстёгнутым воротом сорочки, из-под которого виднеется массивная цепь из белого металла. На шее, словно поцелуй художника, лепестки неведомой татуировки. Чёрт, даже в животе теплее стало от происходящего! Ещё немного ближе и я могу увидеть острый кадык, который двигается в такт глоткам или словам... Это заводит сильнее. Я не заметила, как начала улыбаться. Абсолютно бессовестно, бесстыдно, порочно. И... руку даю на отсечение: он заметил мой интерес, именно поэтому меня бросает то в жар, то в холод, именно поэтому я не могу оторвать от него своего взгляда.

– И чего он на тебя так смотрит? – Сквозь пелену своих мыслей услышала я напряжённый шёпот подруги. Почувствовав, что я оживилась, Лиза и сама осмелела. – Эй, она уже занята. – Крикнула так, что в ту сторону повернулись все наши друзья, но, не разглядев ничего подозрительного, отвернулись, Лиза при этом махала моей рукой, на которой отчётливо выделялось кольцо. Я же, пыталась отобрать у Лизы свою руку. Мужчина за столом улыбнулся, повернулся к свету, и теперь можно было отметить его тяжёлый подбородок и улыбку. Красивую. Не смогла сдержаться и улыбнулась в ответ, только потом про Лизу вспомнила и шикнула на неё.

– Да ну, перестань. Тебе теперь нечего стесняться, ты практически замужняя дама. Это я сожительствоваю...? – Посмотрела на меня пьяными глазами и тут же возмутилась. – Ну, нет. Это же невозможно! Смотрит и смотрит!

Она вновь выругалась на таинственного незнакомца, а мне снова захотелось почувствовать какую-то определённую власть над ним. Словно мы две части одной очень маленькой тайны. Притянула к себе бокал, поднесла его к губам, но выпить уже не смогла. Потому что я увидела его глаза. Я разглядела его лицо. И всё внутри похолодело, настолько отчётливо я ощущала этот взгляд на себе.

Забыла, как дышать, забыла, как моргать, да я даже не была уверена, что моё сердце билось в это мгновение. Оно словно остановилось, чтобы вспомнить, как нужно биться в его присутствии.

– Мне нужно выйти. – Прошептала непослушными губами и тут же вскочила с места, не давая ответа на встревоженный взгляд Антона.

Метнулась в туалет, словно могла там спрятаться, несколько раз сжала и разжала кулаки, пытаюсь успокоиться, но паника нарастала. Нужно было сбить жар, огонь, стихию, которая поглощала меня изнутри и, открыв кран с холодной водой на полную мощь, я несколько раз брызнула её себе в лицо. Согнулась, ощущая ледящий холод, а разогнуться боялась, почему-то показалось, что как только увижу в зеркале своё отражение, ОН будет стоять за моей спи-

ной, и стало страшно. Нереально страшно. Как в фильме ужасов. Я уверяла себя, что смелая, что этого нет, просто не может быть, не сегодня, не сейчас... И резко разогнулась, только глаза не смогла открыть сразу же. Прикусив до боли нижнюю губу, посмотрела в зеркало, ровно в то место, где ожидала увидеть его... только за моей спиной никого не было. Белый, аккуратно уложенный кафель. И больше ничего. Я даже рассмеялась, так глупо себя почувствовала. Мокрой рукой стёрла с губ остатки помады, пытаюсь отдышаться. Покачала головой, сетуя на нервы, которые, с чего-то вдруг расшатались. Бумажным полотенцем промокнула лицо, убирая остатки влаги, вместе с ней с лица исчез и идеальный макияж, оставляя после себя неприятную бледность, которая выглядела едва приличнее того же кафеля. Устало оттолкнулась от бортика умывальника и вышла в зал, где было темно, душно, дымно.

Со стороны уборных комнат того столика видно не было, поэтому я шла достаточно смело. Но по мере приближения, уверенности в моих ногах оставалось всё меньше, а шея так и вытягивалась, пытаюсь вновь увидеть то, чего, как я надеялась, нет. Был плод моего пьяного воображения. Вполне нормально, что мне всё это показалось. Вся эта ситуация... предложение руки и сердца, признание Антона способствовало. Только разглядеть я так ничего и не смогла, Антон подскочил, встречая меня, тут же обнял, усаживая на место, присел рядом, придерживая за плечи.

– Всё хорошо? – Вглядывался он в мои глаза. – Ты так резко убежала...

– Нормально. – Отстранённо отвечала я, пытаюсь разглядеть то, что ускользало. – Просто стало душно.

– Это Галя репетирует роль беременной дамы. – Успокоил его кто-то из девчонок.

– Тоже правильно. – Поддержала Лиза. – Семья – это дети. Галь, а ты бы скольких хотела?

– Я бы не отказался от двоих. – Притянул меня ближе Антон, пристраивая на своём плече, а из такого положения было видно одно плечо моего незнакомца. – Только не сейчас. Сейчас нужно со своим делом определиться.

– А ты ещё не определился?

– Отец хочет, чтобы я вместе с ним работал, только это не моё. Да и не интересно: вести дело, которое тебе преподносят на блюдечке. Мне хочется чего-то своего.

– Так, ты не просто веди, – вклинился в разговор Валера, – ты приумножай и прославляй. Сей великое, могучее, вечное.

– Отец предлагал мне один вариант, правда, в соседнем городе. Молодая и перспективная команда менеджеров. Торговля меня прельщает больше.

– А что Галя думает по этому поводу? А, Галь?

– Я думаю, что Антону виднее. Тем более, заниматься любимым делом полезно для здоровья. Нервная система остаётся в полном порядке. Разве ты об этом не слышал? – Погладила любимого по плечу, тут же в придачу получила благодарственную, поддерживающую настроение улыбку.

– Видишь, она понимает меня с полуслова. – Пригладил мои волосы, приткнулся губами ко лбу, а я видела, как напряжённо сжался кулак незнакомца за дальним столиком. Не могла себя заставить отвести взгляд.

Антон снова отвлёкся, и чтобы было удобно спорить с Валерой по поводу «быть» или «не быть» семейному бизнесу, снова отсел на противоположный диван, мимоходом уточнив, не против ли я. А я была против! Я словно защиту потеряла... И от холода поёжилась, ощущая такое знакомое мне одиночество. Отвернулась. Заставила себя. Не должна смотреть. Не имею права! Попыталась поймать давно упущенную нить разговора и когда мне это практически удалось, Лиза снова приткнулась ближе.

– Галь, он снова смотрит. – С какой-то неприятной паникой в голосе произнесла она и повернулась ко мне лицом. – Может, это какой-то твой знакомый, Галь?

– Нет.

– Сколько ему? Лет сорок, наверное. Ты не разглядела? Интересный такой, я бы с ним замутила.

– С чего ты взяла, что я на него смотрела? – Раздражённо возмутилась я и схватилась за первый попавшийся бокал, чтобы занять руки.

– Может, с того, что ты на него действительно смотрела? Галь, посмотри на него ещё раз. Он явно ждёт этого.

Нервно усмехнувшись, я со звоном поставила бокал на стол, рискуя расколоть его ножку, поджала губы и повернулась, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. А вся моя уверенность рассеялась, как утренний туман. Красиво сказано, но неприятно бьёт по нервам. Это был Он. Мужчина, которого я видела всего три раза. И каждый раз после этого моя жизнь менялась, преображалась, а в душе зарождалась надежда. Сейчас её там нет... А он есть. Я узнала его в ту же секунду. Вероятно, он узнал меня раньше, примерно в тот момент, когда Антон делал предложение, и это окончательно растоптало иллюзию.

Он увидел мою растерянность, он с воздухом втянул запах моей паники, хотел подавить одним лишь взглядом и это получалось. Я молчала. Молчала и смотрела, а он демонстративно наклонился вперёд, упираясь локтями в широко расставленные колени, ладони свободно свисали между ног, и выглядело это жутко и устрашающе. Взглядом приказывая подойти, мучил меня. Я не хотела туда, и он тоже это понимал, оттого и усмехался одним уголком губ. Так, что холодок бежал по спине.

– Галь, ты знаешь его? – Слишком громко прошептала Лиза и услышал Антон.

Услышал, проследил за взглядом и повернулся в ту сторону. Непонимающе уставился на меня.

– Ты его знаешь, Галь? Что случилось?

В этот момент за дальним столиком я отметила резкое движение. Всего одно. Он словно хотел встать, чтобы подойти к нам, чтобы вырвать меня отсюда. Забрать себе. Я уже понимала это и не знала, как объяснить Антону... Лизе, Валере...

– Да, я его знаю. – Удалось выдать из себя и перевести взгляд на Лизу, даже попытка улыбнуться увенчалась успехом. Я неловко поднялась, оправдала платье и сделала шаг вперёд. – Старый знакомый. Я подойду. – Проронила на ходу, медленно, но верно приближаясь к наметенной цели. Каждое движение словно вижу со стороны, как негнущиеся колени делают шаг за шагом, как на лице проявляется робкая виноватая улыбка. Эмоции не подвластны мне. И я иду. Но ощущаю не страх. Скорее, какую-то нереальность происходящего, точно и не со мной.

А Он, по мере моего приближения, медленно расслабляется, выдыхает, откидывается на спинку дивана, поэтому, когда я остановилась, стоя практически вплотную, оказался в весьма вальяжной позе, демонстрируя превосходство.

Стою, и не знаю что сказать. И Он молчит. Чего-то ждёт. Но теперь не подавляет, теперь позволяет привыкнуть к своему присутствию. Вот так, используя только взгляд, который я сегодня ощущаю слишком остро, чтобы ошибиться.

– Ну, давай лапульку. – Ухмыляется он, а я как под гипнозом протягиваю слегка подрагивающую руку.

Он не хочет меня пугать, поэтому слегка поглаживает её, лаская кожу, подушечки пальцев. Перебирает каждый из них, пока не останавливается на том, на котором сейчас надето кольцо. То самое. С камнями и ухабами. Так, кажется, я говорила...

Провёл пальцем по металлу, раз, другой, сильно сжал и посмотрел прямо в глаза.

– Красивое. – Я вздрогнула, но он не поддался и не отпустил, сжал сильнее. – Моё лучше было, нет? – Я прикусила губу с внутренней стороны. Знаю, о чём он думает, но даже не могу представить, что сделает. – Почему не носишь?

Спросил вроде и мягко, но с вызовом, слегка приподняв брови.

– Оно очень дорогое. – Понимаю, что я это сказала и испуганно смотрю на НЕГО.

– Снимай. – Тихий и короткий приказ. Без угрозы, без повышенного тона, но у меня волосы на руках встали дыбом от понимания того, что он просит сделать.

– Пожалуйста, не нужно. – Шепчу так, чтобы он услышал. И он услышал, усмехнулся. Его друг, сидящий рядом, хрюкнул, я в панике перевела взгляд с одного на другого и обратно, почувствовала себя в западне. – Не сейчас. Я прошу тебя.

ОН встал, не отпуская мою руку, сделал шаг, который разделял нас до этого, склонился к уху.

– А ты не считаешь, что это не честно? – Отшатнулся, посмотрел в глаза. – По крайней мере, по отношению к нему. – Кивнул в сторону Антона, а я не решалась повернуть голову, стояла в оцепенении, пытаюсь контролировать дыхание.

– Давай, верни кольцо, и поехали со мной.

– Я не поеду. – Проговорила в пол, тут же резко вскинула голову и посмотрела прямо в его глаза. Необыкновенные. Красивые. Которые так безжалостно пытаются раздавить меня своей энергетикой. – Не поеду! – Практически выкрикнула, за что ту же почувствовала его силу: правой рукой он сжал моё плечо, притягивая к себе ближе.

– Тише, родная, тише. Я и так знаю, что ты смелая и сильная. Только речь сейчас не о тебе. – Я сжала зубы сильнее, чтобы не издавать жалостливые всхлипы. – Посмотри на него. Ну же, сейчас, посмотри.

Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться на устном счёте, но ОН встряхнул меня.

– Посмотри, я сказал!

– Шах...

Одним лишь взглядом он заставил своего друга не вмешиваться, замолчать.

– Давай же, он ждёт. – Нашёптывал мне, словно искуситель.

Повернувшись, я увидела тревогу, смешанную с заботой и непонятную мне нерешительность. Антон ждал развязки, не двигался с места.

– Молодой, здоровый. – Не унимался ОН. – Вся жизнь впереди. Так, кажется, говорят?

Я не отреагировала, и меня силой заставили повернуться, поворачивая голову широкой крепкой рукой.

– Галя, я сломаю ему ноги, руки, а если этого вдруг окажется недостаточно, то сверну этому парню шею. Но ты всё равно... будешь... со мной. Ты это понимаешь?

Надёжно удерживая рукой за шею, провёл большим пальцем по подбородку, пытаюсь задеть губы. Не сдержался от такого интимного прикосновения, приблизился своими губами к моим, но не коснулся, только выдохнул так, что навзничь падай от тяжести.

Я молчала.

– Ты понимаешь, что я тебе говорю?

– Да. – Выдохнула, но не смогла пошевелиться. На тело навалилась невероятная усталость.

– Тогда просто верни кольцо.

– Зачем?

– Потому что я так хочу.

Я посмотрела на НЕГО. Он необыкновенный. Такого больше нет. Провела рукой по пиджаку, поглаживая грудь, спустилась к рукаву, где зацепилась ногтем за камень, привлёкший моё внимание. ОН изменился. Нет того лоска, который я видела прежде, точнее этот лоск стал иным. А ещё появилась основательность, сила, уверенность. Уверенность всегда была, но сейчас её неимоверно много.

Не дожидаясь и далее решения, ОН отпустил меня и пошёл к выходу. Туда же направился и его друг, предлагая мне идти впереди него.

– Прощу. – Шутовски склонился, и меня перекосило от злости. Наверно, на саму себя злилась. На то, что я не могу, а, возможно, даже не хочу изменить того, что есть.

– Дима, зачем тебе всё это? – Спросила без малейшей надежды услышать ответ, но он повернулся и посмотрел на меня. Его глаза смеялись.

– Потому что я не представляю свою жизнь иначе.

И пошёл дальше. Остановился у столика моих друзей, выдерживая интригующую паузу. Лиза нахохлилась, Антон и Валера поднялись, не зная, чего ожидать. Все ждали меня, и я подошла, а когда идти отказывалась, мужчина, тот друг, который всегда оказывался рядом, толкал меня сзади.

– Галь? – Пропищала обычно разговорчивая Лиза.

– Не хочешь нас представить? – Усмехнулся Дима и я скривила губы в презрительной улыбке.

Сняла кольцо, подаренное Антоном, резко положила его на стол, не желая что-либо объяснить, но такой вариант не устраивал никого из присутствующих.

– Говори. – Напомнил Дима и стал так, что бы Антон при всём желании не прикоснулся ко мне.

– Антон я не могу выйти за тебя замуж. – Без эмоций пробормотала я, даже в глаза посмотрела. И не думала, что умею так играть.

– Галя, кто это? Что ты несёшь?!

Антон попытался притянуть меня за руку, но Дима в одно мгновение пресёк эту попытку.

– Галя?..

– Я не могу... не могу выйти за тебя замуж. – Пояснила и сделала попытку уйти, но Дима не позволил, притягивая меня к себе за руку.

– Что за бред?! Что это значит?

– А это значит, что ты в пролёте. – Неприятно усмехнулся мужчина за моей спиной, а Дима располагающе улыбнулся.

– Галя не может стать твоей женой, по одной простой причине: она уже замужем.

Пока Антон переваривал услышанное и смотрел на меня в попытке получить опровержение, Дима уже наклонился за маленькой сумочкой.

– Твоя?

Я утвердительно кивнула, не отводя взгляд от уже бывшего жениха. Не билась в истерике, оправдываясь, не пыталась избежать его обвинения, которое читалось в глазах. Обвинение, которое быстро превращалось в отвращение, а внутри было темно и пусто. Опомнилась, когда Дима настойчиво потянул к выходу. Его друг в дверях обогнал нас, видимо, желая подогнать машину. Кислый. Дима так его называл. Я даже имени его не знала, что, впрочем, и не удивительно, имя своего мужа узнала из штампа в паспорте, что уж до друзей.

Кислый был с ним всегда и везде. А если и не рядом, то наверняка поблизости. Он имел непривлекательную внешность: большие габариты, массивный нос, портящий всё впечатление, набитые за многие годы надбровные дуги, которые можно было принять за гигантизм. Но было в нём что-то особенное. Наверно, умение привлекать женщин. Уж, не знаю, чем, может, свисток стоит на тех, которые могут клюнуть, но лично я, в отличие от остальных, всегда терялась, ловя его неприятный взгляд.

На улице было сыро и как-то мерзко, несмотря на свежий ночной воздух.

– Ты в этом пришла? – Неприятно покосился на меня Дима, пока мы стояли на крыльце клуба. От такого тона я тут же обтянула подол коротенького платьица. Поймала очередной взгляд, который был направлен на оголённые плечи, обхватила их ладонями, пытаюсь прикрыться.

– Мы на машине приехали. – Оправдалась и отвернулась. Почему-то сейчас как никогда ждала Кислого, только он не ехал.

Дима утвердительно кивнул, резким движением скинул пиджак, накинул его на мои озябшие плечи, заставляя смутиться. Не скажу точно отчего, то ли от этой заботы, то ли почувствовав его запах так близко. Подумалось, что этот запах я так и не забыла...

– Не нужно. Я не просила...

Дима закурил, оценивая меня долгим пронзительным взглядом, задумался, затянулся сигаретой и почему-то поморщился. Сигарету ту же выбросил в стоящую неподалёку урну.

– Ты забыла. Я не из тех, кого нужно просить. У меня своя голова на плечах есть. Пошли.

Кивнул в сторону подъехавшего автомобиля. Такого же основательного, как и весь его законченный образ. Прежде было что-то более изящное, что-то более лёгкое. Даже его взгляд изменился. Прежде он на меня так не смотрел. А теперь взгляд тяжёлый, со скрытым подтекстом, с опытом за плечами.

Он открыл для меня заднюю дверь, обошёл машину и присел рядом. Кислый молча вёл авто, не обращая на нас внимания. Я как раз согрелась, окружённая его теплом, его запахом, получилось даже расслабиться, но почувствовала лёгкое прикосновение к кончикам пальцев и руку тут же одёрнула, да и сама забилась в угол машины. Дима ничего не сказал. Он и прежде при своём друге со мной не разговаривал. Только наедине. Не разрешал кому-либо приближаться, влезать туда, где были только мы вдвоём.

За окном автомобиля было темно, вскоре и свет уличных фонарей поглотила темнота: мы выехали за город. Даже силуэты деревьев различить не представлялось возможным, а редкие встречные автомобили быстро терялись за горизонтом. Но я настырно смотрела в это окно. Всмотривалась в гладкую, ровную поверхность, а видела там лишь отражение своих глаз. Вспомнилась наша первая встреча.

Глава 2

Мне в тот день исполнилось тринадцать. Четыре года прошло с тех пор, как погибла мама, отчего мой характер приобрёл резкие черты, нежелание подстраиваться. Юношеский максимализм зашкаливал, да и подростковый период напоминал о своём присутствии. Я не делала различий между взрослыми и детьми, общалась со всеми наравне. Наверно, этим хотела показать, что уже не ребёнок, что я повзрослела, что теперь сама за себя в ответе. Понимаю, как по-детски это тогда смотрелось, но на тот момент казалось иначе.

Денег в семье было немного: бабушкина и моя пенсии, но нам хватало. Расстроило только то, что, в отличие от остальных одноклассников, дни рождения которых мы праздновали в детском кафе, свой я отмечала дома. Тогда ещё переживала, что никто не придёт, бабушку ненавидела за жадность, но в итоге всё оказалось лучше, чем у остальных. Вкуснее и веселее. Сосед дядя Толя сыграл клоуна, который был смешнее настоящего и, несмотря на довольно-таки агрессивный возраст, мы восприняли его более чем адекватно. Съели все сладости, выпили апельсиновый сок, девять литров которого бабушка непонятными мне махинациями сотворила из килограмма апельсинов. Пришло время расходиться. Я, как радушная хозяйка, вызвалась провожать всех со двора, где ещё с полчаса мы прощались и обменивались впечатлениями. Особо не шумели, поэтому появление другой, более взрослой компании, заметили сразу.

Человек шесть здоровенных парней. В принципе, их знали все, они часто здесь появлялись, приходили к другому моему соседу, Пашке Головину двадцати лет. Пашку бабушка называла бандитской рожей, я же, любила послушать его байки, когда он курил в одиночестве. Так и говорил мне: «Привет, малая, подь сюда, расскажу чего». И я шла, я слушала, с ним было весело и почему-то не хотелось притворяться. Заливисто смеялась над его рассказами, как он удирал от ментов или хулиганов, а после спокойно прощалась, не боясь, что меня ткнут по голове и утащат в ближайший подвал.

Так и сейчас, шумные парни ждали его появления, неприлично громко хохотали, привлекая внимание вечно недовольных старушек, которые тут же старались скрыться в подъездах. Зато потом лавочки были в полном распоряжении ребят. Они и детскую площадку сколько раз купировали, но никто не пытался возразить. Боялись. Выглядели парни, надо признать, внушительно, особенно толпой.

Так и сейчас, стали под моим подъездом, говорили о своём, курили. А мы, естественно, окружённые эйфорией от праздника, обнаглели и уставились на них, не боясь быть застигнутыми за подглядыванием. Диму я заметила сразу. Тогда, конечно, имени его не знала. Но заметила не только потому, что он был здесь впервые, а потому, что выделялся из толпы. Весь в чёрном, в стильных дорогих джинсах, начищенных туфлях, хотя на улице лето и многие предпочли перейти на более уместные мокасины. Широкая рубашка парашютила при порывах тёплого летнего ветра, а чуть длинные волосы развевались, прикрывая густой чёлкой лоб.

Я засмотрелась. Тогда ещё подумала, что красивый. Да и плохие мальчики всегда привлекали таких правильных девочек, как я, воспитанных в лучших традициях и так далее, и тому подобное. Он стоял к нам полубоком, естественно не замечал, а потом вдруг так резко обернулся, что все подружки неуместно захихикали. Я и не думала глаза отвести, смело приняла его уверенный, настырный взгляд. Он смотрел всего несколько мгновений, а я успела разглядеть необычный, мягкий цвет глаз. Такой несвойственный всему образу. Радужка была слишком светлая, словно специально замутнённая. Мне вспомнился малахит. Такой же воздушный, мутный цвет, слегка разбелённый, обволакивающий. Он отвернулся и девочки тут же принялись шептаться – не одна я его заметила. Кое-как растолкав их по домам, сама в квартиру не спешила. Да и кроме грязной посуды, которую бабушка вполне заслуженно оставила мне (она ведь готовила), там ничего более не ожидалось.

Я выбрала карусель. Таковую, которая крутится вокруг своей оси, правда, крутить её не собиралась, просто села, отвернувшись от громкой компании. Паша вышел, кивнул мне как раз в тот момент, когда я усаживалась, бросая в ту сторону косой взгляд, неопределённо махнул рукой. Все ребята посмотрели на это и раздался очередной рогат. Не хотелось думать, что смеются надо мной, но оставаться здесь больше не хотелось. Только и идти я не могла – слишком плотно компания облепила дверь подъезда, да так, что пройти мимо не представлялось возможным и, сцепив зубы, я сидела. Когда всё стихло и первые эмоции улеглись, даже улыбнулась своим глупым мыслям. С чего бы им смеяться надо мной, просто совпало. Уже успела задуматься, отвлечься, как вдруг послышался Пашкин оклик:

– Шах, да она же ребёнок совсем...

Обернулась и снова встретилась взглядом с тем парнем, который теперь медленными, но уверенными шагами двигался к той самой карусели. Руки в карманах, на губах полуулыбка. Я нахмурилась, на что он только улыбнулся шире. Отвернулась, решив сделать вид, что не замечаю его, надула губы, но всё равно ждала развития событий. А он подошёл и стал за моей спиной, ничего не предпринимая. Я не выдержала первой и повернулась: он улыбался такой неприятной улыбкой, словно всё-всё про меня знает, пришлось нахмуриться сильнее, а он взял и крутнул карусель. Быстро. Так, что порыв ветра раздул пышный хвост, заставляя волосы взмывать вверх. Улучив нужный момент, на карусель запрыгнул и сел так, чтобы быть точно напротив меня. Как вызов, принять который я посчитала необходимостью, оттого и уставилась на него, демонстрируя свою смелость. Тут же отметила, что он старше Пашки. И вообще, словно из другого мира.

Пока Пашка был младше, бабуля называла его оборванцем, сейчас, конечно, он одевался хорошо, но до того парня, который сидел напротив меня, явно не дотягивал. В уголках глаз расплзались едва заметные морщинки. Нет, старым он не был, но бабушка говорила, что когда кожа постоянно облучалась в неблагоприятных условиях: мороз или, наоборот, высокие температуры, она старела. Бабуля у меня было косметологом. И сейчас клиентов водила, старые связи поддерживала, благодаря её стараниям у меня не было прыщей, и сегодня я вот так смело могла смотреть в глаза незнакомца, которого Паша назвал «Шах». Неприятная и какая-то угрожающая кличка, но ему подходила.

Шах загадочно улыбался, глядя на меня в ответ.

– Тебя Галя зовут, ведь так? – Спросил он и я посмотрела на парня как на врага.

– Зачем спрашиваешь, если знаешь это наверняка? – Ответила ему вопросительным вызовом. Он оценил.

– Знаю. Но мне было бы приятно услышать это от тебя.

– Меня зовут Галя. – «Порадовала» его, сопроводив это ядовитой улыбочкой, а сама продолжала разглядывать.

Тёмные волосы, но не чёрные, широкие мужские брови, грубые черты лица, губы чаще кривятся, словно он всегда остаётся недоволен. Гладко выбрит, держится уверенно. Ещё бы! Быть неуверенным на фоне малолетки это как минимум странно. Словно прочитав мои мысли, он чуть наклонился вперёд, сокращая и без того небольшое расстояние. Я такого не ожидала и, опасаясь, выпрямила спину, пытаюсь отклониться.

– Зачем подошёл? – Спросила грозно, словно могла его этим напугать, а он со мной на равных разговаривал. И не думал таиться, говорил чётко и быстро.

– А зачем ты смотрела на меня?

– Так, все смотрели. – Пожала плечами я.

– Смотрели все, а взгляд не отвела ты одна. Так, что хотела?

– А ты только для этого подошёл?

– А для чего ещё? – Развеселился он, а в глазах вызов. Кому? Мне?..

– Я всегда прямо в глаза смотрю. – Соврала и не заметила. Уже давно перешла все границы дозволенного, и все свои принципы оставила далеко позади.

– Почему? Разве не знаешь, что это многим не нравится?

– А мне не интересно чужое мнение. И скрывать нечего. Как хочу, так и смотрю.

Он мягко рассмеялся, глядя в пол, видимо, если бы на меня смотрел, хохотал бы громко и долго. Взглянул с хитрецей.

– Я жену себе такую хочу... – Подождал, пока я покраснею. – Чтобы ей скрывать было нечего. Как, пойдёшь за меня, когда подрастёшь?

– Когда я подрасту, ты станешь старым никому не нужным импотентом, понял?!

Припомнила я давнишний разговор случайной прохожей с её престарелым любовником. И рада бы язык прикусить, да не успела. Главное на тот момент было страха своего перед ним не показать, а он смотрел с интересом.

– Да понял. – Слишком спокойно ответил, и мне действительно стало страшно от такого его спокойствия. – Только... Нет. Не важно.

С карусели прыгнул, сделал шаг, а потом вернулся и над моим плечом навис. Сердце вниз ухнуло, и даже глаза от страха закрылись.

– Ладно, Галя, что с тебя взять, ребёнок, но на будущее посоветую с незнакомыми дядями таких борзых разговоров не вести, иначе этот очаровательный носик, – щёлкнул меня по носу, заставляя вздрогнуть, – может ни за что пострадать.

Постоял так ещё, наверно заметил, что я боюсь, что глаза зажмурила и веки сильно сжала. Снова заставил вздрогнуть, когда ногу свою рядом с моей на карусельной площадке устроил. Я на колени, обтянутое чёрной джинсовой тканью уставилась, а взгляд непроизвольно выше ползёт...

– Не идёт тебе это. – Произнёс он задумчиво и одним пальцем по щеке провёл. Я попыталась отстраниться, а он тогда резко за резинку на моих волосах дёрнул, высвобождая их. Волосы разлетелись от очередного порыва ветра, я пыталась их поймать, а Шах стоял и наблюдал за этим действием, всё так же надо мной нависая.

– Ты не пацанка. И деловитость свою брось. – Заговорил строго. – Образ тургеневской девушки – это твоё.

– Они все некрасивыми были. – Возмутилась я и встретила с ним глазами. На всю жизнь их цвет запомнила. Да. Светло-зелёный малахит с красивыми разводами с виде тёмных прожилок. Задержала дыхание, когда в этих глазах отобразился смех.

– А ты красивая. – Кивнул, соглашаясь. – Только не о том говорю. Когда цель у тебя будет, тогда и беситься перестанешь. А сейчас, – провёл по выбившейся пряди волос, теребя её пальцами, – сейчас косу заплети. Заревную, если кто ещё увидит всё это великолепиие.

И на этом к своим друзьям вернулся. Видеть я этого не могла, потому что так и сидела неподвижно, удерживая в кулаке густые пряди, только по гулу парней и можно было понять, что происходит. А вскоре всё стихло и они разошлись. Я резко обернулась и, никого не заметив, быстрым шагом пошла к подъезду. Там, прямо на входных дверях столкнулась с бабулей, которая, держась за сердце, с непривычно растрёпанными волосами, бежала навстречу. Молча окинула меня взволнованным взглядом, несколько раз открыла рот, набирая в грудь побольше воздуха, а потом прижала к себе, придерживая за голову. Отпрянула, ещё раз оглядела с ног до головы, придерживая холодными ладонями за обе щеки, а уже потом, крепко взяв за руку, повела в квартиру, проигнорировав лифт. Я так поняла, она из окна видела, что я не одна.

Так и вышло: не успели в квартиру войти, как бабуля громко дверью хлопнула и, отойдя от паники, сдвинула брови на переносице.

– Галя, что этот мужчина хотел от тебя? – Вроде и грозно спрашивает, а у самой голос от напряжения звенит.

– Ничего, ба. Он просто так подошёл.

– Ну, конечно, видела я это ваше просто так, – проговорила торопливо и за руку меня к дивану отвела, сама села и меня притянула, – скажи честно, он приставал к тебе?

– Да с чего бы? – Попыталась оправдаться я, но вышло неуверенно, бабуля так точно не поверила. Внимательно смотрела в мои глаза. – Ба, он, правда, не приставал. Не знаю, зачем подходил, он мне ничего не сделал.

– Я видела, как он что-то говорил тебе на ухо. – Едва не плача, умоляюще смотрела бабуля. Только в этот момент я поняла, что она боится. Это я, безголовая, и не сразу поняла, что к чему. А Бабуля знает, чего бояться стоит, поэтому и колотится сейчас, за внучку беспокоясь. – Видела, как волосы трогал... что хотел, спрашиваю я у тебя?! – Едва ли не прокричала, и я сама испугалась. Стала перед ней на колени.

– Ничего не хотел, ба, и не трогал меня, правда. Резинка с волос слетела, а он сказал, что такие волосы в косу надо заплетать. Вот и всё! – Твердила эмоционально, сама уже едва от слёз сдерживалась. – Сказал, чтобы не хамила больше никому, что тургеневская барышня я, а не пацанка. Всё. Не трогал, не приставал, не намекал. Наоборот, сказал, как вести себя, чтобы и другие не приставали.

– Хорошая моя, знала бы ты, как я волнуюсь. – Погладила она меня по волосам. – Иди. Заплетай косу. Раз сказал, что так не пристанут, – вяло улыбнулась, – значит, знал, что делает. Кто это был хоть? Никогда его в нашем дворе не видела. Не похож на рожу эту бандитскую. Видишь, и не приставал...

– Не знаю, кто он, не представился. К Паше с остальными пришёл как раз когда я девчонок провожала.

– И хорошо. Хорошо, что не представился, значит, не планирует больше подходить.

Она медленно встала, расправила фартук, который и снять забыла, побежав меня спасать, оглянулась.

– А на улицу больше одна не пойдёшь. Мало ли, ходит тут всяких...

И всё же я правильно поступила, что не всё бабуле рассказала, иначе домашнего ареста не избежать. И про кличку его умолчала, и про то, что женой предлагал его быть. В шутку, конечно, но ведь бабуле всё равно будет, шутит он или нет. А мне нравилось вспоминать эту встречу. Нафантазировала тогда себе всего. Что могло быть и что не могло. Только наивные детские мечты так и оставались мечтами. Он больше не появлялся. Те ребята приходили, а его не было. Я часто в окно за их сходками наблюдала, благо летом никуда не уезжала. А потом всё и забылось. Не до того как-то. Только иногда, ночью, если не спалось, перед глазами вставал его образ. Размытый. Потому что забылся. И лишь глаза я помнила наверняка. Красивые глаза.

Время шло, и я менялась. Забыла о своей дерзости, сторонилась подозрительных типов, обходила стороной Пашку. Успокоилось моё девичье сердце, да и взгляды на жизнь изменились. Я уже знала, что мальчики «разводят» девочек на секс. Прежде было всё равно, помню, даже хотелось, чтобы всё произошло скорее, чтобы как у всех. Но как у всех не получалось. К пятнадцати годам я ни с кем не встречалась, ни с кем не целовалась, меня даже на танцы никто так и не пригласил, хотя все дискотеки посещала исправно. И не могу сказать, в чём тут была причина. Просто не клеилось. А потом понятно стало, что есть в жизни и другие ценности, да и секс по неопытности в подворотне или пока родители на работе, как выяснилось, ценностью и не считалось. Да и не может быть отношений между детьми. Это не нормально. Поэтому к пятнадцати, полностью сформировавшись умственно, цели в жизни видоизменились, и больше ни друга, ни любовника я себе не искала. Стала до жути правильной девочкой и всегда слушала бабулины советы.

Исключением стал сам день пятнадцатилетия, когда подружки всё-таки уговорили идти на очередные танцульки, но в модный и, как выразилась одна из них, «взрослый клуб». Нам повезло, и в этот вечер намечалась какая-то тематическая вечеринка, что-то вроде маскарада и наше несовершеннолетие было вполне пристойно прикрыто масками. Мы не стали, уподоб-

ляясь ровесницам, надевать ультракороткие юбочки и донельзя открытые блузочки, избрали весьма демократичный стиль в одежде пристойной длины. Где сексуальность была лишь подчеркнута, а никак не выставлена на продажу, согласились на в меру яркий макияж и туфельки на каблуке. А в компании со старшим братом одной из нас, даже документы не спросили. Помню, было весело. Даже слишком. За учебный сезон мы скопили кое-какие деньги, чтобы теперь оторваться, поэтому баловались безалкогольными коктейлями, танцевали и смеялись лишь для себя, не желая подцепить кого-нибудь на стороне.

Всё изменилось, когда я встретилась с ним взглядом. Шах стоял и бесцеремонно пялился на меня. Я узнала мужчину сразу, к тому же, маски на нём не было. В нём что-то изменилось с момента нашей первой встречи, а может, изменилось моё отношение к нему... Я повзрослела. От наглого взгляда захотелось прикрыться и я шагнула прочь из толпы, надеясь прийти в себя, отдышаться, и совсем не ожидала, что Шах это воспримет как призыв к действию. Он пошёл за мной, а в темноте задымленного коридора дёрнул за руку, прижимая к стене всем своим весом.

– Ты вернулась... – Прошептал, внимательно глядя в глаза, а потом был поцелуй. Первый.

Я много читала и слышала о поцелуях, но никто не говорил о напоре, о страсти, о жадности мужчин. О том, как они выпивают всю тебя до дна, только бы насытиться. Да я просто растерялась, не имея ни опыта, ни желаний. И вовсе не собиралась ему отвечать, и глаза не закрывались, а даже наоборот, полезли из орбит. Мне не хватало воздуха, вдобавок, я задыхалась от возмущения, да и от банального страха того, что может произойти здесь и сейчас. Его руки... они не придерживали нежно за подбородок, как было написано в пособии по правильным поцелуям. Они бесцеремонно блуждали по телу, впиваясь в него, царапая, останавливаясь на наиболее интересных местах. Его язык, который я так старательно пыталась вытолкнуть изо рта напоминал змею, всё тело которой является мышечным мешком. И он напролом пробивался в меня, игнорируя любое сопротивление. И однозначно воспринятые мною движения его бёдер, не настраивали на романтический лад и едва ли предлагали серенады под окном и стихи, которые читаешь, провожая девушку вдоль набережной. Похоть. Животная страсть. Вот те слова, которые шли на ум в тот момент. И паника.

Окончательно осознав, что он просто пьян и даже не видит меня перед собой, просто берёт то, что понравилось, отбиваться я начала активнее. Несколько раз хлопнула его по плечам ладонями, прежде чем добилась какого-то внимания. Шах отстранился, посмотрел затуманенными глазами и впился в мои губы до боли новым поцелуем. Ещё более агрессивным. Ещё более настойчивым. И чтобы было понятнее, подхватил руками под бёдра, поднимая выше. Заставляя обхватить его ногами за талию. Ущипнул за ягодицу, когда вместо ожидаемых телодвижений я вновь начала брыкаться, прорычал что-то невнятное в рот.

В голове вдруг всплыл образ бабочки, которую мы так внимательно рассматривали на уроках биологии: её крылышки были расправлены, а тело насквозь проколото специальным удерживающим гвоздиком. К чему бы...

Вырываясь, пользуясь тем, что его руки заняты, пыталась оттащить от себя мощное тело, вцепившись в ворот чёрной шёлковой рубашки. Услышала треск ткани, верхняя пуговица отлетела, а на его шее обнажилась тёмная масштабная татуировка в виде пера. Она переходила с шеи на ключицу таким образом, что легко скрывалась под воротом рубашки. Ощувив такую яркую принадлежность к криминальному миру как тату, да и его руки давали о себе знать, я испугалась не на шутку. Почувствовав мои острые зубы на своём языке, Шах сжал меня сильнее, отстранился, сорвал маску. Только в лице не изменился. Ни понимания, ни узнавания. И зрачки нереально широкие.

– Скажи сколько ты стоишь, и прекрати ломаться. – Гневно прорычал, надавливая одной рукой на моё горло. Обхватил его и несильно потрянул меня, ударяя головой о стену. Только я не думала о боли. Я думала о том, как разрушаются иллюзии.

Я знала кто он. Я знала, чего от него ожидать, но сформированный в детстве образ отступил только сейчас. Я поняла, что бандиты не бывают романтиками. Они прогибают под себя всех окружающих, а кто не умеет прогибаться, будет сломан как ненужная кукла. Именно такой куклой я ощущала себя в его руках.

А пока тихо-мирно размышляла о смысле бытия, Шах впивался губами в шею, так, что я кривилась от боли и заметно шипела, пытаюсь отбиться, избежать нежелательных прикосновений. Но что такое настоящий страх, поняла, когда он задрал мою юбку и сжал в кулак бельё.

– Шах, ты охренел, отпусти её! – Прокричал кто-то смутно знакомым голосом, и он этот голос услышал, обернулся, громко выругался, не боясь научить меня плохому.

Открыв глаза, я увидела Пашку, который уже пытался оттащить друга от меня. Да Шах и не особо сопротивлялся, он просто не понял в чём дело. А я вот не терялась и не опала на пол, как это делают в криминальных телесериалах. Быстрым шагом бросилась к выходу в зал, чтобы найти подруг и поскорее вернуться домой, на ходу расправляла задранное вверх платье. Только услышав своё имя, оглянулась, и готова была упасть замертво от того, как он на меня смотрел. Теперь он узнал. Оттого и прищурился, пытаюсь разглядеть во мне наглую в словах и такую очаровательную мордашкой девчужку. Но внешне я уже ребёнком не была!

Пашка нагнал нас на стоянке, когда девочки ловили такси. Увидел, притормозил, огляделся по сторонам и медленно подошёл, так, точно и не бежал до этого. Я наблюдала за ним со стороны, всё ещё отдышаться не могла, а он подошёл, глянул свысока и за локоть потянул в сторону. Девочки Пашку знали, поэтому и не особо удивились, мы вроде как общались...

– Понравилось хоть? – Ухмыльнулся нагло, на что я могла только отвернуться, нервно закусив губу. Трясущиеся руки намеренно спрятала за спину. – Не понял, а где заслуженное спасибо? – Я зло посмотрела и Пашка широко улыбнулся. – А Шаху понравилось, отвечаю. Взыл от стояка, как только опомнился. Заводная ты, оказывается, девушка, Галка.

– Чего ты хочешь?

– Да вот... До дома проводить. Шах сейчас не в состоянии. Сама понимаешь, стресс снять нужно. Не каждый раз его баба бросает. А ты, скорее всего, первая.

Хрюкнув от внезапно навалившегося смеха, я посмотрела под ноги.

– Паш, не смешно ведь. Спасибо, конечно. Тебе хоть не влетит?

– Всегда пожалуйста. – Оскалился он, проигнорировав мой вопрос. – Ты что вообще забыла в этом значном месте, а, красотка? Знаешь, какой он там сейчас разнос устроит, что в клуб школьниц пропустили? Никому мало не покажется.

– Паш, а... Шах... – Я на парня посмотрела. – Я ведь правильно запомнила, да? Он кто?

– Золотая молодёжь. – Сплюнул он на асфальт, демонстрируя манеры.

– В смысле?

– Галка... Меньше знаешь – дольше проживёшь, слышала такое? – Беззаботно улыбнулся он.

– Слышала, а всё же?

– А за всё же, получают по роже. – Внезапно выверился Паша и эту тему я предпочла не поднимать. На самом деле, смутно себе представляла, что натворила.

– А зачем за мной пошёл?

– Да уж не из доброты душевной точно. – Отвернулся, по сторонам огляделся, а потом на меня исподлобья глянул. – Шах попросил.

– Приказал? – Нарывалась я в очередной раз, забыв подумать.

– Такие люди как он не приказывают. Они вежливо просят. Так что, считай, у тебя завёлся добрый и заботливый покровитель.

Меня перекосило от этого слова и Пашка засмеялся, махнув рукой.

– Да не в том смысле, дура!

Произнёс слишком громко и девочки посмотрели на парня с опаской.

– Галь, всё хорошо? – Сделала шаг вперёд одна из них.

Я улыбнулась, а Паша меж тем напряжённо выдохнул, внимание привлекая.

– Он на малолеток не западает. Запомнилась ты ему просто в прошлый раз.

– Но он меня не узнал...

– Ещё бы ему тебя узнать! В зеркало перед выходом смотрелась? На соску похожа.

– Мне кажется, он меня за проститутку принял. – Призналась я, густо залившись краской, и активнее затеребила за спиной ремешок малюсенькой сумочки.

– Так и не удивительно.

– Но они ведь другие...

– Ага, такие как в фильмах! – Скривился Пашка. – Ты отстала от жизни, детка, точнее, не знаешь её. Одно дело те, которые на трассе стоят, там, и правда, только плакать хочется от одного взгляда, и совсем другое клубные тёлки. Только тебе этого знать не нужно. – Посмотрел на меня, проверяя, впечатлялась ли рассказом и, в особенности, последним утверждением. Я понятливо кивнула.

– Паш, – я увидела как перед девчонками остановился автомобиль такси и затараторила быстрее, что-то вроде «эх, была-не-была», – а что он сказал, ну, когда узнал, что это я была?

Пашка посмотрел так неприятно, понимающе, отчего очередной прилив крови задержался на моём лице.

– Если опустить все неприличные выражения, Галка, то, пересказываю дословно: – Эту козу нужно было ремнём по заднице отходить за такие фокусы, а не в углу зажимать. Ещё раз увижу, так и сделаю. Кстати, просил тебе передать.

Я промолчала.

– Галь, поехали! – Крикнули девчонки, садясь в машину, я поспешно кивнула, а сама не могла отступить под пристальным Пашкиным взглядом. Он меня рассматривал.

– Он старше тебя в два раза, Галь. И ни разу не романтик.

– Паш...

– Пошли, там твою машину поймали. – Перебил меня, за руку отвёл к такси, заглянул к водителю. – Чтобы довёз в целости. – Приказал неприятным тоном и быстрым шагом удалился.

– Ух, ты, важный какой! – Паясничала Кристина, наша местная заноза, я на это только улыбнулась.

– А чего он хотел-то?

– С днём рождения поздравить. – Тихо ответила я и к окну отвернулась.

– Да-а... А нам показалось, что кто-то кому-то в любви признавался. Недаром ты там так краснела, а, Галк?

– Ну, колись, чего ты, нам же интересно! – Поддакнула Рита, толкнув меня в бок. Я грустно улыбнулась.

– Он сказал, что мы похожи на клубных шлюх.

– Да глупости! Они носят колготки в сетку, дымят как паровозы и вечно помятые. Разве мы такие?

– Вот и я говорю, что не такие. – Отвернулась я к окну и девочки перестали ко мне цепляться, активно обсуждая эту тему.

Водитель такси несколько раз глянул на нашу компанию в зеркало заднего вида, криво ухмыляясь, а потом сплюнул в сердцах и смотрел только на дорогу.

Глава 3

Машина остановилась, послышался лай собак, ворота медленно отползли в сторону, открывая вид на приличный по размерам дом. Наверно, он был похож на замок, но мне казался неприступной крепостью, в которой непременно будет темница.

– Не спишь? – Обернулся ко мне Шах и я выпрямилась, не желая подавать голос. Он шумно выпустил из себя воздух, но промолчал.

Вышел из машины. Я наблюдала, как кивком головы приказал Кислому исчезнуть, сам открыл мне дверь и подал руку, предлагая помочь выбраться. Только выйдя на улицу, я почувствовала, как же устала. Затекли ноги и спина.

– Где мы?

– Это мой дом. – Пожал он плечами. Я понимающе кивнула: видно, за то время, пока мы не виделись, сильно поднялся. – Прошу.

Сделал приглашающий жест и пропустил вперёд, позволяя осмотреться по сторонам.

Страшные, чёрные как ночь собаки, рвались из вольеров, их громкий лай заставлял вздрагивать, оглядываться. Двор широкий, выложенный декоративной плиткой, был хорошо освещён низкими уличными фонарями. Местами, в специально расположенных зонах отдыха, расстилалась газонная трава, чуть в стороне красивая беседка с подсветкой иллюминации. На заднем дворе виднелось приличное по размерам деревянное строение из сруба. Возможно, баня. Стало смешно от той шаблонности, которая буквально сочилась из всего этого великолепия. Столько раз по долгу службы читала романы про таких же богатых и опасных, которых любили делать главными героями книг, так вот, у каждого из них обязательно был построен большой загородный дом. Такой же, как и этот, только название подмосковных посёлков было разное. Я всё время думала, откуда они этого понабрались, а оказывается, так всё и есть. Шах мой странный смешок, опять же, не прокомментировал. Сегодня он вообще был скуп на эмоции, терпеливо выслушивал все несвоевременные насмешки и с пониманием относился к полнейшему игнору.

А вот изнутри дом мне понравился. Я его даже не увидела, только вошла, а уже почувствовала теплоту и душу, которую в него вложили дизайнеры. Работал явно творческий человек, сильный, эмоциональный, словно для себя строил. Красиво.

– Красиво. – Тут же повторила я эту мысль вслух, а Дима странно крикнул за моей спиной, аккуратно подтолкнул к широкой лестнице.

Тут он уже вызвался провожатым, взял меня за руку, повёл на второй этаж. Как я поняла, на первом жилых комнат не было. Так же шаблон, но мне, в принципе, всё равно. Мы прошли в конец коротенького коридора правого крыла, и последнюю резную дверь он открыл, приглашая войти. Я разумно послушалась.

– Это твоя комната. – Пояснил Шах и снова позволил осмотреться.

Красиво, со вкусом. Только комната не была похожа на мужскую берлогу и при этом я имею в виду не порядок, а ощущения в целом. Она едва ли отражала своего хозяина и вообще не говорила о том, что у неё этот самый хозяин есть. Вот для меня она подходила идеально. Даже по тональности стен. И захотелось прикоснуться к мебели, к дизайнерским элементам, к лёгкой ткани штор. Вот, терпеть не могу тяжёлые шторы, я от них задыхаюсь. А здесь было несколько грамотно подобранных оттенков шторной вуали. Нежно и очень светло. Открыла одну полку комода, вторую. Оглянулась на Шаха: он молчал. Подошла к прикроватной тумбочке, там так же оказалось пусто.

– Но здесь нет твоих вещей... – Немного растерянно проговорила я и посмотрела в сторону дверей.

– Ты плохо расслышала? Я сказал, что это твоя комната.

– То есть... ты в ней не живёшь? – Мне тут же захотелось скрыться от его пристального взгляда, который голодным волком прошёлся по моему телу, скрытому под тканью мужского пиджака. Криво улыбнулась, глядя на паркет. – И давно ты решил, что это будет моя спальня? Гостевая?! – Резко взгляд подняла и теперь смотрела с вызовом. Шах даже бровью не повёл.

– Это не гостевая спальня, а твоя комната. Не нужно додумывать то, чего нет. Когда я купил этот дом, сразу определился с расстановкой территорий. Эту комнату оставил для тебя. Если что-то не устраивает...

– Нет, всё идеально, спасибо. – Громче, чем было необходимо, остановила я поток его слов. – А где твоя комната? В другом крыле? – Хмыкнула, заводясь, раздражаясь от этих мыслей.

– Моя комната находится напротив. Через одну дверь от твоей. И если тебе что-нибудь понадобится...

– Зачем тебе всё это нужно? – Перебила его я. Пытаясь согреться, куталась в ткань пиджака, но она, казалось, только отбирала тепло, ничего не давая взамен. Я поёжилась, а Шах неприятно ухмыльнулся.

– Мне приятно, что ты так расстроилась из-за того, что у нас будут разные комнаты, но, поверь, на данном этапе каждому необходима своя территория. Личное пространство, если хочешь. – Он разводил руками, рассуждая, а я неотрывно за ними наблюдала.

– На данном? А будет следующий?

– Можешь даже не сомневаться. – «Обрадовал» он меня.

– Ну, тогда наверно всё правильно. – Я резко кивнула. – Личное пространство. – Кивнула ещё раз, резче, более нервно. Он это заметил, но предпочёл промолчать. – Не волнуйся, я не собираюсь тебе мешать.

– Разве я хоть раз позволил тебе так думать? – Изящно приподнял он одну бровь, скрестил руки на груди, откинулся назад, прислоняясь спиной к дверному косяку.

– Что ты... Ни разу за те двадцать четыре часа, которые мы были вместе за все шесть лет.

– Я не понял трагизма в твоём голосе: двадцать четыре часа это слишком мало или слишком много? – Откровенно издевался он, забавляясь моими мучениями. Снова ставит меня перед фактом, не интересуясь мнением. Снова...

Присев на кровать, я закрыла лицо руками.

– Я бы предпочла, чтобы их в моей жизни не было. – Проговорила чётко, не замечая, что голос вот-вот сорвётся.

– Я хочу, чтобы ты носила кольцо, которое я тебе подарил. И... обручальное.

Странная заминка сделала его тон мягче, чем обычно. А я промолчала. Упала на кровать, не заботясь о том, как сейчас выгляжу и как могу его разозлить. Хотелось закрыть глаза и понять, что ничего этого нет. И его нет. В ответ услышала тихий звук закрывающейся двери. Он просто ушёл.

Полежав так ещё несколько минут, поняла, что жалеть меня никто не будет. Даже самой не хотелось заниматься подобными глупостями. И чего я добилась этим разговором? Ничего не выяснила. Ничего не поняла. Глупо и бессмысленно. И не хотелось понимать, чего на самом деле я боялась больше: того, что он поставит меня перед фактом супружества или вот так, оставит одну, ни разу не притронувшись...

Раскрыла глаза и посмотрела на белоснежный потолок комнаты с красивым лепным узором. Была уверена, что это не тот пенный материал, которым мы покрывали гостиную в бабушкиной квартире прошлой осенью. Красиво. Мозг мгновенно выдаёт множество ассоциаций. В дальнем углу изгибы напоминают скачущего оленя, прямо над кроватью фантазия отмечает одну из популярнейших по известной книге «кама сутра», позу. Над дверью в коридор что-то отдалённо напоминает рождественские колокольчики. Я улыбнулась... всё ещё так далеко. Повернув голову, заметила замаскированную дверь ванной комнаты, войдя туда, уви-

дела огромное помещение. Наверно, о таком я всегда мечтала. Душевая кабинё, ванна с функцией гидромассажа. Странно ещё, что она не наполнена тёплой водой с плавающими на поверхности лепестками роз. Ха! Для меня он эту комнату делал. Как же! Так я и поверила. Наверняка каждую из пассий приводит, делая её жизнь незабываемой. При мыслях о других женщинах, на душе неприятно потяжелело. Оглянувшись несколько раз, удалось найти небольшой шкаф, в котором вполне разумно находилась стопка полотенец и несколько банных халатов. Быстро сменив на один из них уже привычный пиджак, я почувствовала уют, от которого не хотелось далеко уходить. Вспомнилась последняя встреча, хотя, её с такой же уверенностью можно назвать и первой. Желание улыбаться пропало напрочь, а вот продолжить разговор, начатый в этой комнате, стоило, поэтому пришлось выйти в коридор, чтобы найти ту самую дверь, за которой скрывалась комната моего... мужа.

На стук никто не отреагировал, поэтому я свободно вошла, стараясь не особо шуметь. Из-за такой же закамуфлированной под стену двери доносились звуки льющейся воды и можно было действовать спокойнее. Аккуратно положив пиджак на невысокое кресло, я прошлась взглядом по полкам. Идеальный порядок. Допускаю, что у него есть прислуга, но чтобы такая стерильность... Несколько рамок с фотографиями. Фото пожилой пары, наверно, его родители. Они вдвоём улыбаются и кажутся очень добрыми и приветливыми. Так непохоже на Шаха. В тумбы и на полки небольшого кофейного столика я заглядывать не стала, хотя было очень интересно, что же он там может держать. Звуки воды стихли и я запаниковала, не зная, стоит ли мне выйти или можно остаться. Так и замерла в нерешительности.

Дима вышел из ванной с наброшенным на голову тёмно-синим полотенцем, оно было свободно накинуто и скрывало лицо, он шёл, всё ещё меня не замечая. Шаг тяжёлый, напряжённый. Босые ступни застыли на пушистом ковре и я услышала удовлетворённый стон, задержала дыхание. А уже в следующую секунду он почувствовал моё присутствие, резко сорвал полотенце с головы и прищурился, несколькими точными взглядами определив, где же я успела пройти. Даже неловко стало. А Шах уже в следующую секунду успокоился, подошёл к кровати, словно меня и нет рядом, присел, упираясь локтями в расставленные на расстоянии друг от друга колени.

Смотрел на меня с интересом, ожидая, что же скажу, а я смотрела на его тело. Оно уже не было идеальным. Всё ещё подтянутое, но более тяжеловесное, чем раньше. Грудь с левой стороны украшала татуировка, которую я прежде не видела. Её не было. Белый медведь. Точнее, сам он был просто картинкой, а вот по контуру, словно только что прихвативший шерсть иней, его украшала белая нить. Медведь мне показался грустным, таким же, как и ворон на левой лопатке, который клевал его сердце. Страшная картинка, меня охватила дрожь, когда я впервые её увидела. Пусть и не цветная, но настолько реалистичная, словно живая. Шах не позволил тогда к ней прикоснуться, а я не посмела перечить. Сейчас он зло смотрел и ждал, когда же я опомнюсь, даже спину распрямил, демонстрируя себя. Мощный торс, широкая кость, напряжённые мышцы. Весь словно готовый вступить в схватку, словно готов наброситься на меня в любую минуту, если я посягну на его свободу.

– Так и будешь молчать? – Не выдержал он и приподнял брови вверх. Губы привычно скривились, демонстрируя недовольство.

Я попятилась назад, успела всего два шага сделать, прежде чем опомнилась. От его взгляда, который с каждым этим шагом темнел, стало холодно, и я тут же принялась растирать озябшие плечи сквозь толстую ткань махрового халата.

– Я спросить хотела. – Решилась я и посмотрела в его глаза, как бы прося разрешение продолжить.

– Спрашивай. – И прищурился.

– Что... – Голос пропал под этим моральным давлением и приходилось набирать в грудь больше воздуха. – Что теперь будет?

Он странно посмотрел, а потом поднялся, сделал пару шагов в мою сторону, остановился, спрятав руки в карманы широких домашних брюк.

– А что будет? – Спросил, словно не понял, что имею в виду. Вроде и спокойно, но я в каждом звуке, в каждом мимолётном движении читала вызов.

Пожала плечам, не зная, как пояснить и он неприятно улыбнулся.

– Ты моя жена со всеми вытекающими из этого последствиями. Это хотела услышать?

Воздух словно под давлением вышел из меня, а взгляд опустился к полу.

– Но у меня своя жизнь и...

– А разве я в неё вмешиваюсь? – Строго прервал Шах, дождался тишины. – Кажется, даже более чем гуманно отнёсся. Ты так не считаешь? Я даю тебе время привыкнуть ко мне, к новым условиям. Или думаешь, что, стоя здесь в этом халате, под которым наверняка осталось твоё платье, едва прикрывающее задницу, меня не возбуждаешь? Дай угадаю, – склонил голову набок, – я старый импотент. Не так ли?

– Нет... – Активно закивала я, не в силах выдержать его обвинительный тон.

– Я твой муж, Галя. И, хочешь ты того или нет, но так было и так будет!

– Ты не можешь меня заставить.

– Серьёзно?! Считаешь, у тебя есть варианты?

– Ты не можешь меня заставить! – Прокричала, уже не скрывая слёз, пытающихся вырваться наружу.

Я обхватила руками полыхающие щёки, а полы халата разошлись, открывая его взору то самое платье, которое я действительно не сняла.

– Я не собираюсь жить с тобой. Ты понял?!

– Да понял я. Только ты меня не поняла. – Дождался внимания. – Ты не уйдёшь к нему.

– А если не к нему? – Тихо, с надеждой спросила я, а Шах проскрипел зубами.

– Тогда я вообще не вижу смысла в этих манипуляциях. Ты остаёшься со мной и это последнее слово.

– Но ты не можешь...

– Могу. – Твёрдо и уверенно, так, что я не смею ему возразить.

– Я не хочу жить с тобой. – Повторила упрямо, но как-то безжизненно. Он уловил это, поэтому даже отвечать не стал.

Развернулся спиной и полотенце, которое до этого сжимал в руках, бросил на кровать. А я смотрела на полёт куска ткани и снова ассоциировала себя с такой же смятой, использованной вещью, которая вдруг понадобилась снова.

– Зачем ты вернулся?

– Странный вопрос, учитывая, что ты моя жена. Я вернулся к тебе.

– А то, что я не ждала, тебя не смущает?

– Меня смущает лишь то, что ты каким-то образом собиралась снова выйти замуж. А насчёт ждала, не ждала... Я тебя об этом не просил.

Сказал, и словно его самого от этих слов передёрнуло. Шах тут же сбросил все ненужные эмоции, резко двинув плечами.

– Действительно. – Холодно усмехнулась я. – Быть первооткрывателем намного интереснее. А потом имейте, кто хотите, только не глаза не попадайтесь.

Шах, до этого желая выбрать футболку, опирался на высокий комод обеими ладонями, а страшный ворон на его сердце, вырывал мясо когтями и острым клювом. Играющие под кожей мышцы лишь усиливали эффект реалистичности. Я отвернулась, не в силах смотреть на это. Прямая от напряжения спина. Пальцы, сжимающиеся в кулаки.

– Дима, отпусти меня, я ведь тебе не нужна.

– Я женился на тебе не для того, чтобы отпустить. – Проговорил он сквозь зубы и повернулся.

– Но ты сам ушёл! – Снова не сдержалась я, а он улыбнулся. Холодно, жёстко.

– Значит, этот факт тебя всё-таки расстраивает?

Наблюдая за мной, склонил голову набок, облизнул пересохшие губы, улыбнулся чуть мягче, но как-то нереально, играючи. Сам с собой играл.

– Нет, не расстраивает. Просто я никогда тебе этого не прощу.

– А я не прошу прощения, Галь.

– А я не собираюсь тебя прощать. – Проговорила тихо и усталость во всём теле почувствовала. Подошла к кровати, безвольно рухнула на неё, подтягивая согнутые в коленях ноги к груди.

– Просто иногда обстоятельства бывают сильнее нас, Галь.

– Почему ты ушёл?

На несколько секунд Шах замолчал, разглядывая меня, а потом странно вздохнул и громким толчком закрыл комод, так ничего из него и не достав.

– Иногда приходится принимать решения, которые делают нашим близким больно, но эти решения НУЖНО принимать.

– Красиво говоришь...

– А если некрасиво, – хмыкнул Шах и посмотрел исподлобья, – то ты не была готова к семейной жизни. – Добавил после затяжного выдоха.

– А зачем тогда женился?

– Я хотел, чтобы ты была моей женой.

– Зачем?

– Галь, не нужно пытаться узнать то, что я рассказывать тебе не намерен.

Я промолчала и Шах приблизился, легко прикоснулся к моему плечу, пытаюсь провести по нему кончиками пальцев. Я тут же отшатнулась и села на кровати, не позволяя ему снова подойти так близко.

– И не делай из меня врага! – Прокричал, когда понял это.

Я сжалась, от этого крика, а Шах склонился надо мной, больно удерживая за шею одной рукой, не давая отстраняться, смотрел в глаза, как в них зарождаются слёзы, как начинает трястись подбородок, как я до боли закусываю губу, только бы не заскулить от жалости к самой себе.

Отпустил, когда меня начало колотить, но нависать не перестал, позволил лечь, скрутиться клубочком, сам же провёл носом по открытой шее, упираясь кулаками в матрац по обе стороны от моей головы. Мой вой вырвался наружу и я испуганно прикрыла рот ладонями, пытаюсь промолчать, отдышаться, не плакать. Шах разозлился, схватил за ворот халата, намотав его на кулак, рванул, раскрывая меня, больно сжал ладонью грудь. Отпустил. Разогнул руки в локтях, отстраняясь.

– И если ты не хочешь остаться в этой постели на ночь, лучше будет уйти в свою комнату.

Я не сдвинулась с места, а он улыбнулся так, что это можно было понять даже с закрытым глазами.

– П-ф-ф... Какие мы смелые. – Потянул не без удовольствия, меня рассматривая. – Ну, давай.

Легонько толкнул в плечо, предлагая перевернуться на спину, я перевернулась. Шах коснулся кончиками пальцев моего подбородка, словно поглаживая, и пришлось стиснуть зубы, чтобы не выдать возмущённого шипения. Сама не знаю, что и кому хотела доказать, но готова была стерпеть его прикосновения. Пальцы спустились к груди, задевая вздёргнутые от страха соски, спустились ниже.

– Ай, какая послушная девочка. – Выдохнул удовлетворённо, спустился рукой по ноге, сжимая бедро, поддевая платье, двинулся выше.

– С-с...

Он шумно выдохнул, ощущая мой страх, а я крепко сжимала веки, боясь увидеть какое-то удовольствие в его глазах. И мы вдвоём не двигались, впитывая эмоции друг друга. Я чувствовала исходившую от Шаха уверенность, и она заставляла меня сжиматься в маленький комочек, забывая о том, что я личность, что я сильная, что я взрослая самостоятельная женщина. С каждой секундой внутреннее напряжение нарастало, я была готова взорваться, сорваться на истерику. Руки, судорожно сжимающие гладкое покрывало, уже дрожали и ныли. А в тот момент, когда он резко вошёл в меня двумя пальцами, не выдержала, заскулила, закусывая губу, закрывая лицо руками. Резко свела ноги вместе, закрываясь, пытаюсь повернуться набок, но его рука настойчиво удерживала позиции, не позволяя отстраниться.

– Вот так, моя хорошая. – Прошептал он, склонившись над ухом, медленно и аккуратно выводя из меня пальцы. – Вот мы и поговорили. А теперь посмотри на меня.

Я упивалась своей истерикой и не хотела слышать, не хотела понимать его слов, тогда Шах, жёстко схватив за подбородок, буквально заставил повернуться.

– Открой глаза, Галя. – Шипел сквозь зубы, не позволяя отбросить его руку. – Открой глаза и посмотри на меня. Давай. – Выговорил едва ли не по слогам, ударил легонько по щекам, приводя в чувства, и веки я подняла, реально не понимая, где нахожусь. Увидела его глаза. Удивительные, светлые, а в них та же уверенность, что и при первой встрече, и он ведёт меня в своей игре. Умело, предугадывая ходы, планируя наперёд, заставляя поверить.

– А теперь слушай, – добившись ровного дыхания, шептал он. – Я не могу быть нежным, и не хочу быть грубым. Всё, на что я сейчас способен – это насилие. Потому что ты меня на него провоцируешь. – Я попыталась издать звук, но он сжал пальцы на подбородке крепче. – Не перебивай! Я не хочу обидеть тебя, не хочу унижить, но сейчас нам лучше разойтись по разным углам. Потому что мы вдвоём на эмоциях. Мы вдвоём на нервах. Ты не понимаешь меня, не хочешь понять, потому что всего не знаешь. А я не уступлю тебе. Не уступлю тебе. Как хочешь понимай, но будь со мной. Рядом. Я ничего не буду требовать, не буду контролировать, не заставлю тебя изменить свою жизнь. Но я хочу знать, что ты меня услышала. Просто услышала и сделала так, как я сказал.

Посмотрел в мои глаза, скривился, не увидев там того, что хотел.

– Послушай, Галь, тебе сейчас трудно, но и мне не легче. Я понимаю, что мы чужие друг другу люди, что у нас не так много общего, чтобы вот так просто взять и тихо-мирно сойтись, но я ведь и не требую этого от тебя. Ты меня не знаешь...

– Не я в этом виновата. – Проговорила со злом и Шах выдохнул. Устало, тяжело, даже глаза закрыл, чтобы перетерпеть.

– Просто дай мне шанс.

Он меня отпустил, и я тут же с кровати спрыгнула, к двери приблизилась.

– Я не знаю, чего ты от меня хочешь, Дим.

– Я хочу, чтобы ты любила меня...

– Брось... тебе не идёт просительный тон.

– Галь, я ведь могу заставить. Но если есть хоть один шанс добиться тебя...

– У тебя нет этого шанса, Дима. Уже нет.

И пока он втягивал сквозь зубы раскалённый воздух, я выбежала из комнаты, чтобы добраться до своей, чтобы закрыть дверь на замок и разрыдаться. Так, как не могла при нём. Не хотела, чтобы он видел это. Метнулась к душевой кабине, врубила воду на всю мощность, на ходу сбрасывая опостылевшую одежду, вжалась в дальний угол и выла в голос, пытаюсь перекричать шум воды.

Не знаю, сколько мне понадобилось времени, чтобы прийти в себя, но из-под душа я вышла с охрипшим голосом, воспалёнными глазами и распухшим носом. Чёрные потёки под глазами вытерла пушистым полотенцем, насухо промокнула лицо, тело. Закуталась в халат, который так и лежал на полу, дожидаясь своей очереди, и с таким видом рухнула на постель, с

желанием немедленно отключиться. Только немедленно не получилось, в голову без очереди и порядка лезли мысли, воспоминания, сказанные и не сказанные слова.

Глава 4

Сквозь сон я слышала тихие голоса двух людей, мужчины и женщины, но чем дольше они звучали в моей голове, тем больше я осознавала, что это не сон, не может быть сном, но и заставить себя проснуться не могла, отсыпаясь после первого в своей жизни экзамена. Голоса не удалялись и не приближались, но настойчиво доказывали что-то друг другу.

– Но так нельзя! – Возмутилась женщина, её голос был слишком знаком, чтобы спутать с чьим-то другим.

– Люди придумали эти правила. – Парировал мужчина.

– Она не готова. Нет. Это невозможно. Я никогда, слышите, никогда...

– А разве я спрашивал ваше мнение?

– Вы в своём уме?! – Громкий восклицательный шёпот, который заставлял меня хмуриться.

– Я просто хочу, чтобы вы знали о моих намерениях.

– Но так не делается. Это не правильно. Она ещё ребёнок...

– У меня нет времени ждать, пока она подрастёт.

– Она ни за что не согласится, нет, нет и ещё раз нет!

Бабушка... это точно она. Можно было расслышать, как дружно звякнули браслеты на её запястье. Такое всегда происходит, когда она ударяет кулачком об стол.

– Оставьте этот вопрос мне.

– Что вы собираетесь делать?

– Ничего противозаконного, если вы об этом.

– Покиньте наш дом, оставьте нас в покое...

– Вы же понимаете, что я слов на ветер не бросаю?

– Не нужно мне угрожать!

– И не собирался. Я не прошу помогать, хотя бы не мешайте.

– Что вы мне предлагаете?!

– Вы прекрасно понимаете, что следует за моим предложением.

– Поверьте, я не против, но если это будет по обоюдному согласию.

– Других вариантов я даже не рассматриваю.

– Но вы говорите, что нужно спешить.

– Это вовсе не значит, что я всё брошу.

– Это безумие!

– Всего лишь соблюдение старинных традиций.

– Чего вы от меня хотите? – По голосу стало понятно, что бабуля будто сдалась, и все звуки исчезли.

Проснувшись я от хлопка входной двери. Оглянулась, словно могла увидеть сквозь стену, что же происходило в соседней комнате, но, опомнившись, выскочила туда в одной пижаме, ничуть не заботясь, что незнакомец может увидеть меня в таком виде. Бабушку я встретила на кухне, она с беззаботной улыбкой взбивала жидкое тесто на тонкие блины.

– Ба, а кто приходил? – Улыбнулась я, макнув палец в белое месиво. – Сладко.

– Брысь! Никто не приходил, с чего ты взяла? – Бабуля отвернулась к плите, выливая на разогретую сковороду растопленное сливочное масло.

– Я слышала, как ты с кем-то разговаривала.

– Тебе показалось.

Оставалось только пожать плечами. Ну, показалось, так показалось... в конце концов у бабушки тоже могут быть свои тайны. Последнее время стало катастрофически не хватать денег, пенсии слетели на «нет», ей пришлось восстанавливать клиентскую базу для работы на

дому. Всем необходимым снабжали любимые ученицы, а умелые руки вряд ли кто-то может заменить. Вот и были у нас посетители едва ли не круглые сутки.

– Ба, а почему ты не спросишь меня, что я хочу на день рождения? – Задорно улыбнулась я, хватая с тарелки горячий блин, только что снятый со сковороды.

– Можно подумать, я не знаю, чего ты хочешь. – Усмехнулась она, наливая очередную порцию теста. – Видела я то платье. Ни к чему тебе его носить.

– Но оно красивое, ба. – Склонила я голову, пытаюсь заглянуть в тёплые глаза.

– Оно неприлично короткое.

– Так все сейчас носят. Мне, между прочим, замуж скоро, а на примете ни одного достойного жениха нет.

– А с этим платьем ты найдёшь его? – Скептически скривилась бабуля. – Тем более достойного.

– Ну, хотя бы обычного. Нужно же с чего-то начинать. – Рассуждала я, размахивая масляными руками. – Ты в свои восемнадцать уже замужем была.

– Нашла, что вспомнить. Так я в свои восемнадцать ещё и ударницей социалистического труда была.

– Ба, ну, какого труда? Так и скажи, что со студ. отрядом на картошку ездили. – Поддела я бабулю и скрыла победную улыбку.

– И не только на картошку. – Строго заметила она. – Я была отличницей...

– Ага, а ещё комсомолкой и просто красавицей. Знаю, ба. Так и мои знания не хромают на обе ноги. Скажи, кстати, почему на меня никто не смотрит?

Я села на стул, подтягивая к себе второй блин, а бабушка укоризненно посмотрела и покачала головой.

– Так уж и никто? – Не стала она комментировать моё до жути неприличное поведение.

– Да говорю тебе! – Не прожевав как следует, бросилась я доказывать. Ещё бы в грудь бить стала.

– А, может, тайные поклонники?

– Да какие тайные? Никто кроме Пашки и платье новое не похвалит.

– Какого такого Пашки? – Глянула на меня бабуля своим фирменным пронизательным взглядом.

– Того самого, ба. Не бандит он, сколько раз тебе говорить?

– Ага, сейчас они, кажется, бизнесменами называются.

– Просто человек умеет зарабатывать себе на жизнь, что в этом такого?

– Я говорила тебе не общаться с ним?

– Да когда это было-то? – Изогнула я брови, но на всякий случай от бабули подальше отошла. Мало ли, блинным половником по голове шмякнет, на него и покосилась.

– Так он вроде не живёт уже здесь. С матерью его разговаривала. Тоже, надо сказать, не самая приятная особа.

– Ну, да, он в новостройках живёт в соседнем районе. Да ты видела наверно, там они зелёные такие.

Бабушка пристально на меня посмотрела.

– А ты откуда знаешь?

– Не волнуйся. В гостях не была. Он приглашал, конечно, но ты же меня знаешь...

– Скорее, ты знаешь меня. Учти!

Тут она вдруг изменилась в лице и смолкла. Знаю эту её присказку, чтобы я замуж без высшего образования не собиралась. Словно оно там поможет. Хе! Бабуля наивняк!

На сим наш разговор был практически завершён, ну, если не считать ещё десяти минут нотаций. А потом мы пошли примерять то самое платье, которое было до ужаса неприличное,

но такое красивое и манящее. Бабуля долго кривилась и плевалась, но характером я, видимо, в неё и удалась, поэтому не уступила. Да и выглядела в нём сногшибательно.

Правда, гроза, та самая, судьбоносная, которая разразилась на следующее утро, не позволила насладиться праздником, вечером... и платьем. Никто кроме троих подружек его и не увидел. Бабуля странно поглядывала за окно и говорила, что, наверно, так и должно быть. Что именно, и как должно, не уточняла, да и я особо не вникала в её старческие странности. Занималась своими делами, которых именно в этот день всегда скапливалось невероятное множество.

– Галя, мне завтра нужно будет уехать. – Сказала она, явно волнуясь, когда поздно вечером вошла в мою комнату.

– Хорошо, а куда?

– Да, – она неопределённо махнула рукой, – Антонина Филипповна приболела, просила, чтобы я пока с Тосей на прогулки походила.

– А-а, тогда конечно. Привет ей передавай.

– Обязательно.

Бабуля странно на меня посмотрела, с долей грусти и беспокойства, но я клятвенно пообещала, что с Пашкой больше на машине ездить не буду, и вроде как её отпустило. Вроде как...

Настойчивый звонок в дверь помешал не только спать, но и настраивать себя на нужный лад при подготовке к следующему экзамену, а если учесть, что два дня, готовясь к своему празднику, я бессовестно профилонила, оставалось у меня ещё пара дней, не больше.

– Привет. – Дружелюбно сказал Шах, стоя на моём пороге.

Я не то, чтобы глазам своим не поверила, вообще не поняла, что он здесь делает, как меня нашёл и, собственно, для чего искал. Но в том, что целенаправленно пришёл, не сомневалась.

– Привет. – Ответила ему с сомнением, переминаясь с ноги на ногу.

– Пустишь?

Это даже не вопрос был, потому как я и не заметила, а он уже сам за собой дверь прикрывает, меня отстранив. Собран, сосредоточен. Смотрит на меня и мягко улыбается.

– Ничего, что я тут похозяйничал?

Я пожалала плечами. Вообще неважно было, что он говорит. Только бы объяснил, что происходит. Поэтому и смотрела ему в рот, пытаюсь уловить даже те слова, которые ещё не сказаны.

– Извини, ты ко мне? – Наконец, уточнила, а он улыбнулся ещё шире. Непривычно.

– Здесь ещё кто-то есть? – Отшутился с явным намёком, неприлично пристально оглядывая моё тело, я покраснела.

– Мы с бабулей вместе живём. Ба? – Крикнула в сторону комнаты, но тут же лицо ладонью прикрыла – Её нет сейчас, она подругу навестить поехала. Ты позже зайди.

Уголок его губ пополз вверх, Шах головой отрицательно махнул и вглубь комнаты посмотрел, напрашиваясь пройти дальше. Я образно махнула рукой, а он не растерялся, тут же шагнул мимо меня.

– Галь, давай поговорим. – Предложил Шах на ходу, прошёл к дивану и присел на него, согнувшись в три погибели. Посмотрел на меня, взглядом говоря, что неудобно.

А я смотрела в ответ с замиранием сердца, давно забыв о былых обидах. В нашей крохотной бедноватой квартире он смотрелся, по крайней мере, нелепо, особенно когда хотел казаться важным и значимым. Но таким красивым и нереальным, ну, прямо как в сказке. Только мозгов с нашей последней встречи у меня меньше не стало и такой визит вежливости настораживал, задавать вопросы я не могла, да и не знала какие. При этом была практически уверена, что он не ответит. Да. Так и выглядел. Сосредоточенным на своём деле.

Шах внимательным взглядом окинул комнату, мою фигуру, когда она снова попала в поле зрения, наконец, посмотрел на пол, после чего прямо в глаза. Да так резко, что я сама взгляд отвести не успела. Стало стыдно, что с такой жадностью его рассматривала, и краснота щёк не заставила себя ждать.

– Так, ты не к бабуле? – Утвердительно спросила я, а он в этот момент поставил на журнальный столик перед собой малюсенькую коробочку. Мне почему-то захотелось улыбнуться, припоминая, что в телесериалах так же делают предложение руки и сердца.

Только моя улыбка вызвала у Шаха какое-то негодование, он поджал губы и едва ли не приказал открыть.

– А что там? – Медленно приближаясь, уточнила я, не понимая, что происходит.

А в коробочке было кольцо. Точнее, это потом я поняла, что кольцо, а сначала увидела нереальной красоты цветок, который был сплетён из тончайших золотых нитей. В его центре сверкал прозрачный, словно капля росы, камешек, а более мелкие были рассыпаны по лепесткам. Я перевела на Шаха растерянный взгляд, а он улыбнулся одним уголком губ.

– Галь, сегодня на три часа назначена роспись. – Сообщил скучающим тоном, я улыбнулась.

– Роспись чего?

– Ни чего, а наша с тобой. Сегодня ты станешь моей женой.

– Да что ты?..

Я повела плечиком, как меня учила подруга и часто захлопала ресницами, разыгрывая умиление.

– Галь, я не шучу. – Предугадывая скорый вопрос, произнёс он и уставился не моргающим взглядом.

– А я и не смеюсь... Давай... Давай, – набрала в грудь побольше воздуха. – Да, конечно, у тебя ко мне всплыло неземное, неестественной силы чувство, – я задумалась, пытаюсь угадать, распознал ли он шутку в моих словах, – но это вовсе не значит, что я так же...

– Галя, у нас в три часа роспись. – Серьёзно и более строго проговорил Шах и моя улыбка из неверящей стала нервной.

И причин тому было много. Да. Много. А больше всего беспокоило то, что на шутку такое предложение действительно похоже мало. И здравый смысл, если он и был, то оставался мне неизвестным. Сначала я посмотрела с сомнением, потом попыталась улыбнуться, но... кто-нибудь пробовал улыбаться перед гипнотизирующим взглядом удава? Нет? В общем, и у меня не получилось. А потом захлестнуло негодование и возмущение.

– Да с чего ты взял... – Захлебнулась я потоком воздуха, резко собрала мешающиеся волосы в хвост и отошла на приличное расстояние. – С чего ты взял, что я... соглашусь... – Последнее слово произнесла практически шёпотом, чем Шаха повеселила.

– Будем считать, что уже согласилась. – Разогнулся он и с дивана встал. И именно в этот момент я почувствовала исходящую от этого мужчину угрозу.

Вспомнилось, как испугалась его в клубе несколько лет назад. Как шугалась парней, которые рискнули нарушить моё личное пространство, приближаясь ближе допустимого, незадолго после. Тогда он хотел меня. Сейчас он хочет, чтобы я ему принадлежала и никто не посмел одёрнуть. И его непроницаемый взгляд, который темнеет, по мере того, как долго я размышляю над происходящим. Его мощное тело, которое наливается напряжением. Его вздёрнутый подбородок, который угрожающе направлен в мою сторону. И всем своим видом он провоцирует меня на панику. Только я уже не маленькая и не безголовая, потому примерно понимаю, чем может закончиться побег. Медленно киваю, присаживаюсь на подлокотник кресла, стоящего в углу.

– Давай... давай поговорим. – Вытянула вперёд руку в успокаивающем жесте. Шах приподнял брови, вроде как позволяя продолжить. – Ну... ну с чего ты взял, что я нужна тебе? Да ещё свадьба, это ведь такой ответственный шаг и...

– У меня было время всё обдумать.

Не сказать, что я не была удивлена, была и даже очень... думал он! Ха! А моё мнение вроде как...

– Да, конечно, – заправила за уши спадающие с плеч пряди волос, – но, тебе... тебе ведь жена нужна. – Попробовала я найти компромисс. – Ты взрослый, самостоятельный. Ты... Какая из меня жена, а? Я... я не умею ничего, я...

Шах пошловато улыбнулся.

– Всеми необходимому могу тебя научить. А чему не научу я... – Развёл руками, театрально пожимая плечами, – до того и сама дойдёшь. Собирайся, у тебя пятнадцать минут.

– Нет, подожди, – выставила я руки вперёд, теперь уже две, а Шах свои глаза ладонью прикрыл.

– Нет, тебе действительно всё по два раза повторять нужно, Галь?! У тебя пятнадцать минут! – Вызверился и сделал выпад вперёд. Потом, правда, опомнился, отступил.

Я не дышала, не моргала и не понимала, что ему от меня нужно.

– Ты хочешь со мной переспать? – Выказала единственную здравую мысль и сжалась. Раньше мне не казалось это чем-то неестественным, но всё познаётся в сравнении. Лечь под бульдозер осмелится не каждая и уж точно не я, поэтому колени к себе поджала, глубже опускаясь в кресло.

– Я не достаточно чётко выразил свои желания, Галь?

– Это новомодная фишка такая, да? Жениться ради секса? Ты ведь хочешь меня. Просто хочешь.

– Предлагаешь приступить к брачной ночи немедленно? – Довольно оскалился он, но по тому, как я испуганно перестала дышать, понял, что шутка не удалась, что, к слову, ему только на руку. – Вот и славно. – Потёр руки, так спокойно, жизнерадостно, словно и не было этого разговора. – Время пошло.

Я не двигалась, и он посмотрел на меня как на недалёкую.

– Галь, я тебя, судя по всему, разбудил. – Напомнил вкрадчиво. – Думаю, сходить в туалет, причесаться и почистить зубы ты хочешь. Вперёд. Времени не так и много.

– Ты ведь шутишь, да? – Спросила в последний раз, подошла к нему настолько близко, что и сама не ожидала, заглядывая в глаза, но в них не было ни смеха, ни игривости.

– Я жду тебя пятнадцать минут, после чего мы садимся в машину и уезжаем. – Склонился надо мной, прижался щекой к щеке и прошептал, дотрагиваясь тёплыми губами до уха: – И прежде, чем совершишь какую-нибудь глупость, вспомни, что я не тот человек, который играет по чужим правилам.

Довольно проорчал, когда заметил на коже ярко выступающую панику в виде «гусиной кожи». И пропустил, когда с пустым взглядом удалилась в ванную комнату.

Страх всегда приходит потом. Я поняла это, когда в дверь ванной комнаты громко постучали. Руки затряслись только от одной мысли, что там, за тонкой фанерной перегородкой меня ждёт новая жизнь. Только едва ли то, что мне предстоит, называется жизнью. Не иметь собственного мнения, права голоса, являясь, по сути, игрушкой в чужих руках. Шах слишком чётко дал понять, что моего мнения для него не существует и ожидал слепого повиновения.

Вышла я, как только умылась. Прошла мимо него, охраняемая пристальным взглядом. Когда почувствовала, что прозвучит вопрос, бросила на ходу:

– Ты ведь не собираешься везти меня в пижаме?

Из спальни вышла в джинсах и чёрной футболке, которую купила, но до этого ни разу не одевала, так как чёрный, в принципе, не мой цвет. Сейчас же он был как никогда кстати. Шах не стал этого комментировать, только провёл очередным смурным взглядом к коридору.

– Галя, подойди ко мне. – Попросил достаточно мягко, в сравнении с предыдущим тоном, но я даже не повернулась. Он и это пропустил, не акцентируя внимания на моих закидонах. Спокойно подошёл сам.

– Дай левую руку.

Не дождавшись реакции на очередную просьбу, аккуратно, я бы даже сказала, нежно, поддел мою руку кончиками горячих пальцев, подтягивая её к себе ближе. А я застыла, не понимая ни действий, ни целей. Смотрела и не понимала, когда же он настоящий: был ли он настоящим полчаса назад, когда выставил свои условия, или же сейчас, когда его прикосновения вызывают сладостную дрожь во всём теле.

Я всегда считала себя нормальным, здоровым, не приемлющим насилие человеком, у которого вызывает отвращение издевательство над слабым. Сей час же заворожено смотрю на мужчину, от которого не знаю, чего ожидать. Тогда вдруг подумалось, что первое впечатление, оно навсегда остаётся у нас в душе. И та его уверенность, которая была при первой нашей встрече, то безоговорочное доверие, которое он у меня вызвал, авторитет, сейчас откликнулись слишком громко.

– Ты ведь не сделаешь мне больно? – Прошептала, когда наши взгляды встретились.

– Нам пора идти. – Вместо ответа на вопрос громко и чётко произнёс он, разрушая эту неоправданную иллюзию.

Я села в машину, пытаюсь закрыться от всего мира, спрятаться в себе, Шах посмотрел в мою сторону и добивался ответного взгляда. Я себя заставить так и не смогла.

– Кислый, выйди. – Проговорил он тогда железным тоном мужчине, сидящему на месте водителя, а тот, хоть и посмотрел как-то осуждающе, но спорить не стал, вышел, захлопнул за собой дверь, закурил.

– Галя, послушай меня сейчас внимательно. Ты обижена и тебе очень не нравится то, что происходит, но изменить этого ты уже не сможешь. Я, в свою очередь, могу обещать, что сделаю всё для того, чтобы этот день тебе запомнился, но многое и от тебя зависит. Посмотри на меня. – Попросил, в отличие от всей остальной речи.

Я стиснула зубы, не желая ни говорить, ни видеть его сейчас, ни сидеть в одной с ним машине.

– Понятно. Тогда может быть и по-другому.

Я не придавала значения той вкрадчивости, с которой он это произнёс, тому сквозившему от его тона холоду.

– У каждого из нас есть близкие люди, Галя.

Вот тогда я на него посмотрела. Испуганно посмотрела. Но он меня уже не видел. Смотрел прямо перед собой так, словно до рези, до боли в глазах. И губы его шевелились незаметно. Точно и не он говорил. Я испуганно притихла, теперь слушая не просто слова, каждый звук, вибрацию его голоса, от которой кровь в моём теле неслась с молниеносной скоростью, финальной точкой больно ударяя по капиллярам пальцев.

– Близкие, родные, любимые. И однажды потеряв их, мы понимаем, как ничтожна жизнь. В тот момент становится нестерпимо больно, но эту боль мы не можем выплеснуть, не можем высказать. Мы можем её только прочувствовать. – Я вцепилась пальцами в кожаную обивку сидений. Глаза наливались слезами. – А в тот момент, когда осознаём, что могли не допустить... Что этого просто могло не произойти, поступи мы иначе...

– Хватит, я сделаю всё, что ты скажешь.

Но Шах словно не услышал, только голос стал мощнее, настойчивее.

– Просто придёт момент, моя хорошая, и ты поймёшь, что я поступил правильно.

– Я же сказала... – Голос окончательно дрогнул и слёзы покатались двумя тоненькими ручейками.

– Ты мой родной человек, Галя, – провёл он костяшками пальцев по моей щеке, поддел подбородок, стирая слёзы, зависшие там за секунду до падения, – и, к сожалению, я уже знаю, что такое терять... А потерять тебя не хочу.

Я смотрела на мертвецки бледное лицо. Словно маска, неживое. Он сумасшедший. Просто сумасшедший и вдруг поймала себя на мысли, что мои губы, пусть, едва слышно, пусть непослушно, но повторяют одну и ту же фразу. «Я согласна, я на всё согласна». Опомнившись, замолчала, а он приоткрыл окно и позвал водителя, сообщив тому, что невеста готова. Мужчина, сев за руль, бросил на меня несколько прямых взглядов, коротко глянул на Шаха и, неодобрительно покачав головой, двинулся с места.

Машина остановилось рядом с магазином, который яркой колоритной вывеской обещал привести нас к счастью. Не особо понимая смысл происходящего, я покорно шла следом за Шахом, и никак не отреагировала, когда услужливые и улыбочивые девицы начали виться вокруг, что-то предлагая, рекомендуя, рекламируя.

– У вас есть четыре часа. – Не понятно, которой из них проговорил он и отошёл, наблюдая за происходящим со стороны.

Одна из девушек, я бы сказала, самая элегантная, несколько раз бросила на меня внимательные взгляды, что-то тихо проговорила помощницам и те, всё так же мило улыбаясь, отвели меня в сторону примерочной кабинки.

Это был свадебный салон. Остановившись на примерном фасоне платья, девицы принялись подбирать подходящее к нему бельё, аксессуары, принесли на выбор несколько пар обуви. Наверно, в этот момент должно было сквозить какое-то волнение, но я даже не хотела смотреть на себя в зеркало.

– Галя, мне нужно затянуть корсет, ты можешь немного постоять и не тянуться вслед за шнуровкой? – Раздражённо пропыхтела одна из консультантов.

– Могу.

Она снова потянула и я нехотя шатнулась в ту же сторону.

– Ну, что с тобой? Такая красивая девочка, такая умница. Почему в такой день и без настроения? – Спросила она, пытаясь заглянуть в глаза. На самом деле, ей было всё равно, это чувствовалось, но такая работа. Смысл этих двух слов мне знаком.

– Всё в порядке, волнуюсь. – Спокойно отозвалась я, даже не пытаясь поделиться, поплакаться. Почему-то казалось, что их раздражаю и я, и мой вид. Главное, чтобы согласилась на платье из новой коллекции и на туфли он итальянского дизайнера.

– Кислый, где мастер? – Услышала я голос Шаха и дрогнула. Девочка, помогающая мне с нарядом, замерла, приглядываясь.

– У вас всё хорошо? – Уточнила, правильно расценив мою реакцию.

– Всё хорошо, спасибо. Что-нибудь ещё?

– Ещё причёска и макияж. Но мы ждём своего мастера, девочка застряла в пробке.

– А-а... – Потянула я многозначительно и представитель магазина предпочла исчезнуть, оставив меня одну.

Весёлая со смешной стрижкой девушка буквально влетела в зону примерочной, окинула меня профессиональным взглядом и утвердительно кивнула.

– Будешь у меня куколкой. – Эмоционально причмокнула она губами, и буквально загорелась работой.

В зеркало я так и не посмотрела, не вдаваясь в подробности причин. Мастер, конечно, поджала губы, но, как говорится, у невест свои причуды. А потом... как в добрых фильмах о любви, шторка распахнулась, и меня представили жениху.

Шаха я не узнала: не было больше того хмурого с угрожающим видом мужчины. Был молодой, счастливый, в смокинге и бабочке, которая ему удивительно шла, молодой человек. Светлый взгляд искрился счастьем, и почему-то хотелось в это верить. Он замороженно смотрел в мои глаза, не смея опуститься ниже, порывисто дышал и не решался подойти. На идеально чистом, без единой тени, лице, вдруг мелькнула паника, дыхание стало шумным, губы поджались. Шах прищурился, напрягся всем телом, и я почувствовала, что в этом месте должен быть мой выход. Удивляясь своим артистическим данным, улыбнулась, и протянула ему руку, предлагая помочь. В это мгновение Шах всё же выдохнул и его улыбку не сдержали бы сейчас все беды мира. Я увидела, как человек может быть счастлив. Не знала как, не понимала почему, но верила его счастью, которым он хотел поделиться со мной. Приблизился, становясь практически вплотную, горячее дыхание коснулась кожи.

– Ты необыкновенная. – Прошептал так, чтобы никто кроме меня не смог услышать. И уже громко, радостно, для всех, кто сегодня так старался. – Девчонки, я просто обалдел от счастья.

Продавцы, стилисты радостно зашуршали, заахали и заохали, едва ли не аплодируя истории любви.

– Кислый, надбавь за старания. – Бросил за плечо своему оруженосцу и эта новость оживила присутствующих пуще прежнего.

И пусть я завтра себя возненавижу за эту слабость, но рядом с Шахом почувствовала себя королевой.

Не оттого, что нацепила дорогие тряпки и цацки, не оттого, что все вокруг глазели, не тая зависти. А за один лишь его взгляд. За то обожание, которое читалось в нём. Просто потому, что одним жестом, подав ему руку, я сказала «Да». То самое «да», которое он, якобы, от меня не ждал.

– Шах, свидетельница. – Напомнил Кислый, возвращая нас в реальность и Шах отвернулся, теряя те эмоции, не желая дарить их другим. Окинул пристальным взглядом всех собравшихся и вдруг остановился на мастере парикмахерских услуг.

– Ты поедешь.

А она и спрашивать не стала, куда и зачем, радостно закивала, странно посматривая в сторону Кислого.

У входа в салон стоял не тот устрашающего вида внедорожник на котором мы приехали, а белоснежный лимузин с услужливым шофёром в фирменной фуражке и пиджаке с лацканами. А дальше всё как в тумане. ЗАГС, регистраторша с фальшивой улыбкой, моё спокойное «да» в ответственный момент, громогласное «да» Шаха. Кислый, который уже спелся с парикмахером, прямо в зале торжественных регистраций, под звучный визг свидетельницы, откупорил шампанское. Кристальные в своём блеске бокалы, наполненные вином, одиночные поздравления, тоненькое кольцо на безымянном пальце правой руки, выполненное классическим золотом, и широкое кольцо на пальце моего мужа.

Оставив свидетелей, мы поехали по красивым местам города, а в машине сопровождения сзади, ехал фотограф, которого я так и не заметила в зале, но который там был и запечатлел все моменты важных событий. объездив все необходимые достопримечательности, мы пересели в другой автомобиль, более удобный для передвижения и оправились в сторону выезда из города. Я даже не сразу сообразила, куда направляемся, и лишь когда отметила, что пейзаж за окном практически не меняется, посмотрела на Шаха. Он же, не отрываясь, смотрел на меня.

– Куда мы едем?

– Я хочу показать тебе одно место. Там очень красиво. – Проговорил с каким-то надрывом.

– Зачем?

– Хочу, чтобы ты это увидела. – Пожал он плечами, словно растерявшись от этого вопроса и как-то притих.

Всё это время не выпускал из рук мою ладонь, точно я могла куда-то убежать или исчезнуть. Но тревожить его не хотелось, поэтому не возражала. Посмотрела на наши руки, на контраст светлой и тёмной кожи, на его широкую ладонь и мою тонкую, практически прозрачную в ней. По телу разлилось непонятное тепло и ощущение защиты. Я верила ему всё больше и больше, хоть он мне ничего и не обещал. И как никогда понимала смысл слов, в которых говорилось, что главное, приятно ли с человеком молчать. С ним мне было хорошо.

Взгляд съехал чуть ниже и я увидела паспорта и длинную бумагу – свидетельство о регистрации брака. Не смогла удержаться.

– Это мой? – Спросила удивлённо, не понимая, когда Шах успел его взять.

Потянулась к документу и заглянула внутрь. На нужной странице стояла печать и красивым почерком сделана запись о том, что Шах Дмитрий Алексеевич стал моим мужем. Я недоумевающе посмотрела.

– Так это твоя фамилия, Шах?

Он растерялся и даже не нашёлся, что ответить, потом уже несколько смущённо улыбнулся и пояснил, что это не только фамилия, но и прозвище по жизни. А я поймала себя на мысли, что уже ни разу не страшно.

– И как мне тебя называть? Дмитрий Алексеевич?

– Дима. – Спокойно отозвался он, пропустив мимо ушей сквозившую иронию. Медленно повернулся ко мне, пытаюсь удержать невозмутимое выражение лица, которое вот-вот и сменится беззаботной мальчишеской улыбкой. – Ты ведь не хочешь, чтобы я называл тебя Галина Анатольевна, правда?

Не хочу, прав. Я никак не могла уловить причины изменений в нём. Словно подменили, не иначе. Только располагающая улыбка, подкупающие слова и жесты, всё то, чего я не ждала.

Машина остановилась на трассе, недалеко от которой располагался лесок, я обеспокоенно оглянулась, но Дима как всегда промолчал. Вышел, подал мне руку, помогая выбраться.

– Ты отвёдешь меня в лес? – Улыбнулась, когда он вдруг обернулся. Усмехнулся, глядя как я карабкаюсь по ухабистой дороге, на которой даже тропинки не было.

– А можно идти медленнее?

Он шаг хоть и замедлил, но легче не становилось, приходилось не только идти, но ещё и поддерживать платье. А это ноша не из лёгких.

Уже на подходе к лесу силы меня покинули, и я остановилась как вкопанная.

– Дима! Дмитрий Алексеевич, пошли назад, мне не нравится твоя идея. – Проговорила упрямо и надула губы, отворачиваясь от его улыбчивого лица.

Не комментируя этот протест, Дима легко поднял меня на руки и, только и успевал командовать, когда нужно будет подобрать ноги. Прошли мы прилично, прежде чем у него появилась одышка и яркий румянец на щеках. Сжалившись, я задргала ногами, командуя опустить меня на землю.

– Дим, ну, ты устал. Я больше не буду капризничать, честно. – Клянчила, продолжая извиваться в его руках, хотя чувствовать себя пушинкой было безумно приятно.

– Не дёргайся, ты мне мешаешь. – С периодичностью в десять шагов повторял он и отпустить меня не собирался. Заросли стали гуще и я, то и дело, замечала клочки белого материала моего платья, которые оставались на ветках дикорастущих кустов.

Дима тоже слышал звуки рвущейся ткани, к тому же, это нас действительно тормозило.

– Ну, хотя бы не заблудимся. – Вздохнула я, сожалея об утрате.

– Не заблудимся, мы уже почти пришли.

А пока я разглядывала его лицо, которое сейчас было до невозможного близко, остановился, поставил меня на пол и склонился, неотрывно глядя в глаза.

– Мы пришли.

Обернувшись, я увидела озеро. Узкое, удаляющееся за горизонт. Каменистый берег, который смотрелся здесь не совсем уместно и... стаю диких лебедей. Царственно раскинувших крылья, они проплывали от одного берега к другому, гордо выпячивая вперёд грудь. Не особо понимая свои желания, я пошла к воде, всматриваясь в лёгкую рябь на её поверхности, в прозрачную прибрежную волну, нагоняемую лёгкими порывами ветра. Замерла, остановившись у самого края суши.

– Это действительно красиво. – Прошептала, не оборачиваясь, когда почувствовала его дыхание на своём затылке.

Мужские руки тут же обхватили мою талию, притягивая ближе к теплу. В полной тишине лесного озера, я могла отчётливо слышать глухие удары его сердца и сбитое дыхание, которое выдавало волнение.

– Откуда ты его знаешь?

Помолчав некоторое время, Дима выдохнул. Тяжело, горько, словно с болью.

– Здесь недалеко есть одна деревня. С трасы её даже не видно, сейчас она практически исчезла. Жители переехали в близлежащие центры, а дома медленно, но верно разваливаются, образуя разруху.

– Это место... оно что-то для тебя значит?

– Больше, чем я хочу сейчас вспоминать. – Грустно улыбнулся он и прижался губами к моей шее. – Я хочу, чтобы оно тоже кое-что означало для тебя.

– Чтобы я всегда помнила о тебе?

Он тихо рассмеялся, прижимаясь губами к моему голому плечу. От этого смеха по телу разбегались приятные волны, и можно было свободно прижиматься к надёжному плечу, не позволяя понять, как мне это важно.

– Я не дам тебе забыть обо мне, Галь. А насчёт памяти... Да. Я хочу, чтобы ты помнила о том, что я твой единственный.

Я замерла в его руках, Дима это почувствовал, поэтому прижался сильнее и хватку усилил.

– Знаешь ведь, что такое лебединая верность?

Стоя к нему спиной я повернула голову, пытаюсь рассмотреть то, что сейчас творится в его глазах, а Дима склонился, позволяя мне это сделать.

– Мне никто не нужен кроме тебя, Галя. Мне вообще всегда казалось, что я не умею любить.

– Это такое признание? – Дрогнула, желая чего-то большего.

– Это всё, – посмотрел он, а при этом и в глазах, и в голосе, разлилась такая знакомая жёсткость, – и признание, и предупреждение. Это закон. И я хочу, чтобы ты знала, что я всегда буду рядом. Даже когда ты этого не захочешь.

– Мне иногда кажется, что ты и сам не знаешь, чего хочешь...

– Я хочу, чтобы ты была моей женой несмотря ни на что. Ты понимаешь смысл этих слов?

– Наверно нет. – Призналась я.

– Просто я никому тебя не отдам, что бы с нами не случилось, Галь. Я не могу себе позволить тебя потерять.

– Не знаю, чему верить: твоим признаниям или тому, что видела сегодня утром.

Его тело в одно мгновение приобрело ощутимую жёсткость, тепло угасло, словно заперлось внутри, не подпуская меня ближе.

– Ещё две минуты, Галь. Здесь очень красивый закат, но мы не сможем долго смотреть, иначе не найдём дорогу назад.

Просто стоять в тишине, в которой каждый думал о своём, мы прождали ещё ровно две минуты, после которых Дима молча развернулся и потянул меня за руку за собой. От лестного

предложения пронести на руках ещё и назад, я отказалась, согласилась на пиджак, который прятал нежную кожу рук, плеч, груди, от колючих веток, холодных листьев. Я шла и не понимала, что с ним происходит. Теперь, когда могла смотреть на широкую спину, на уверенные размеренные шаги, казалось, что та нежность, которую он показывает мне, даётся словно в награду за правильные ходы в игре. В его игре. Но едва лишь я делаю шаг в сторону, он щетинится, выставляя вперёд колючки. Говорит о любви и тут же умалчивает о том, что будет с нами дальше. Не желает объяснять свои спонтанные решения, которые оказываются продуманными и до безграничности правильными.

На поле, дорога которого была значительно сложнее, он вновь берёт меня на руки, сильно прижимая к себе, не позволяя отстраниться, а я и не хочу. Не хочу бояться. Показываю, что мне нравится, потому и сама прижимаюсь к нему, шаг от шага, дотрагиваясь губами до гладкого подбородка.

К машине мы вышли, когда на улицу опустились ощутимые сумерки и вечерняя прохлада. Водитель стоял у авто, и только лишь открыл дверь в нужный момент, позволяя Диме посадить меня внутрь. Там муж буквально на секунду впился в мои губы. Так, словно украл этот поцелуй. Жадный, резкий, ощутимо болезненный.

– Никогда не смей отдаляться от меня. – Шепнул за мгновение до того, как водитель занял своё место. Быстро обошёл автомобиль и присел рядом, больше не притрагиваясь, полностью погружаясь в свои мысли.

Глава 5

В ресторане было полно людей и каждый с интересом вытягивал шеи, провожая нас взглядом. Я к такому вниманию не привыкла, поэтому очень хотела поскорее раствориться в толпе, что оказалось не так просто. Столик в самом центре обеденного зала на четыре персоны был наполовину пуст, правда, ни Кислый, ни его спутница, особо на наше появление не рассчитывали, поэтому давно приступили к ужину, не заботясь об отсутствии молодых. Правда, заметив Шаха, немного подобрались. Кислый попытался спрятать глупую пьяную улыбку и приветливо махнул рукой.

– А мы уж думали, что вы будете праздновать исключительно на шёлковых простынях. – Неприлично оскалится он и хрюкнул, позабавившись собственной шутке.

Шах промолчал, а вот я вспомнила о важном событии вечера, раскраснелась. Правда, не столько от волнения, сколько от возмущения о том, как бесцеремонно об этом отзывался мужчина.

Мы расселись по местам, официанты тут же засуетились, поглядывая на Кислого, который и командовал парадом. Вскоре на столе появились свежие закуски, распечатанная при нас бутылка игристого вина, Кислый привстал, чтобы проговорить поздравительную речь.

– Шах, друг, наверно ты, наконец-то, счастлив, – посмотрел на нас, прищурившись, – думаю, даже больше чем ожидалось. Я очень надеюсь, что молодая жена будет тебя радовать не только чеками из магазинов, но и маленькими женскими хитростями от которых так зависят наши суровые мужские будни. Галя, – повернулся он ко мне и запнулся, видимо, не зная, что сказать человеку, которого видишь едва ли не впервые в жизни, но совладал с эмоциями и продолжил. – Что скучать тебе не придётся, думаю, ты уже и сама поняла. – Посмотрел выразительно, намекая на сумбурность праздника. – А что касается пожеланий... Желаю я тебе терпения, которое непременно пригодится в жизни рядом с этим параноиком. У Димона, конечно, много тараканов, но есть и неоспоримые достоинства, которые он тебе в ближайшем будущем продемонстрирует.

Сказана последняя фраза была с неприкрытым налётом пошлости, которая заставила меня вернуться к привычному за сегодняшний день окрасу лица, а моего парикмахера глупо захихикать. Но, как бы там ни было, пожелания прозвучали, тост можно считать завершённым, а значит, за это стоит выпить.

Я только и успела, что поднести бокал к губам, когда Дима придержал мою руку своей, не позволяя сделать и одного глотка. Я непонимающе посмотрела, а он этой растерянностью воспользовался и бокал у меня отобрал, поставит на белоснежную скатерть со своей стороны.

– Шампанское хорошо бьёт по голове, – пояснил с улыбкой, налаживая на мою тарелку мясные закуски и салат, – особенно таких впечатлительных барышень, которые с утра ничего не ели.

Я поджала губы, поправляя кончик вилки, уже смотрела в свою тарелку, а он терпеливо улыбнулся, погладил меня по свободной руке.

– Сегодня всё ещё будет. И вино, и фрукты. Только чуть позже.

Я подхватила кончик вилки, которую теребила до этого, но рука дрогнула и она слишком громко ударила по краю тарелки, создавая излишний шум. Дима сжал зубы.

– Я хочу, чтобы ты немного расслабилась, а не уснула. – Добавил недовольно. – Ешь.

Если честно, спроси у меня кто, что я чувствовала в тот момент, о чём думала, я бы наверно и не ответила, так пусто было внутри. Кислый сказал ещё несколько шуток в том же духе, но я больше не краснела, потому что не слышала ни единого звука. Бессмысленно водила глазами от одного к другому. Особенно часто брала слово парикмахер, она открыто и довольно смотрела на меня, успевая подмигивать Кислому.

– Шах, мне кажется, твоя жена заскучала. – Услышала я в тот момент, когда на меня посмотрели все трое одновременно. Кислый как всегда выделился. Тут же вытянул губы трубочкой, прямо глядя на меня. Не отвёл взгляд даже когда Дима окликнул его. Стало неприятно, что его забавляет вся эта ситуация, а меня он словно и вовсе ненавидел. Не понятно только, за что.

А потом было всё, чего я так боялась. Даже не удивительным показалось то, что машина остановилась возле отеля. Достойное завершение столь незабываемого вечера. Секс на казённой, пусть и жутко дорогой кровати...

Не могу сказать почему, но этот момент был для меня важен. Чтобы он в свой дом привёл. Не как шлюху, в гостиницу, а в свой дом! Чтобы я понимала его, чтобы чувствовала настроение. Чтобы читала намерения в поступках. А вся эта показная роскошь больно была по самолюбию. Наверно, это классическое воспитание сыграло свою роль. Бабуля всегда говорила, что если мужчина тебя уважает, то не поведёт в бордель. Познакомит с семьёй, друзьями... А меня познакомили с верным оруженосцем и первой попавшейся девушкой, которая и стала свидетелем краха мечты о светлом будущем с любимым мужчиной. Тут же вспоминались и умные фразы, в которых говорилось о том, что замуж нужно выходить по расчёту. И пусть не будет любви к мужу, зато навсегда останется любовь к его деньгам.

– Номер люкс для молодожёнов, спальня, гостиная, столовая зона. Две ваннные комнаты...

– Хватит. – Недовольно остановил молодого портё Дима и отошёл к окну.

– Если что-нибудь желаете...

– Ты можешь быть свободен. – Грубым, не терпящим возражения тоном повторил он, резким движением всучил парнишке купюру, достоинства которой я не разглядела, но тот остался весьма доволен и пожелал приятного вечера.

Оставшись наедине, мы ненадолго замолчали. Я, оттого, что не знала, что говорят в таких случаях, Дима молчал, боясь спугнуть меня. Осознание неизбежного давило с невероятной силой и я сделала над собой усилие. Не пыталась играть роль роковой женщины, да и Дима, едва бы поверил. Просто вспомнила об обещанном допинге. Огляделась по сторонам.

– Ты обещал вино и фрукты. – Посмотрела на него в упор.

Дима взглядом не ответил, но каким-то своим мыслям улыбнулся. Постоял ещё пару секунд недвижимо, а потом распахнул дверь в спальню, в которой и находился накрытый столик. Зажжённые свечи к нему прилагались. Мысль о том, что нас ждали и свечи зажгли заблаговременно, развеселила, поэтому с некоторой лёгкостью я шагнула туда следом за мужем.

Дима ловко откупорил бутылку, разлил вино по бокалам, один протянул мне, а я засмотрелась: бабочка уже висела с одной стороны, придавая праздничному виду немного необходимой в данной ситуации небрежности, расслабленности. Пиджак расстёгнут на все пуговицы, рубашка небольшой складкой свисала над поясом брюк. Стильный узкий ремень с классической пряжкой. Дима мне нравился. Я уже привыкла к нему. Я была готова признать его право быть рядом. Улыбнулась этим мыслям, приняла из его рук бокал, тут же сделала глоток. Ни пить, ни выпивать никогда не умела, потому и не усердствовала. Вино было приятным на вкус, но не вызывало должной эйфории, мне было достаточно. Поджала губы, не зная, что следует дальше, а Дима и не давал возможности думать об этом, отставил бокалы в сторону, склонил голову, приближаясь. Аккуратно подвёл руки к моей талии, подтолкнул вперёд, к себе ближе, медленно приблизился к лицу, коснулся губ. Но как бы я себя не убеждала, обычный человеческий страх, то и дело, брал верх. Потому произвольно отвернулась, понимая, что на этом он не остановится. Чувствуя, как мышцы Димы напряглись, замерла в его руках, внутренне сжимаясь, а он прижался губами к уху, поддел мочку с каким-то жёстким, остервенелым дыханием. Отметил, как я в панике скривилась и прошептал:

– Если тебе что-то не нравится, – выдохнул, с боков меня сжимая, – кричи, бей меня, но никогда, слышишь, никогда не смей отворачиваться!

Я повернулась, глядя в его глаза, тут же сама коснулась упрямо поджатых губ. Он не отреагировал. Продолжал буравить злым взглядом. Вывернулась из его рук, поворачиваясь спиной, отклонилась назад, прижимаясь к каменной груди.

– Помоги мне с платьем. – Прошептала и замерла, ожидая его действий.

Дима минуту молчал, но не отстранялся, не отступал, потом только аккуратно шагнул назад, придерживая меня за плечи, и быстро расстегнул мелкие застёжки. Резкими размашистыми движениями принялся за плотную шнуровку, которая обнажилась под верхним слоем потайных замков, плавно потянул за бегунок молнии, позволяя мне свободно вздохнуть грудью. И я задохнулась не только этой свободой, но и его откровенной близостью, ощущением тяжёлого взгляда, который упирался в кружевное сексуальное бельё, подобранное грамотным стилистом.

– Не спеши. – Произнёс тихо, подталкивая в сторону ванной. – И... чулки... оставь их.

От этих слов я как от удара метнулась в ванную комнату, надёжно закрыв за собой дверь. Прислонилась к ней спиной, отдышалась, а потом опустила руки, которыми до сих пор удерживала корсет. Уверенно перешагнула скопившуюся под ногами ткань и привела себя в порядок. Вышла достаточно быстро, но Дима явно устал ждать. Он стоял у окна, придерживая пальцами занавеску. Пиджак был брошен на кресло, рукава небрежно закатаны до локтя, одна рука в кармане брюк. Подбородок привычно приподнят, чтобы была возможность наблюдать за происходящим свысока. Он обернулся и полоснул по мне горящим взглядом, от которого хотелось попятиться. Это потом я поняла, что выглядела сексуально, возбуждающе, а в тот момент прозрачная кружевная грация, пояс для чулок и само белоснежное тончайшее волокно, обтягивающее ноги, казались мне пошлостью.

– Я хочу, чтобы всё было быстро. – Проговорила со всей серьёзностью, казалось, это так по-взрослому, ставить условия.

Глаза Димы сверкнули.

– А я хочу, чтобы всё было красиво.

Это потом я, желая подстегнуть партнёра, могла купить что-то подобное. А в тот вечер мне хотелось провалиться сквозь землю. Дима сделать этого не позволил. Скрыв свой интерес, мягко улыбнулся, плавно приблизился, а я просто позволила вести себя. Он нежно водил пальцами по моему подбородку, вырисовывая круговые узоры, легко касался разгорячённой кожи губами, заставляя то открыть шею, то повернуть голову в сторону, предлагая демонстрировать линию подбородка. Чередовал поцелуи с мягкими прикусываниями кожи, прихватывая её зубами, разглаживая после этого влажным языком. И я терялась в этих ощущениях. Понимала, что сопротивление вызовет жестокость, пусть произвольную, но не нужную нам, поэтому подчинялась, принимая ласку.

Постепенно его пальцы спускались ниже, массируя плечи, спину, поглаживая напряжённые мышцы. Он ничего не говорил, боясь спугнуть, жался к моему телу, приучая к размеренным толчкам бёдер. Подталкивал к широкой постели. Одной рукой придерживая меня под спину, другой порывисто расстёгивал мелкие пуговицы своей сорочки, но вскоре его выдержка затрещала по швам. Как, впрочем, и непослушная рубашка. Вспомнив о своих свободных пальцах, я принялась помогать, оттаскивая его непослушную руку.

Быстро справившись, руки убрала, а он уже успел уложить меня, стараясь побыстрее освободиться от ненужной одежды. Вытянул ткань из-за пояса брюк, не забывая целовать меня. И это уже были не первые свободные поцелуи, не то лёгкое касание губ в ЗАГСе. Это были поглощающие по количеству эмоций действия, поцелуи глубокие, жадные. Он ласкал мои губы, не позволяя перевести дыхание, тут же заполнял мой рот собой, своим языком, резко отстранился, вода по лицу затуманенным взором, коснулся пальцами губ, поглаживая их, оттягивая нижнюю.

В тот момент я заметила татуировку в виде пера, которую когда-то разглядела в суете в клубе. Слишком реалистично. Она шла вдоль ключицы и слегка поднималась к шее, где завернутый край чёрного пёрышка, словно щекотал его. От созерцания творения художника, меня отвлекло мимолётное движение его рук по коже между краем чулка и трусиками. Дима улыбнулся, вернув себе моё внимание и медленно, позволяя остановить себя, опустил губами к груди. Стерпел мой эмоциональный порыв во время которого я неконтролируемо глубоко впиалась ногтями в твёрдую спину, провёл языком по границе белья, иногда просто щекотал дыханием, заставляя меня хотеть большего. А я, ведомая новыми ощущениями, доверчиво прогибалась в спине, прижимаясь к нему ближе, притягивая его к себе руками. Высвободив один сосок, Дима жадно втянул его в рот, сжал зубами и отпустил, только услышав тихий грудной стон. Навис надо мной, опираясь на выпрямленные в локтях руки и довольно улыбнулся.

– Предлагаю это снять.

И повёл ладонью по линии рёбер, едва ощутимо надавливая на тело. Ощувив голой кожей прохладу номера, я снова растерялась, попыталась прикрыть грудь руками, но Дима, уверенно удерживая запястья, просто прижался ко мне своим телом, скрывая не только от внезапно возникшего смущения, но и от себя самого. Отвлекая поцелуями, отстегнул подвязки чулок, вжимаясь в меня своими бёдрами, позволяя ощутить то, что так нахваливал его друг в ресторане. Но мне уже было хорошо и легко, поэтому я жалась к нему, вдруг осознав, насколько это естественно.

Понимала смысл слов «хотеть», «желать», «отдаваться». Пряжка его ремня звякнула, сползая с кровати, но я уже не придавала значения мелочам, которые только отдаляли меня от желанной развязки, а о том, что я возбуждена, просто кричало ощущение холода от промокнувшего насквозь белья. Стянув с меня трусики, Дима быстрым взглядом окинул обнажённое тело, прищурился, пытаясь разглядеть сомнение. Не встретил его и решительно снял свою одежду, но не демонстрировал себя, отвлек очередной порцией нежности.

Я чувствовала себя центром вселенной, встречая его взгляд, не просто откровенный, а сумасшедший, ослеплённый желанием. Спустя годы я пойму, что на меня никто кроме него так не смотрел, но всегда гнала от себя эти мысли, эти ощущения. Они делали меня слабой и уязвимой, позволяя мужчинам причинять мне боль.

Его руки гладили и ласкали, уже не боясь напугать меня откровенными прикосновениями, поцелуи опускались всё ниже, а потом Дима снова остановился и посмотрел оценивающе. Я не знала, что означал этот взгляд, не придавала ему значения, и только лишь когда он отрицательно качнул головой, присмотрелась внимательнее. Дима нависал надо мной, удобно устроившись между раздвинутых ног, не отпуская моего внимательного взгляда, приподнял одну из них, удерживая за лодыжку, повернул голову чуть в сторону и прикоснулся губами. Я дёрнулась, но он ожидал этого, потому и удержал.

– Расслабься, всё хорошо. – Шепнул убедительно, и поцеловал снова.

Поцеловал в то же место, потом чуть ниже колена, не отрываясь, провёл губами по внутренней поверхности ноги, останавливаясь на середине бедра. Низ живота горел и пульсировал, поэтому я непроизвольно двинулась вперёд, и он правильно воспринял этот призыв, отпустил лодыжку, широко развёл ноги в стороны и продолжил это прикосновение выше, пока не потерял возможность видеть мои глаза. Первое, практически невесомое прикосновение, заставило меня резко дёрнуться в попытке отстраниться, но Дима, точно и ждал этого, крепко впился пальцами в ягодицы, удерживая на месте. Тут же прорычал, когда я своё сопротивление продолжила.

– Расслабься.

Не успел сказать, как провёл языком по влажным складкам, чуть дольше задержался на клиторе, вызывая пульсирующую боль.

– Ты очень нежная. – Усмехнулся, понимая, что происходит. – Придётся потерпеть.

И провёл языком в том же направлении, надавливая сильнее, раскрывая меня, расправляя складки, на клиторе снова задержался, слегка вибрируя языком, постукивая, ровно до тех пор, пока не услышал сдавленный стон, который стал для него стартовым выстрелом.

Больше Дима не останавливался, впиваясь в нежную плоть до боли, чередуя ритмичные движения с успокаивающими, расслабляющими. Мои мешающиеся ноги забросил себе на плечи, не обращая внимания, что я их скрестила, сдавливая голову. Проникал языком вовнутрь, удерживая меня на грани пальцами, добиваясь, чтобы я забыла о стыде, о правильности. Только в этот вечер я о ней и не вспоминала. Никогда не чувствовала себя настолько свободной, удовлетворённой, парящей в пространстве, как с ним, и не хотелось думать о том, что будет уже завтра. Тёмная макушка активно мелькала перед глазами, а когда огонь внутри стал невыносим, а безудержные движения ягодиц просто не спасали, я прижала его голову к лону, уже не прося – требуя.

Оргазм. Я многого о нём не знала. Помню, сразу после школы наткнулась на книжицу с одноимённым названием в библиотеке школьной подруги, не стала скрывать своего интереса и уже вечером смогла узнать много нового о своём теле и об удовольствии, которое оно может получать. Первого удовольствия я добилась совсем не скоро, измучив себя и свою руку. Потом, несколько раз пытаюсь повторить, доходя до онемения в кисти, бросала дело незаконченным. Но те ощущения не идут ни в какое сравнение с тем, что я испытала сегодня. Долго не могла отдышаться... Определённо, Дима подружился с моим телом намного быстрее, чем я сама.

На какое-то мгновение я и вовсе забыла о мужчине рядом, поэтому и пропустила момент, когда он прижался ко мне вплотную и одним плавным, размеренным до миллиметра движением, вошёл, глубоко прогибаясь в пояснице, не особо заботясь о преградах. Мне показалось, что внутри что-то лопнуло, но это не принесло особого дискомфорта, потом ещё на первых толчках было саднящее ощущение, но вполне терпимое, поэтому тихие утешающие слова Димы я хорошо расслышала, хоть они и были предназначены для общей атмосферы. Он проникал глубоко, растягивая меня каждый раз всё больше, упираясь во что-то упругое, но мягкое, потом выходил практически на всю длину и буквально каждая клеточка его тела дрожала. Дрожали и губы, которые нехотя выпускали застоявшийся в лёгких воздух.

Я лежала практически неподвижно, лишь изредка прижимаясь к его груди, инстинктивно подводя бёдра вверх или навстречу, притягивала ближе к себе за шею. Мне было приятно ощущать тяжесть его тела, а Дима упирался, отшучиваясь, что скоро раздавит. Внимательно следил за эмоциями и ускорялся, когда понимал, что всё хорошо. Цеплял мои губы своими, дразня, улыбался, когда я пыталась их поймать и едва сдерживался от смеха, когда разочарованно выдыхала, так и не сделав этого. Только постепенно, по мере приближения к своему оргазму, он растерял ту шутивную лёгкость, переходя к концентрации, сосредоточенности в ощущениях и в своих движениях. Подведя руки под моими лопатками, цепко взялся за плечи, не позволяя отстраниться и двигаться вверх, к изголовью кровати, как я делала, ощущая, что он набрал слишком большую скорость. Теперь же сделать это не представлялось возможным и я замирала, чувствуя его пульсацию внутри себя, с какой скоростью он вдавливался в податливое тело. Разводила бёдра шире, чтобы позволить мужу сделать то, что он хочет и он кончил, прорывав что-то невнятное в мои губы, прикусывая их.

Дима сполз, устраиваясь рядом, практически без сил, бросил на пол презерватив, а я даже не заметила, когда он его раскатал. Посмотрел ещё пристальнее, чем обычно, провёл раскрытой расслабленной ладонью по моему телу, задевая грудь, поглаживая небрежным движением живот.

– Устала?

– Немного. – Соврала я, потому что едва отступила эйфория, появилось желание закрыть глаза.

– Тогда отдыхаем. – Он улыбнулся, пригладил взъерошенные волосы на моей голове. – Хотя у меня было ещё много планов на эту ночь...

Мечтательно закрыв глаза, широко улыбнулся, а потом приоткрыл один глаз, чтобы посмеяться над моим ошарашенным выражением лица. Уснуть, правда, получилось не сразу, минимум полчаса Дима извлекал из моих волос шпильки, удерживающие причёску, а когда была удалена последняя, я крепко спала и уже ночью, сквозь свои сны почувствовала, как к спине прижимается горячее тело со стальными от напряжения мышцами. Дима снова был возбуждён.

Мне снились сны, разные, короткие, в основном беспокойные, поэтому, когда зазвонил телефон и Дима резко подскочил с кровати, на ходу отбрасывая одеяло, я открыла глаза.

– Да. – Он говорил громко и раздражённо, так, словно ждал этого звонка очень долго, а получив его, разозлился сильнее. – Заткнись, я успею. – Прорычал в трубку.

Я почувствовала как он сел у моих ног, убирая мешающееся одеяло подальше. Поднялась, посмотрела в его сторону и замерла в испуге: на левой лопатке, устроясь своей реалистичностью, располагалась татуировка в виде чёрного ворона. Он безжалостно вцепился когтями в ещё живое, пульсирующее сердце и клювом выдирает его куски. Крылья ворона были широко раскинуты, словно ещё секунда и он сорвётся с места, застигнутый в неподходящий момент, а глаз, будто прямо на меня смотрел, не позволяя приблизиться.

– Всё, Кислый, – устало выдохнул Дима, выслушав собеседника, – я тебя понял... Ты всё подготовил?

Отключившись, несколько мгновений просидел недвижимо, после чего слегка повернул голову в мою сторону, но так и не посмотрел.

– Проснулась?

Я в растерянности закивала, словно он мог это видеть, Дима повернул голову ещё больше, но так и смотрел на пол, всё его тело выдавало напряжение, натянутость, а я опомнилась.

– Д-да.

Он шумно выдохнул, проводя руками по волосам, втянул в себя воздух через стиснутые зубы, что сопровождалось характерным свистом. И не успела я протянуть руку, чтобы дотронуться до ворона, чтобы убедиться, что он не настоящий, как Дима повёл плечами, словно сбрасывая её и это не случившееся прикосновение. Я так и замерла с протянутой к его телу рукой.

– Галь, иди в душ, я сейчас присоединюсь. – Проговорил другим тоном. Не таким, которым говорил вчера в этой спальне. Таким, каким разговаривал в машине, убеждая не делать глупостей. Поэтому, несмотря на желание поваляться в постели, я решила не спорить.

Дима в этот момент уже поднимался, чтобы подойти к окну, где, отодвинув занавеску, снова разглядывал улицу. Я замерла, не понимая, что происходит, а он неожиданно взгляд на меня перевёл. Тёмный, раздражённый, словно злится, и тут же отвернулся. Только встать и просто пройти до ванной комнаты уже не хотелось и, нерешительно опустив стопы на мягкий прикроватный ковёр, я стянула покрывало, которое до этого было сбито в ногах, и надёжно в него завернулась. Так, чтобы если и захотел развернуть меня, не смог этого сделать. В такой же нерешительности прошла по комнате, боясь издать лишний звук.

Дима не кричал, не угрожал, никак не выдавал себя, но один его взгляд стоил тысячи устрашающих криков. Мне стало не по себе. В том числе и оттого, что не знаю этого человека.

Я включила воду, шагнула в объёмную душевую, дрожащей рукой попыталась отрегулировать температуру, когда Шах вошёл в ванную. Боковым зрением видела, что он так и ходит голый, сейчас это смущало и заставило посторониться, когда он застыл перед входом.

Невольно я замерла, не зная, чего он ждёт, а через секунду упиралась руками в противоположную стену. Дима толкнул меня к ней, грубо удерживал за шею сзади, приблизившись вплотную, перехватил так, чтобы уже сжимать горло, коленом раздвинул ноги шире и резко вошёл, причиняя ощутимую боль, которая сопровождалась моим криком.левой рукой сжимал шею, правой прижимал мою правую руку к стенке душевой кабины, а сам чёткими, мощ-

ными толчками проникал всё глубже. Так глубоко, что боль разрасталась и превращалась в противный, тянущий вниз ком. Дима не пытался закрыть мне рот, ничего не говорил, и только громко рычал, когда мои крики переходили в слезливые всхлипы. Чуть позже он свою руку опустил, специально для того, чтобы каждый раз, толкаясь в меня, сжимать клитор, кружить вокруг него. До тех пор, пока не накрыл оргазм. Мой оргазм.

Не особо церемонясь, не давая отойти и успокоиться, вышел из меня, а чувство пульсирующей внутри боли осталось. Резко развернул спиной к стене, подбросил вверх, впиваясь в ягодицы и вошёл, толкаясь членом с новой силой. Я перестала кричать, когда горло охрипло, наверно, если бы он меня не держал, повисла бы безвольной тряпичной куклой, но Дима держал. И в глаза смотрел, не отрываясь, и только когда я отвернуться попыталась, больно за щёки схватил, сжимая их пальцами одной руки.

– Никогда не отворачивайся от меня! – Прокричал, оглушая этим криком, и тут же кончил. Проникая так глубоко, что я задохнулась.

– У тебя есть полчаса на то, чтобы привести себя в порядок.

Я стояла, держась обеими руками за стену душевой кабины, пока Дима вытирался полотенцем. Бросив его на корзину для грязного белья, он вышел, не замечая, как я медленно опала на пол, заливаясь уже не сдерживаемыми слезами. Вышла из ванной, закрученная в широкое полотенце, которое не скрывало свежих кровоподтёков – следов от его пальцев, мокрые волосы затянула в тугий жгут. Дима меня ждал, сидя в кресле напротив.

Наверно, я смотрела на него осуждающе, точнее... хотела смотреть, но не поднимала взгляд. Не боялась, не стыдилась, просто не хотела видеть. Не хотела чувствовать. Не хотела показывать как это унижительно.

Поджала налитые кровью губы, ожидая его слов... или приказаний...

– В пакете одежда. Через пять минут нам нужно выезжать. – Бросил он и не двинулся с места.

На кровати я заметила большой фирменный пакет, медленно, не желая доставить себе ещё больше неудобства, прошла, стараясь не задевать при движении натёртых чувствительных мест. В ванную вернулась с этим пакетом в руках, там и обнаружила бельё, светлые брюки и блузку. Переделалась, стараясь не отвлекаться на свои мысли, которые заглушала порядковым счётом от одного до ста и обратно. Дима в комнате тоже переделался в излюбленную чёрную одежду. В руках он держал небольшую дорожную сумку.

– Ты можешь обуть свадебные туфли, они подходят в твоему костюму. – Бросил на ходу и пошёл к двери.

На стоянке отеля стояла знакомая мне чёрная машина. За руль сегодня Дима сел сам. Мы ехали настолько быстро, что в один момент я просто закрыла глаза и боялась их открывать, пальцы непроизвольно вцепились в ручку двери. И отвёз меня Дима... как бы не рассмеяться в голос... к моему дому.

Казалось, что я ничего не чувствую, что больше никогда не почувствую. Смотрела прямо перед собой, не желая вникать ни в причины его поступка, ни в доводы разума. Я просто не знала, что происходит!

– Открой бардачок. – Выдал он очередную фразу командным тоном. Я послушно протянула руку вперёд и нажала на небольшой рычажок. Место для хранения открылось, а передо мной оказался белый конверт. За услуги, как я поняла.

– Возьми, – сказал, точно зная, что я конверт заметила, – там адрес и ключи от квартиры. Я купил её для тебя.

Замолчал. Я взяла конверт, ощущая под бумагой ледяной металл. Смотрела на него. Моргать не получалось.

– Мне придётся уехать. – Снова заговорил он, понимая, что ответа не дожждётся. – Скорее всего, надолго. – Нервно выдохнул, глядя на меня в упор, но на удивление мягко и терпеливо уточнил: – Хорошо, Галь?

– Мне всё равно. – На автомате отозвалась я. А что тут не понятно: он спросил, значит, я должна ответить. Дима тягостно вздохнул и сильнее сжал руль.

– Всё, родная... мне пора. – Сочувствие. В его голосе было отрицание своих же слов. Ему никуда не было нужно. Просто... просто я обошлась ему очень дорого. Как говорилось в каком-то юмористическом номере, кажется, Ефим Шифрин рассказывал: так раньше, что же я, дешёвкой была?... Теперь хоть цену себе знаю...

Дима наклонился и прижался к моей щеке губами. Слишком долго, чтобы я выдержала. Слишком нежно. Поэтому, рванув ручку двери на себя, я выскочила из машины прямо к подъезду, словно он гнался, словно хотел догнать. Обернулась, поймав его взгляд.

– Ненавижу тебя. – Прошептала, сдерживая слёзы, но уверена была, что он услышал. Среди всей уличной суеты, среди гула проезжающих машин, порывов ветра, пения птиц. Он услышал, и от этого мне было хорошо.

Забежала на третий этаж родного дома и заперлась в квартире на ключ. И только там, стоя на коленях у самого порога долго выла, пытаясь заглушить боль. Ведь самой себе врала: боль я всё же чувствовала.

Бабули, к счастью, дома не было, я бы не хотела, чтобы она увидела моё состояние. А там, и об экзаменах вспомнила, и о том, что желудок от голода в узел скрутился. Варила манную кашу, которую ненавидела с детства и подсаливала её своими же слезами. Потом ела эту пресную гадость, положить в которую сахар не посчитала нужным.

Экзамен, к слову, сдала на отлично, а к тому моменту, как вернулась после этого в квартиру, бабуля уже была дома.

– Привет, ба, а я экзамен на пять сдала. – Попыталась я ей улыбнуться, но уголки губ тянулись вниз, нужно было срочно что-то придумать.

Ничего лучшего, как заткнуть рот куском пирога с яблоками, на ум не пришло. Я села, надёжно подперев щёки кулаками, и принялась усиленно жевать. Бабуля несколько раз растерянно моргнула, а потом улыбнулась.

– Молодец. А... а что ещё было?..

– Ничего пока. Ещё один экзамен и пойдём с ребятами сессию отмечать. Лизка всех агитирует. Как раз новое платье надену, хоть будет, кому похвалить. – Попыталась задорно отшутиться, но вышло тухло.

– Ты грустная...

– Настроения нет, ба, – встала я из-за стола, потому как слёзы уже грозились брызнуть из глаз. – Я в ванной полежу. Устала – жуть!

Потом был ещё один экзамен, сессию мы действительно замочили. Дома находиться не хотелось, а выйти было некуда. На время летних каникул приезжие ребята разъехались по домам. Кто был посостоятельнее, уехали на курорты, в том числе и самая моя близкая подруга Лизка, которой и хотелось рассказать, да не было подходящего момента. А кто просто зашился дома, предпочитая отписываться от любых покушений на их свободное время через ставшие в последнее время популярными социальные сети.

А мне не становилось легче, как я уговаривала себя первые дни. Да, днём уже могла сдерживаться, а вот ночью разрывалась. Захлёбывалась слезами, тихо и надсадно завывая в подушку. Я старалась забыть обо всём, что произошло той ночью, тем днём, я спрятала паспорт и два кольца, которые напоминали мне о большой ошибке. Я ненавидела себя за то, что чувствовала, лёжа под ним, и, в тот же момент, скучала. Да что скрывать... от себя-то? Я влюбилась в Диму как последняя дура! И выла не от того, что он сделал мне больно, а оттого, что сначала заставил поверить, а уже потом выбросил как ненужную вещь. Ключи от подарен-

ной квартиры давно уложила в мусорное ведро и вынесла. Теперь они наверняка спрятаны под грудой другого никому не нужного хлама. Туда же выбросила свою оплётанную душу – мне она больше не была нужна. Было противно. А ещё я верила. Продолжала верить в то, что это досадная ошибка, в то, что он обязательно вернётся, попросит прощения. И плакала, плакала, понимая, что этого не случится никогда.

В таком ритме прошёл месяц, а я всё не могла прийти в себя, продолжая рвать на куски остатки гордости. Так же рыдала в подушку по ночам. Уже не от боли. Боль давно прошла. Сейчас мне было жаль себя и именно эта жалость забирала все силы, выпивала все соки. В одну из таких ночей бабуля заглянула в комнату. Включила свет, крикнула в испуге и тут же бросилась к кровати, становясь перед ней на колени.

– Господи, Галочка, что случилось, что... что он сделал?.

Этот вопрос поставил точку. Большую жирную точку в моих догадках и это прояснение перекрыло истерику.

– Это ведь он приходил к нам в дом, ба? – Спросила не своим голосом. Не было в нём ни жизни, ни эмоций.

Бабуля молчала, так же молча немного попятилась назад, встала с колен, и присела на край кровати, переводя дыхание. Здесь и слов не было нужно, так живописно выглядело каждое её действие.

– О чём он просил тебя, ба?

Она закачала головой, отрицая.

– Он не просил, он сказал, что так для тебя будет лучше...

– Лучше? – Я выдержала паузу, чтобы бабуля посмотрела на меня. – Ты действительно считаешь, что мне стало лучше? – Голос тихий и безжизненный. Такой же, как и я. – Посмотри на меня, ба, – бросила ей с вызовом, – я похожа на человека, которому хорошо?

Она закрыла глаза руками, пытаясь спрятать проступившие слёзы.

– Он обещал жениться на тебе, он...

– А он женился. – Перебила я. Встала, достала из сумки паспорт, из тайника кольца. Швырнула всё это на кровать.

– Он женился, ба. А потом переспал со мной. А на утро трахнул! Так, что я только неделю назад перестала посещать гинеколога с его грёбанными лечебными ванночками! – Сорвалась на откровенный крик, в бессилии сжимая кулаки, топоча ногами, не понимая, от чего меня так колотит. – Ты довольна, ба? Ты! Довольна?! Что он тебе пообещал за меня? Что сказал?

– Ничего, Галя, не так всё было. – Приложила она руки к сердцу. – Я клянусь. Он... он просто попросил не мешать. Он сказал, что сделает тебя счастливой, что тебе не нужно будет думать ни о чём...

– Что же, в этом он своё обещание сдержал, ба. Больше ни о чём не думаю. – Эмоции схлынули так же быстро, как и накрыли, поэтому я опустилась прямо на пол, глядя куда-то в одну точку. Бабуля медленно сползла и села рядом, уложила мою голову себе на колени, а я, стараясь прижаться плотнее, тянулась к ней, сжимая в кулаках ткань домашнего платья.

– Прости меня, ба, я не считаю так, правда. Ты бы не смогла меня защитить от него, ты всё правильно сделала. Не стоит оно того.

Она продолжала напряжённо гладить мои волосы, плечи, щёки, вытирала набежавшие слёзы.

– Мне так больно, ба, что я даже не могу выразить это словами. Он... я не понимаю его. Он говорил, что будет рядом со мной всегда и тут же отворачивался, когда я спрашивала, что имеет в виду. Он целовал меня с такой нежностью, с такой заботой, что когда сделал больно, я просто не смогла противостоять этой силе.

Слёзы покатались сильнее, губы затряслись, дыхание сорвалось.

– Я чувствую себя грязной, ба. Знаешь, какого это, когда тебе назначают цену?

Я сжалась, погружаясь в истерику, а бабулины руки стали недвижимы.

– Пусть и дорогую, но цену, ба. Словно всё в этой жизни можно купить... словно чужие чувства ничего не стоят, словно...

Снова захлебнувшись, я смолкла, продолжая громко рыдать. Мне не хватало этого. Мне нужно было выговориться. Выплакаться, выгнать из себя все эмоции и переживания, которые не давали свободно вздохнуть. Потом я словно улетела, далеко-далеко, а вернулась под тихий бабушкин шёпот. Она снова гладила мои волосы, лицо было уже сухое, стянутое от слёз. И я всё никак не могла уловить смысл тихих слов.

– Ты у меня умница, – приговаривала бабуля, – он ещё локти кусать будет, вспоминать будет, как обидел, прощения просить. Красавица моя. Ты скоро забудешь. Всё забудешь. Начнётся новая жизнь. Будет у тебя любимый человек, мечта, цель. А этот сможет только со стороны смотреть завистливо. Наверно, такие люди просто не умеют любить. – Убеждала она и я хотела верить.

И действительно всё забылось. Жизнь сделала новый виток. Учебный год задавал другие задачи, люди вокруг стали смотреть на меня иначе. И не думалось о дурном, и не вспоминалось. Хорошо было.

Сюрприз случился после нового года. Я пришла из универа, а бабуля сидела на кухне и держала в руках небольшое извещение.

– Галя, это из суда. – Сказала она тогда, для уверенности глянув в бланк ещё раз.

– Из какого ещё суда?

– Не знаю. Сказано явиться...

– Бред какой-то...

– Вот, здесь адрес есть. Штраф.

Чтобы разобраться, я взяла квитанцию в руки и прочитала сама. В принципе, бабуля всё сказала правильно: в извещении было указано, что состоялся суд, вынесен вердикт, по решению которого мне предстоит выплатить задолженность и штраф. Сумма небольшая, но не понятно, откуда нарисовавшаяся. Внизу указан номер телефона, расчётный счёт организации и адрес, где нужно будет предъявить квитанцию об оплате. Чтобы разобраться во всём подробно, я набрала номер знакомого с юридического факультета, вместе с которым и пошла в разведку.

Всё оказалось проще некуда: штраф был за неуплату налога на имущество, взноса обязательного страхования и прочей лабуды за купленную на моё имя квартиру, даже адрес которой мне был не известен. Вот тогда-то я и занялась свалившимся на голову имуществом. Раздобыла адрес в домоуправлении, после предъявления паспорта мне вскрыли дверь, а дальше можно разобраться самой.

Квартира в центре города, в одном из капитальных домов прошлого века. Дорогая. Это не только из-за того, что центр, но и из-за накруток за памятники архитектуры, закрытый двор и общую удалённость о городской суеты. Блатной двор, одним словом, с такими же блатными соседями.

Недолго посоветовавшись с бабулей, заткнув свою гордость за пояс, я переехала туда жить. Первое время было ощущение, что Дима вот-вот вернётся, предъявит свои права. Потом и эти страхи поутихли, уступая место спокойной размеренной жизни.

К слову, именно благодаря этой квартире я и встретила Антона. Золотого мальчика, как его называла Лиза. Он приходил к одному из своих друзей, проживающему в этом дворе и частенько на меня засматривался. К тому моменту я уже была свободна от предыдущих изматывающих отношений и с удовольствием отвечала взаимным вниманием. В одну из таких случайных встреч мы и познакомились. Разговорились, подружились, нельзя было не признать, сколько у нас общего. А потом начали встречаться. Я готова была рассказать о себе всё и только лишь на вопрос, откуда у такой милой девушки как я, такие богатые дарители квартир, отмахнулась, ссылаясь на дальних родственников с широкой душой. Это было единственное, что я

так и не смогла объяснить, да, по большому счёту и не верила, что у нас с Антоном что-то выгорит, а тогда и объясняться лишней раз незачем. Только однажды он пригласил меня на семейный ужин, познакомил с родителями, я стала частым и желанным гостем в их доме, да и бабуля моя тоже. Дело набирало нешуточные обороты, и рассказать о той маленькой лжи, которую я обещала себе забыть, становилось всё менее возможным. Момент истины настал в тот вечер, когда Антон сделал мне предложение. Только правду рассказала ему не я, а мой, как выяснилось, всё ещё муж.

Глава 6

Я снова смотрела в потолок, только теперь не видела ни собачек, ни облаков, ни мужчину с женщиной, занимающихся разными непотребствами. Сон не шёл, хотя в глазах начало щипать от усталости. Тишину ночи разрубил громкий рёв мотора, звуки низких ударов колонок, которые постепенно разбавлялись музыкой. В конце концов, в окне мелькнула пара ярких фонарей, и стало понятно, что во двор кто-то въехал. Я приблизилась к окну, стараясь не высываться. Подъехавших машин было две. Из каждой повалил народ. Минуту назад тихий, спящий двор заполнился не только собачьим лаем, но и криками людей, громким хохотом, шумной клубной музыкой. В подсветке фар танцевали пьяные девицы, выставляя напоказ свои прелести, отключивая задницы в коротких юбках, выкладывая силиконовые груди на капоты навороченных автомобилей. Спустя пару минут со стороны крыльца появился Дима. Он не казался особо удивлённым, смеялся в такт остальным и только на подходе махнул руками, требуя сделать музыку тише.

– Банда явилась! – Громко фыркнула я, пользуясь тем, что меня не слышно и продолжила наблюдать из-за занавески.

Некоторые из девиц бросились к нему, вешаясь на шею, их он спокойно чмокнул в щёчки и растолкал, и только одна, самая наглая, самая откровенно выставляющая себя, не подходила. Я так поняла, ждала, что он подойдёт к ней. И, знаете, подошёл, останавливаясь в считанных сантиметрах от широко расставленных ног. Что-то сказал. Естественно я не услышала, ведь музыка всё равно играла настолько громко, что даже стука собственного сердца слышно не было. Она ему тоже ответила. Проговорило на ухо, прижимаясь размалёванными губами, а после, дерзко улыбнувшись, провела языком широкую влажную полосу по всей щеке, поддевая и засасывая мочку уха. Меня передёрнуло от такой «ласки» и если бы Дима в тот момент не посмотрел в моё окно, я бы наверно ушла, но он посмотрел. Смотрел долго, пристально, гадая, вижу я его или нет. А я не собиралась подсказывать. Стояла не дыша. И только усмехнулась, заметив, как он стащил сидящую девицу с капота и, удерживая стальной хваткой за плечо, поволок в дом.

Что-то ещё он сказал ночным гостям и те засобирались, разъехались, а в доме снова стало настолько тихо, что собственное дыхание казалось колокольным звоном. Несмотря на страх, я из комнаты вышла, громкие голоса доносились снизу и, стоя у края лестницы, я могла беспрепятственно подслушивать.

– Я не понимаю, что изменилось! – Возмущалась его знакомая. Я видела её ногу: она нервно болталась вверх-вниз, сама девица сидела на кресле в кабинете.

Тут же дверь в него закрылась, и мне пришлось подобраться ближе, чтобы услышать его ответ.

– Я сказал тебе, чтобы ты больше не появлялась?

Она фыркнула. Дима повторил вопрос той самой устрашающей интонацией, которой я так боялась.

– Дима, не прогоняй. Я всё сделаю. Хочешь, лучшей подружкой её стану, запудрю мозги так, что будет смотреть на тебя не моргающим взглядом, не переставая восхищаться. Дим, не прогоняй. Я, правда...

– Ты слышала, что я сказал?

– Да плевать мне на то, что ты сказал?! – Взревела она.

Вот бы и мне так же научиться противостоять ему, подумалось вдруг.

Пугающая суета в кабинете сменилась тишиной, после которой я слышала тихие всхлипы. Верить в то, что он её ударил – не хотелось, да и звука такого не было. Дима и без ударов покалечит, кого хочешь...

– Да кто она, чёрт возьми, такая, что ты в неё вцепился?! – Кричала она сквозь слёзы.

Он что-то тихо проговорил в ответ, а потом телефон в гостиной ожил, издавая тихие плачущие звуки. Он был параллельный. Далее рисковать я не стала и быстро заскочила в свою комнату. Через десять минут приехала машина такси, куда Дима и усадил рыжеволосую девушку с пышной шевелюрой, тоже, кстати, шаблон любовницы: эффектная, яркая, заводная. Что ещё нужно, чтобы скрасить серые мужские будни... так, кажется, звучал первый тост на нашей свадьбе?.. Потом я ещё слышала шаги под своей дверью. Только не верилось, что он войти не решается, а потом эти звуки стихли и наступила очередь опустошающей тишины. В конце измотавшись, я уснула.

А вот утро было суровым. Во всех степенях суровости, которым может быть утро. На часах, которые, к моему счастью, хотя бы не тикали, стрелка только-только переползла восьмичасовой рубеж. Вздохом разочарования я рухнула обратно в подушки. У меня опухло от слёз лицо, я чувствовала это даже не глядя в зеркало. Волосы были похожи на кляксу, после того, как я помылась чужим шампунем, а кондиционера к нему не нашла. А ещё у меня болело всё тело так, словно по нему топтались как минимум десять тайский массажисток без необходимой подготовки.

Встать-то, я встала, а вот стоит ли мне спуститься, не знала. Так и сидела на кровати. Вдруг в голову ударила мысль о том, что я не помню, где мой телефон, к тому же сегодня рабочий день и Лизка, конечно, меня прикроет, если оставит на потом обиду по поводу моих семейных интриг. Но ведь не целый день! Вот на поиски телефона и я пошла. Босиком. В халате на голое тело. И меня это ничуть не смущало. Несказанная радость поселилась в душе, когда я увидела сумочку на банкетке в прихожей, воровато оглянувшись по сторонам, метнулась к ней и, только раскрыв, не сдержала очередной стон разочарования. Второй за сегодняшнее утро. Второй, после стоны, который вырвался от одного взгляда на ранний час.

– В ванной комнате были тапочки. – Усмехаясь моим гримасам, отметил Дима, невозмутимо прошёл мимо и из-под банкетки вытянул серые тапки огромного размера.

Не обращая внимания на мой вопросительный взгляд, шёл в сторону столовой комнаты.

– Ты всегда так рано встаёшь? – Уточнил на ходу, мне пришлось быстро влазить в тапки и семенить следом.

– Наверно, вчера был слишком беспокойный день. – Пробормотала я, глядя как Дима усаживается за стол. Хозяйским жестом предложил мне то же самое.

– Это хорошо, потому что завтрак ещё не готов. Могу предложить кофе.

– Кофе? С утра? Без завтрака? – Возмутилась я, явно веселя муженька.

– Ну, извини, у меня нет такой заботливой бабушки. – Развёл Дима руками, скрывая улыбку. Нет, ему явно было скучно и он приобрёл домашнего клоуна! Я возмущённо отвернулась.

– И, – начал он, улыбаясь так хитро, что я и не глядя на него догадалась, – чтобы ты знала. На будущее.

Я заинтересованно посмотрела, а Диму и это порадовало.

– В доме установлены камеры видеонаблюдения. Думаю, ты меня поняла.

О-о, я очень хорошо его поняла, оттого и покраснела.

– Надеюсь, не моё присутствие помешало тебе получить удовольствие? – Сязвила, и не пытаюсь скрыть свою неловкость.

– Нет. – Ответил Дима, более чем серьёзно. – Я рад, что ты рядом. – Стерпев мой скептический взгляд, улыбнулся. – Правда. К тому же, я их просматриваю по утрам, так что вчера об этой мелкой пакости не догадывался.

– Что же, тогда я тоже рада.

Женщина из прислуги принесла кофейник и две чашки, расставляя приборы на столе. Я внимательно следила за манипуляциями, пока не перехватила взгляд, следящий за мной.

– Дим, ведь мой телефон у тебя?

Он бросил в шашечку с кофе два кусочка сахара.

– Он нужен мне. Не мог бы ты его вернуть?

Дима сделал маленький глоток, глядя на меня поверх чашки и поставил её обратно в блюдце. Из кармана брюк достал телефон.

– Надеюсь, ты не в обиде, что я заглянул? Ты ещё спала, а он звонил и звонил...

– Я забыла сумку в машине?

– Да.

– А кто звонил? – Спросила, потому что телефон мне Дима так и не отдал.

– Сама смотри.

Протянул аппарат, который по неведомым причинам, я не сразу решилась взять в руки. Он тут же зазвонил снова, заставляя вздрогнуть. Так и верещал в его руках, пока Дима не положил аппарат на стол, распространяя вибрацию по всей комнате. На дисплее я увидела фотографию подруги, поэтому набралась смелости и нажала на кнопку приёма вызова. Разумеется, из-за стола не вышла, Дима уже вцепился в меня взглядом голодного хищника.

– Да.

– Чёрт тебя раздери, Галка, ты куда пропала?! – Доносился Лизкин голос из динамика так, что не обязательно было подносить телефон к уху. – Ты знаешь, что вчера было? Что это ещё за новости? Кто он, тот красавчик, который, словно паучок, поволок в уголок?

– Лиза. – Процедила я, не решаясь посмотреть на Диму, который, конечно же, это слышал.

– Что Лиза? И что это за новости? Муж! Да откуда ему взяться-то, я тебя уже семь лет знаю, села с утра, не поленилась, посчитала. Это когда же ты замуж успела выскочить? В школе? Слушай, не знаю я, что всё это значит, но ваша байка про неземную любовь до гроба до правды явно не дотягивает.

– Лиза... – Снова вставила я своё слово, но Анку-пулемётчицу так просто не остановить.

– Ты учти, подруга, я твоему Антону так и сказала. Что, мол, шутка это какая-то глупая или вообще ошибка. Только не смешно, Галь. Вот, честно, не смешно. Антоша так надрался, я с Валериком его чуть затолкала в такси. Так это он ещё на своей ехать хотел! Так что жду от тебя спасибо в виде моих любимых духов за спасение жениха от смерти и смертоубийства вместе взятых. Я это к тому, что хоть он и оборвал тебе телефон, всё равно можно не перезванивать. Так, а теперь говори, что ты там хотела сказать?

Я так растерялась от предоставленного мне слова, что и забыла, что сказать хотела.

– Лиз, мне нужно пару выходных.

– Что?! – Возмущённо. – Что-что-что-что-что... – Это уже игриво и я понимаю, что краснею. – Это он тебя так заездил, что ты уже ноги передвигать не в состоянии или буквы перед глазами не видишь, а? Ну, не молчи, подруга. Тот ещё жеребец. Мне вообще мордашка знакомой показалась, только я не припомню, где видела, да и не важно.

– Лиза, мне просто нужно время, чтобы прийти в себя. – Сказала на свою голову и новая порция эро-фантазий всплыла у подруги перед глазами.

– Нет, что, правда, муж?! Может, ты по-пьяни на дискаче каком-то замуж выскочила, Галь?

– Лиза, что ты несёшь?!

– А что я могу ещё нести, если абсолютно ничего не знаю? Кто он, кто его друг? Может, нам того, устроить совместный ужин, с целью, так сказать, сближения?

– Лиз, ты прикроешь меня перед главным?

– Да не парься ты! Я уже сказала папуле, что ты замуж то ли выходишь, то ли вышла. Так что всё нормуль. Главное, не забывай хоть иногда сдвигать свои ножки, мне что-то подсказывает, что это та ещё кобелина. Всё, бегу, бегу, целую. Работа.

И отключилась.

Дима раскрыл папку, лежащую на краю стола и достал оттуда два билета, Лизой подаренные, положил передо мной на стол с вопросительным взглядом.

– Лиза подарила на день рождения. – Равнодушно пожала я плечами, делая вид, что не особо переживаю по поводу сорвавшихся выходных на солнышке.

– Вот эта? – Кивнул в сторону телефона, который я тут же благоразумно подтянула ближе.

– Мы работаем вместе. – Пояснила невпопад, а он сказал что-то вроде «сочувствую» и сделал пару глотков кофе.

– Здесь не вписано второе имя. С кем собиралась? Не секрет?

– Догадайся с одного раза. – Пробубнила себе под нос, опустив взгляд. Дима поставил чашку на блюдце чуть громче, чем это допустимо в уединённой компании.

– Ты можешь туда ехать. – Разрешил он, а я посмотрела, не зная, верить мне или просто перекреститься и забыть. – Не с ним, разумеется. С подругой. Раз уж её так интересуется твоя личная жизнь.

– Спасибо, обойдусь.

– Зря. Там очень красиво. – Развёл он руками, словно не понимая этого протеста.

– А ты там был?

– А почему нет? Это достаточно популярный курорт.

Меня тут же заела жаба. Пока я сводила концы с концами, он развлекался на курорте.

– Не нужно думать о том, о чём ты сейчас думаешь. – Улыбнулся Дима, не понятно чему радуясь.

– А ты знаешь, о чём я думаю?

– У тебя всё на лице написано, Галь. Я ездил по работе.

– Хорошая у тебя работа. Пьянки, гулянки... Не устал за столько лет, нет?

Дима нахмурился и руки перед собой сложил.

– На работу ты не пойдёшь... Чем займёшься? – Перевёл стрелки вместо ответа.

– А почему я должна чем-то заниматься? Сяду тебе на шею и ноги свешу! Такой вариант не рассматривал?

А Дима открыто и заразительно рассмеялся. Не думала даже, что так умеет. Посмотрела исподлобья, а он аж за бок взялся.

– Прямо сейчас сядешь? Или с завтрашнего дня? Просто у меня ещё дела запланированы, но ради такой цели...

Поклонился, выписывая руками фортеля, а если бы стоял, то исполнил бы и реверансы ногами. Я надулась, а Дима попытался меня по руке погладить.

– Ладно, расслабься. Бог с ней, с поездкой этой. Потом как-нибудь вместе смотаемся. И... я серьёзно насчёт планов... Вещи перевезти не хочешь? Может...

– В смысле?

– В прямом. Я постоянно здесь живу. Надеюсь, ты понимаешь, что теперь тоже будешь здесь жить?

– Дима, ты обещал...

– Я обещал не вмешиваться в привычный для тебя уклад: работа, друзья. Но это вовсе не значит, что у нас будет разная прописка или для тебя это одно и то же?! – Начал он как-то обвинительно. – Ты будешь здесь жить и лучше этот вопрос не поднимать, потому что объяснять по два раза я не люблю.

– Но мне на работу к девяти!

– Не вижу проблемы. Трасса в отличном состоянии. До центра города можно доехать за полчаса.

– На чём? На велосипеде?!

– Я видел в твоей сумочке водительское удостоверение или опять что-то неправильно понял?

Прищурился.

– Да, но... У меня не так много практики.

– У меня есть автомеханик, Женя, иногда он выполняет функцию водителя. Отличный парень. Покатаешься пока с ним. По выходным можно со мной, если такое желание вдруг появится.

– Снова покупаешь? – Грустно подвела я черту и вышла из-за стола. – Ты прав. Мне нужно съездить за вещами.

Чтобы пройти к лестнице, приходилось минуть Диму, но грозный взгляд сделать этого не позволил.

– Что значат твои слова?

– Я по-русски сказала, Дима.

– Не права сейчас. – Тихо и внушительно прозвучали его слова, я пожала плечами.

– А мне всё равно.

Водителю и автомеханику Жене я не понравилась с первого взгляда. А, может, наоборот, понравилась настолько, что его возмутило моё положение и он не стеснялся этого выказать. На любую просьбу фыркал, огрызался, смотрел то косо, а то исподлобья. За руль, кстати, тоже пустить отказался. А ещё... он солдафона напоминал, который безукоризненно выполняет все предписания начальства. Общаться был не настроен, а на любую мою попытку наладить контакт, смотрел как на недалёкую. Так и ехали молча. Адрес у меня Женя не спрашивал, и так знал, куда ехать, а когда я попросила заехать по адресу бабули, посмотрел как на пустое место.

– Звони. – Бросил он коротко, а я не поняла, к чему это относится.

– Я говорю, давайте на Кирова... – Повторила на всякий случай, а он хмыкнул, головой покачал, брови приподнимая. Выглядело это весьма неприлично, но я промолчала.

– А я говорю, Дмитрию Алексеевичу звони. Если скажет тебя везти на Кирова, поедем. Если нет, то... – Цокнул языком, всё больше меня раздражая.

– Я сейчас что-то не поняла, вы водитель или кто? Отвезите меня по названному адресу.

– А у меня в расписании был только один адрес. Там мы уже побывали и теперь едем домой.

– Да что происходит?! – Возмутилась я, а он посмотрел уничижительным взглядом.

– Слушай, замолчала бы ты. Сил нет бабские крики терпеть. Знал бы, что такой истеричкой окажешься...

Он завёл автомобиль, понимая, что звонить я не стану.

– Да почему вы мне тыкаете? Почему оскорбляете?..

– А что мне? Реверансы при встрече выписывать? Буду я перед каждой.

– Остановите машину!

– Ага, шаз-з. – Прошипел, явно издеваясь.

– Я сказала: оставьте машину, я больше никуда с вами не поеду!

– Хватит верещать, достала уже! Тоже мне, строишь тут из себя Наталью Ростову, а в нужный момент не забываешь в рот брать, да?! Так если тебя только членом заткнуть можно, приступай, я не откажусь.

Такого я уже не выдержала и, дёрнув за руль, сдвинула машину к обочине. А что? Не могла же признаться, что у меня попросту нет нужного номера телефона. Женя выругался не самым культурным словом, и желание спорить с ним просто пропало.

В дом вошла возмущённая до глубины души, прямым ходом направляясь к кабинету, но, услышав разговор на повышенных тонах, не сдержалась и заняла наблюдательный пост, по

ходу дела прислушиваясь к мужской ругани. Складывалось такое впечатление, что ругаться в этом доме не умею одна лишь я.

– Я не понимаю, что ты от меня хочешь. – Упрямо повторял который раз Кислый. Его скрипучий голос я смогу узнать где угодно.

– Просто выясни, что к чему. Я не хочу, чтобы из-за незначительной мелочи, дело пошло не так.

– Дело?! Дело?! Что ты называешь делом, Шах?! Ты как с этой девкой связываешься, видимые и невидимые тормоза слетают! Зачем, ну, зачем ты вообще влез в её жизнь? Тебе мало показалось?! – Отчитывал Кислый Диму, а так как разговор шёл про меня, можно было слушать и слушать. Не просто слова – песня. – Что и кому ты хотел доказать, а? Кто ты вообще для неё?!

– Она моя жена.

– Жена? Я не спросил кто она для тебя, я спросил кто ты для неё. Молчишь? – Как из пулемёта тараторил Кислый. – И молчи, мы оба знаем ответ на этот вопрос. Ты старый заезженный хрен с бугра. Вот ты кто. Она не знает тебя, она боится тебя. Она нашла себе сопливого пацанёнка, который наделал бы ей детишек. Который не за волосы её в ЗАГС приволок, хорошенечко припугнув для полноты эффекта. Он предложение ей сделал, Дим. Ты считаешь, она этого не достойна?

Что тут сказать, беру свои слова обратно, Кислый чуткий, трепетный, аки лань.

– Что ты можешь ей дать?! Деньги твои? Да плевала она на эти деньги! На твою заботу. Ей мужик нужен. Здоровый и живой. Понимаешь? Жи-вой. А ты прошлым живёшь. Ты не видишь будущего.

– Рядом с ней всё не так.

– Не так, а как? Что изменилось? Что изменилось в твоей жизни с прошлого вечера? Может, ты смог уснуть не натрахаившись до потери сознания? Может, тебе жена, – Кислый неприятно хмыкнул, – жена... – Повторил пренебрежительно. – Дала она тебе? Нет? А зачем тогда в дом привёл?

– Я не животное, чтобы трахаться и жрать, Лёх. И я хочу, чтобы она была рядом. Она меня другим делает.

А дальше получилось совсем тихо я половины я не расслышала.

– Ты её что?! – Раскричался Кислый ещё громче. – Ты вообще где слово это услышал, Шах? От очередной своей шалавы? Мало перепортил? Так и эта уж не целка... твоими стараниями. Да тебе через одну в городе показывай, ты их с любого ракурса узнаешь, хоть задом тебе поставь, хоть передом. Не только имя и фамилию назовёшь, а ещё и порядковый номер из блокнотика.

– Кислый, ты утрируешь. – Отмахнулся Дима, но Кислый явно был в ударе.

– Мать моя женщина, – хлопнул в ладоши, – это чем вы тут с ней ночью занимались? Орфографический словарь Ожегова штудировали? Ладно, ладно, допустим, ты её хочешь. Но, чёрт! Я этого не понимаю. Шах, я понял тебя тогда, когда ты девчущку эту привёл, а она глазами хлопала, смотрела на тебя и дышать боялась. Понимал, когда ты захотел оприходовать её. Кто такую не захочет? Промолчал, когда тебе приспичило сделать всё красиво и жениться, но... какого ты сейчас влез в её размеренную жизнь? А?

– Со мной ей будет лучше.

– Да с чего бы?!

– Зря я тебя, Лёх, слушал, нужно было сразу её вернуть. – Произнёс Дима тихо, а я насторожилась, потому что и Кислый замолчал.

– Шах, только не говори...

– Уже сказал, Лёх. Я уже всё решил. Давно. Не хотел просто твой бред выслушивать.

Непереводимый поток некультурных выражений я пропустила, плотно приткнув ладони к ушным раковинам.

– И какого хрена ты столько лет молчал?

– Так нужно было.

– Кому?

Ответ я не услышала, наверно, Дима совсем распереживался. Вот и Кислый говорит, что потасканный... При мысли о Диме, вспомнила его выходящим из душа вчера вечером. Он обалденный. И смотрит на меня особенно. Прежде я думала, что это было первое детское впечатление, а сейчас, когда его безумный взгляд разглядела, снова чувствовала это. Словно я для него единственная, самая лучшая, других просто не существует. Это ощущение ни с каким другим не перепутать.

Перекинувшись ещё несколькими фразами, мужчины из кабинета вышли, а я так заслушалась, что даже сбежать забыла. Проходящему мимо Кислому улыбнулась, под его задорный отборный мат. А при взгляде на Диму, невинно потупила взгляд.

– Ну, и чего ты здесь сидишь? – Спросил он по-доброму, не понятно чему усмехаясь.

– Не успела сбежать. – Как хорошая девочка призналась я и захлопала ресницами под фырканье Кислого и обворожительную Димину улыбку.

Как там Кислый сказал?.. Каждую вторую?.. Ну, ну. Думаю, тут диагноз намного серьёзнее. Я вот, с высоты своего воробьиного полёта, хоть сейчас готова под танк ради него.

– А зачем подслушивала?

– Так интересно же! Я вас, Кислый, реально зауважала. – Посмотрела на перекошенное от удивления лицо мужчины. – Вы бились с ним как лев за мою девичью честь! Что же ты, Дима, так хило сопротивлялся?

Он подошёл ближе, вглядываясь в мои глаза, присел перед лестницей на корточки, оказываясь буквально на голову ниже.

– Мышка, ты почему не спряталась в свою норку? – Заговорщицки шепнул, прикрывая рот тыльной стороной кисти, а я улыбнулась.

– Ты бы всё равно узнал, что я была здесь.

– Ну да, ну, да. Чего, кстати, так рано? Я тебя только к вечеру ждал.

Кислого перекосило от наших нежностей и он нервно топтался на месте.

– А бедному собраться – только подпоясаться. Мой гардероб уместился в два чемодана и маленькую сумочку.

– Ну, вот, Лёха, только за это в неё можно влюбиться. – Обернулся он на друга. – Ты знаешь ещё одну такую женщину, которая может собраться за полчаса? При этом принести два чемодана и сумочку. Сокровище!

Кислый с досады махнул рукой и ушёл, не прощаясь, а вот мы с Димой остались и лёгкость, с которой общались секунду назад, испарилась, не оставляя следа. Он встал, спрятав руки в карманы брюк, чего-то ожидал и от меня.

– А почему твои люди считают меня шлюхой, Дим?

Не знаю, наверно, дорогой муж ожидал услышать необъяснимое логикой признание в любви, так странно перекосилось его лицо. А вот я так не умею: рассказывать друзьям и товарищам о большом и светлом чувстве, и тут же делать больно. А пока он думал, пояснила:

– В следующий раз, будь любезен, езжай со мной сам или же избавь от общества умственно отсталых слоёв населения вовсе.

– Что произошло? – Всё же уточнил он, когда я уже стояла на последней ступени лестницы, а он так и не двинулся с места.

– Я к бабуле заехать хотела, – пожалала плечами и нервно усмехнулась, – а оказалось, что твоим шлюхам право на такие поездки не давали... Ещё вопросы?

Я изогнула бровь, а Дима поджал губы.

- Завтра я посмотрю, как ты держишься за рулём и только после этого приму решение.
- Договорились.

В комнате меня ожидал шикарный букет. Красиво, неожиданно и очень приятно. Но когда я не понимала смысла, меня такие сюрпризы напрягали. Вот, не понимала, зачем он пытается втереться в доверие, если силой эти вопросы решаются намного быстрее. А может, ломать влюблённую дурочку всегда вкуснее?..

После обеда, видимо, когда Антон всё же проспался, мой телефон ожил и в этот вечер не обещал замолкать. Несколько раз я слышала, как кто-то подходил к двери, но так и не решился войти, помогать Диме не спешила, хотя сердце в такие моменты неприятно замирало. Надо признаться, о нём я думала намного больше чем об Антоне. Наверно, это что-то да значит. Например то, что Антона я никогда не любила... Только вот признаться и себе, и ему самому в этом, не решалась. Да и сам разговор... неизбежный, болезненный для двоих, момент, который я оттягивала, как могла, просто спрятавшись там, где меня никто не найдёт. Решиться на что-либо сама не могла, а подвести меня к черте пока было некому, поэтому я позвонила бабуле. Судя по всему, она ждала этого звонка и ответила сразу.

– Ну, здравствуй, Галочка. – Произнесла таким тоном, словно я и её предала. Так, между делом.

– Здравствуй ба... Ты уже всё знаешь, да?

– Ну, как тебе сказать, скорее, скандалы, интриги и расследования. Мне звонила Лиза, потом Антон. Потом снова Лиза, а час назад Антон приходил. Я готова выслушать тебя, Галочка. Что скажешь ты?

– У меня не было выбора, ба. – Жалко оправдалась я и замолчала.

– Странно, что всё это говоришь мне ты, но... думаю, Дмитрий Алексеевич может быть убедительным, если ему это нужно. Он, кстати, приезжал с самого утра. Не хочешь узнать, о чём у нас был разговор?

Я захлопала ресницами так, словно на публику работала.

– О-о, я вижу тебе так интересно, что просто слов нет, которыми это можно описать. Да, впрочем, ничего особенного. Мы говорили о тебе.

– Он... он угрожал?

– А знаешь, нет, хотя именно этого я и ожидала, увидев незваного гостя. Он изменился. Внешне. И, надо сказать, не в лучшую сторону.

– Д-да... он немного расправился...

– Боже, о чём ты только думаешь?.. – Захохотала бабуля. – Он стал ещё убедительнее чем был. И взгляд потяжелел. Не думаю, что твой Дмитрий Алексеевич прогулял эти годы. Как ты считаешь?

– Не знаю, ба, мы об этом не разговаривали. Но он ясно дал понять, что лучше будет, если я останусь с ним. Не знаю, что делать. Вот, с одной стороны опасуюсь его...

– Вполне оправдано.

– Да, но... с другой... Он не давит на меня. Да, привёз в свой дом и пытается контролировать, понятно, что настойчиво порекомендовал не общаться с Антоном, но при этом тут же предложил съездить отдохнуть с подругой на острова. Я говорила тебе, что Лиза мне путёвки подарила?

– Да? Почему отказалась? Ведь отказалась, я правильно поняла?

– Сейчас же! Я там буду Лизкин бред выслушивать, а он тут девок за ягодички щипать. Нет!

Не сразу поняла, что же сказала, а когда опомнилась, глаза зажмурилась, чтобы дух перевести. Бабуля прокашлялась.

– Думаю, извечный вопрос «что делать?» исчерпал себя?

– Да, но... Антон мне предложение сделал и...

– И ты уже шесть лет как замужем. Не знаешь, что ему сказать – спроси у своего мужа. Он мужчина умный, наверняка уже обдумал этот вопрос.

И бабуля отключилась. Правда, тут же перезвонила.

– Да, ба?

– Я тут подумала, если уж билеты всё равно пропадают... Когда там вылет?

Я усмехнулась.

– Завтра с утра, ба. Я постараюсь заехать или билеты передам.

– Будь так любезна, дорогая. И, удачи.

– Спасибо, ба, пока.

– Пока, золотце.

Реакцию бабули, как и её слова, предугадать я не могла. Более того, была наверняка уверена, что она бросится меня защищать, уговаривать не повторять ошибок. Именно этому учила меня все шесть лет, за время которых былые страхи периодически возвращались. Я никогда не забывала о присутствии в своей жизни Димы. Потому что не хотела забывать. Боялась его возвращения и боялась, что больше никогда его не увижу. Даже мои обиды по поводу его грубости вскоре забылись. Точнее, не так уж и быстро, а с приходом своеобразного опыта, когда я уже могла отличить жёсткий, грубый секс от настоящего изнасилования. И все последствия для меня были продолжительными вследствие всё той же неопытности, страха перед происходящим. Сейчас я знаю, что не будь он моим первым мужчиной, я бы вспоминала произошедшее с глупой улыбочкой, с той самой, которая появлялась на губах после встреч с Антоном. И сейчас я сижу и готова простить ему всё. Только боюсь, что ему этого не надо. Потому и кусаюсь. А цветы всё же красивые...

Глава 7

Стук в дверь оторвал моё внимание от букета. Я подобралась, судорожно соображая, какая поза будет более располагающей для беседы, а пока думала, Дима вошёл, мягко переступая по полу, подходя ближе. Сейчас он был иным, не с агрессивной походкой, которая бросала вызов, не с жёстким взглядом, который внушал если и не страх, то заставлял посторониться. Он знал, что идёт ко мне и всего этого не нужно. Причины как минимум две: эффект он произвёл уже очень давно и надолго, а ещё... я уже поняла: когда ему что-то нужно, он умеет быть хорошим. Как, например, наша первая брачная ночь. Он хотел отдачи, он её получал. Поэтому я уже готова была развесить уши для исполнения очередного желания. Дима присел на кровать совсем рядом, одну ногу подмял под себя. Что я там говорила о непринуждённости? Кажется, по этому поводу напрягаюсь только я, у Димы всё свободно и естественно.

– Со всей этой суетой я совсем забыл о подарке. – Улыбнулся он, пытаясь эту улыбку удержать. Поставил между нами маленькую сувенирную коробочку и под моим мнительным взглядом, руки тут же одёрнул.

– Подарок?

– Да. На день рождения.

– А-а, так вот по какому поводу цветы... – Покосилась на букет, Дима же, понимающе вздохнул.

– Нет. Для цветов повода не нужно. Открой.

Предложил, кивнув головой в нужном направлении, потому что дотронуться до подарка я так и не решилась. А потом плюнула на все приличия и подняла крышечку.

– Кольцо... – Вытянула я губы, глядя на неописуемой красоты изделие. Что, что, а вкус у Димы есть. Или хороший консультант в магазине. Доставать украшение из коробочки почему-то не спешила.

– Давай помогу.

И так быстро кольцо надел, что я и возразить не успела. Красиво, конечно, ничего не скажешь, но я ведь чувствую подвох! На кольцо посмотрела с крайней степенью презрения.

– С тобой я стану похожа на новогоднюю ёлку. – В глаза посмотреть не решилась, а Дима вроде как и не обиделся.

– Это только второе, Галь. Какая ёлка? Почему, кстати, не одела то, которое я дарил на помолвку?

– Ах, это теперь так называется! – Попыталась, было, спорить я, но Дима не шутил. Поэтому мои руки, которые я успела упереть в бока, медленно сползли. – Я обручальное надела, как ты просил. – Ответила вместо запланированного нападения. И руку правую тут же продемонстрировала.

– Я вижу. – Кивнул он. – Только я просил тебя надеть два.

– Да, но... Второе жутко неудобное и я всё время им цепляюсь, и... – Снова свой пыл умирила и договорила тише. – И оно очень дорогое, боюсь потерять.

– С нами происходит как раз то, чего мы так боимся. Надень его. Для меня это важно. К тому же, ты не вагоны разгружаешь, чтобы цепляться, а уж на запасные чулки я заработаю.

– Я носила, правда, только все завидуют, а я боюсь сглаза. – Выкручивалась из последних сил. На самом деле, у меня сердце начинает биться быстрее, когда это кольцо вижу. Оно словно магической силой обладает. И к Диме меня тут же тянуть начинает. Поэтому и сняла. С ним связаны едва ли не самые приятные мгновения моей жизни. А может быть и самые.

– Не говори глупостей.

– А я и не говорю!

– Давай я помогу. Где оно?

Вот тут-то я губу и прикусила. Ни за что не признаюсь, что вшила его в малюсенького плюшевого медвежонка.

– Я сама надена. Потом.

Спас от немедленной расправы очередной звонок Антона. Дима в этот момент внимательно глянул на дисплей, приторно-сладко улыбнулся и подтолкнул телефон ближе. Я неотреагировала, так как подобная картина для меня не нова. Аппарат вибрировать перестал, Дима посмотрел вопросительно.

– Не ответишь?

Я недовольно отвернулась, тогда как он уже просматривал журнал вызовов.

– Неужели столько раз позвонил? – Спросил, задумавшись, но я продолжала держать молчаливую оборону. Дима бросил телефон на кровать, когда он снова завибрировал.

– Долго ещё собираешься прятаться? Мне помнится, в понедельник ты собиралась на работу. Ещё на что-то надеешься? Думаешь, он не захочет тебя увидеть?

– Я подумаю об этом завтра! – Обозлилась и рыкнула, только это не возымело никакого эффекта.

– Хороший ответ, но, к сожалению, не оригинальный.

– Да уж, в оригинальности мне тебя не переплюнуть. – Скривилась я, Дима наоборот, держался спокойно, взгляд был ровный.

– Тебе всё равно придётся с ним встретиться и всё объяснить. Или ты считаешь, что будет правильным, сделай это я?

– Я этого не говорила! – Вскрикнула. – И я так не считаю... Я поговорю с ним. Только не нужно меня подгонять, хорошо?

– А ты считаешь, что неведение лучше? Я имею в виду парня этого.

– Нет, но...

– Тогда ты сама себе противоречишь.

– Я не люблю, когда на меня давят!

– Так подними трубку и скажи ему это.

– Что?!

– Что ты не любишь, когда на тебя давят... – Окончательно развеселился супруг.

– Ты давишь на меня! – Прокричала с обвинением, а Дима настолько искренне удивился, что его игре можно аплодировать стоя.

– Я здесь при чём?

– А ни при чём. Ты вообще случайно проходил мимо!

– Ты всё переворачиваешь с ног на голову.

– Я? Знаешь, что, Дима, – процедила сквозь зубы и сжала руки в кулаки, – если тебе вздумалось поиграть в порядочного семьянина, если ты вдруг вспомнил, что у тебя есть жена, это вовсе не значит...

– Я не играю. – Перебил он меня и зубы пришлось сцепить сильнее.

– Я не знаю, сколько эта забава продлится на этот раз, но не собираюсь своими руками разрушать налаженную жизнь.

– Значит, не будешь с ним разговаривать?

– По крайней мере, не о том, что бы ты хотел услышать.

– Тебе просто нужно сказать то, что есть на самом деле, Галя.

– А что есть? Что есть?! – Я подскочила, не зная, куда себя деть, Дима оставался неподвижным и лишь голову в мою сторону повернул. – Ты есть? Семья? Что у меня есть?! – Разрывалась я от крика, не задумываясь, как выгляжу в данный момент.

– Я. И семья. Наша с тобой. – Жестами указал на меня и себя поочередно.

– Я не знаю тебя! Я. Не. Знаю. Тебя. Ди-ма! Что нас связывает? Штмп в паспорте и кольца на правой руке? Что ты знаешь обо мне? Не говоря уже о том, что я ничего не знаю о тебе!

– У нас просто не было достаточно времени.

– У нас его и не будет! Ты это понимаешь?! – Вошла я в раж и не собиралась останавливаться. Дима плотно сжимал губы, а на загорелых щеках проявился едва заметный румянец.

– Перестань кричать, ты ведёшь себя как подросток. – Проговорил строго, и я засмеялась. Истерически. До слёз. А когда остановилась, широко расставила руки, чтобы склонить голову в шутовском жесте.

– Простите меня, дяденька, за то, что я такая засранка малолетняя. За то, что не доросла до ваших седин и не набралась достаточно опыта...

Весь запал вышел с криком и осталась только жуткая усталость. Такая, от которой ноги не получается волочить, поэтому я застыла в прежней позе, только смотрела уже не на него, а в пустоту. Дима неодобрительно покачал головой, за что-то осуждая. Спокойно встал, подошёл, легко и беззаботно уложил мою голову к себе на плечо. И вот это я понимаю: опыт! Тот самый, перед которым остаётся только преклонить голову.

– Дима, я не знаю, что будет завтра. Как я могу ему что-то сказать?

– Скажи то, что уже произошло. – Шепнул он, приглаживая мои волосы широкой ладонью. Мягко, нежно. Непривычно спокойно.

– Я не могу.

– Почему?

– Потому что я не знаю, что произошло. Что происходит сейчас. Я не знаю, наиграешься ты завтра или через год. Будешь ты меня приручать или просто сломаешь... И я не хочу так же болтаться в пространстве.

– Это называется не иметь определённости.

– Пусть так. – Согласилась равнодушно. – Но мне сложно зависеть от обстоятельств.

– Я вернулся, Галь. Вернулся в твою жизнь. – Прижался он губами к моей щеке. – Я хочу построить отношения, создать семью. С тобой. Не брошу, не обижу.

– В прошлый раз ты обещал, что всегда будешь рядом...

– Я исполнил своё обещание.

Захотелось посмотреть в его глаза, а там как на море: полный штиль. Спокойствие и умиротворение. Хочется верить во всё, что он говорит, особенно в обещания, которые не понятно, должны пугать или обнадеживать. Дима придерживал моё лицо ладонями и склонился для поцелуя, но в момент, когда губы должны были соприкоснуться, я впиалась в него взглядом.

– Был рядом?

Дима закрыл глаза, потому что слышал обвинение в моих словах. Слышал угрозу в голосе. Не такую, которая выбрасывалась с криком, с адреналином в кровь, а тихую и хладнокровную. Медленно выдохнул, успокаивая и меня, и себя, а потом скомкано улыбнулся.

– Тебе нужно было нагуляться, Галь. Набраться опыта, если хочешь... Вырасти как личности. Личности, которую никто не ограничивает. Тебе только исполнилось восемнадцать, я не хотел менять тебя, твой характер, мне было важно дать тебе возможность повзрослеть самостоятельно.

– Красиво говоришь...

Я вывернулась из его рук, пытаюсь отстраниться, отошла на пару шагов.

– Но ты бросил меня. Использовал и бросил. И, ох, как повлиял на развитие личности. Знаешь, как долго я чувствовала себя какой-то неправильной, дефектной? Не интересной, пустышкой. Я не понимала, не могла себе объяснить, чего тебе не хватило. Что ты хотел увидеть и не увидел, Дим! Ты можешь понять это сейчас? Что, хотел или нет, но ты просто взял и всё растоптал. У меня не было достаточно сил, чтобы понять, что произошло. Я... я плакала

ночами напролёт не потому, что ты унизил своим отказом. Да я себя ненавидела за то, что ты просто воспользовался, удовлетворил свою похоть и ушёл в сторону, а я ждала. Несмотря на то, что больно было, что обидно. Не потому, что...

Задохнулась от эмоций, подступивших слёз и потока воздуха. Я кричать хотела, а у меня еле получалось шевелить губами. Я хотела стучать по его груди кулаками, объяснить, доказать, заставить понять меня и мои сегодняшние страхи. Но он не понимал... Смотрел так же ровно, как и минуту, десять минут назад, как в момент, когда вошёл в мою комнату. Размеренно и чётко шёл к своей цели, не обращая внимания на потери и не тратя себя на сомнения. Его уверенности можно было только позавидовать.

Телефон на кровати завибрировал, я дрогнула, потеряв его контроль над собой, в тот момент, когда взгляд на мгновение метнулся туда. Там, где сейчас лежит граница между моим прошлым и будущим. И, не отпуская взгляд, не позволяя мной манипулировать, нажала на кнопку приёма вызова. Дима напрягся всем телом.

– Да. – Выдохнула в трубку, тут же расплакалась, услышав родной голос, схватила рукой за голову, пытаясь этим прикосновением унять пульсирующую боль в висках.

– Галя, Галя, это ты... Галь, родная, ответь, я... я не слышу тебя, Галь! Малыш...

– Это я, Тош...

Дима громко хмыкнул и я отвернулась.

– Маленькая, моя, хорошая, – затараторил он, мгновенно собираясь с мыслями, – где ты? Ты... ты у него, да? Ты у него сейчас?

– Да.

Вместо ответа тихий всхлип.

– Что с тобой? Ты плачешь? Не молчи, Галь! Он обидел тебя? Кто он? Что за бред нёс тогда в клубе? Это правда?

– Давай встретимся. Нам нужно поговорить. – Выдавила я из себя до невозможности длинную для моих кипящих мозгов фразу и тут же прикрыла рот рукой, заглушая вой безысходности. Мне нечего было ему сказать.

– Ты где сейчас, родная? Я приеду. Только назови адрес, где?

– Я не знаю...

– Не знаешь, где он тебя держит? Не выключай телефон, Галя, я найду тебя по сигналу.

Эти слова вызвали внезапную панику, и я опомнилась, собралась, на некоторое время, пытаясь забыть о соплях и слезах.

– Завтра. Встретимся завтра.

– Куда мне приехать? – Чётко проговорил Антон, пытаясь привести меня в чувства.

– На нашем месте. – Произнесла тихо, чувствуя, как лицо наливается краской, горит, пылает. И как напряжение, возрастающее за моей спиной, приближается.

– Галь, скажи, где ты и я заберу тебя.

– Я приеду, Тош. Завтра. В двенадцать.

– Не отключайся, малыш. Где ты? Что он с тобой делает?

– Завтра, Тош. Завтра.

Повисло тяжёлое молчание. Я слышала тихое напряжённое дыхание и просто не могла нарушить его своим голосом.

– Я люблю тебя, слышишь? – Проговорил он тихо, я сжала губы, чтобы не издать ни звука. – Люблю тебя, Галь, я что-нибудь придумаю. Я что-нибудь обязательно придумаю, хорошая моя.

Не в силах и далее выслушивать признания, я отключилась, а когда почувствовала дыхание на своём затылке, дёрнулась всем телом, только Дима это предугадал, сжал меня руками, как железными тисками, не позволяя даже вздохнуть глубже положенного. Прижался губами

к шее, ощутимо, но не больно, только я всё равно зашипела, когда по коже прошёлся кончик влажного языка, когда острые зубы впились в неё, лишь напоминая о своём присутствии.

– И я люблю тебя, Галь. Так, как этот пацанёнок просто не умеет любить. – Горячо прошептал он на моё ухо, всё ещё не позволяя набрать в грудь воздуха. – И тебя ему... не отдам.

Руки резко разжал и я рухнула на кровать, дрожа от озноба, стуча зубами от того металлического звона в его голосе. Оттого, насколько я ему верю. Всегда. Что бы он ни говорил.

Ту ночь практически не спала, а если и удавалось ненадолго отключиться, что груз предстоящего разговора навевал не самые лучшие сновидения. В итоге, к утру я была не первой свежести, с припухшим, но оттого с приятной полнотой лицом. Улыбаться самой себе не хотелось, а этой улыбкой ещё нужно как-то внушить жениху, что всё под контролем. Дима встретил меня в холле темнее грозовой тучи. Не думаю, что всё из-за вчерашнего разговора, тут, скорее, это выражение лица было напускным, соответствующим ситуации. Он внимательно осмотрел меня с ног до головы и как только приблизился, сдавленно улыбнулся. Мазнул поцелуем по губам, на секунду завис, втягивая в себя аромат моих духов, а я растерялась от таких непривычных, но при том интимных моментов. Даже не имея десятка партнёров, опыта, всё оставалось простым и понятным. И если до этого мгновения Антон мне казался идеалом, то сегодня Дима просто заставил сделать открытие. Не нужно шикарных букетов и публичных признаний для того, чтобы продемонстрировать своей женщине её важность. Ничего особенного. Даже не поцелуй. Просто близость, которая показывает его покорность, его чувства при взгляде на меня. И здесь всё: радость, смятение, злость оттого, что проснулась не в его постели...

– Я просил тебя надеть кольцо. – Проговорил с укором, хотя всё так же стоял рядом, прикрыв глаза и наслаждаясь моим присутствием. Мысленно я попросила прощения своего медвежонка, которого безжалостно потрошила вчера вечером, но теперь кольцо было на моём пальце. И чувствовалось присутствие в моей жизни мужчины. Одного. самого важного.

Кольцо лицевой стороной было повернуто к ладони и не видимо издалека, поэтому сейчас, я с удовольствием повернула его на пальце, вспоминая весь спектр чувств. Тех, которые хотела забыть, но не могла.

– Оно у меня. – Проговорила мягко, хотя до этого надеялась съязвить. И сама к Диме прижалась, пытаясь вернуться к уже знакомому чувству защищённости.

– Сейчас мы дождёмся моих людей и выезжаем. Ты как?

– А если я хочу отказаться? Мои желания будут учтены? – Спросила даже без надежды, но Дима только лишь пожал плечами.

– Ты же знаешь, что я могу поговорить с ним. И объясню доходчиво, без истерик с его и с моей стороны. Только тебе это не поможет.

– Предлагаешь расхлёбывать самой то, что заварила?

– Я буду рядом.

Подцепил мои замёрзшие от невроза пальцы, притянул их к своим губам и едва ощутимо прижался.

– Знаешь, когда ты рядом, мир имеет цвет.

Он уверенным движением обнял меня за талию, притягивая к себе ближе, лишь бы голова упрямо отворачивалась в сторону, уклонялась назад, пытаясь избежать неизбежного.

– Я уже поняла, что ты умеешь красиво говорить.

– Я даже умею красиво поступать. – Заверил Дима и отпустил меня, позволяя аккуратно отойти в сторону, отталкиваясь ногтем от широкой груди. – Ты можешь остаться дома или посмотреть за нашим разговором со стороны.

– Ты себе противоречишь. – Улыбнулась я, припомнив вчерашний его укол, а Дима подмигнул, растягивая губы в ленивой улыбке.

– Просто пытаюсь угодить.

– А я не люблю подобного! Будь собой, и это лучше всяких правил.

– Если я скажу «хорошо», ты не воспримешь это как подхалимаж? – Прищурил он глаза, пряча мальчишеский озорной блеск, свободно обнял меня, оставляя за своей спиной все пререкания и недомолвки, довольно смеялся, когда я начала отбиваться и толкать в его плечи маленькую сумочку, которую захватила из комнаты, чтобы занять руки.

– Галь, до двенадцати время есть. Перекусим?

На всякий случай уточнил Дима, уже подводя меня к кухне.

– М-м, – сморщила я нос, зная, что даже так он выглядит аккуратненько, – не буду, Дим, спасибо. Когда я на нервах, крошка в горло не лезет. Давай потом.

Он так на меня посмотрел, что я начинала понимать, что сказала. Даже не заметила, как мандраж перешёл в беззаботное спокойствие, как вместо озноба по телу прокатывались волны жара удовольствия. Удовольствия от общения и от его близости. А пока так зависала, Дима уже наливал сок в стакан.

– Если баловаться каждое утро, то можно довести себя до язвы, но, тем не менее, – он слегка приклонил голову, предлагая мне стакан.

– Я не понимаю, каким ты будешь в следующую секунду, Дим. Ты непредсказуемый тип. – Усевшись на высокий стул кухонной зоны, прищурилась я, действительно пытаюсь уловить причину изменений в нём.

– Неправда. Просто ты всегда ждёшь подвоха, – стал напротив он, упираясь локтями в барную стойку. – И когда твои ожидания не оправдываются – теряешься. Расслабься и наслаждайся жизнью.

– Ага, чтобы уже на следующее утро тебя окунули в жёсткий реал? Нет, спасибо. Хватит с меня доверия.

Последнее высказывание явно пришлось не по вкусу моему мужу, он посмотрел на столешницу, пытаюсь отыскать хоть один изъян и тут же за это её разрушить, прикусил губу с внутренней стороны, демонстрируя непривычность такой обвинительной ситуации. Медленно поднимал взгляд, пока тот не зацепился за мой, пронзительный. Но я не ждала оправданий.

– Я слишком долго терплю, а потом резко, одним рывком выбрасываю весь свой негатив. Так случилось, что в то утро, – замялся, вспоминая первый день семейной жизни, – тогда моё терпение достигло своего предела.

– И поэтому ты меня изнасиловал?

Он скривился, а я пыталась придать взгляду безразличия, только колени сдвинула вместе до боли в костях.

– Не поэтому.

– Почему тогда? – Вцепилась я в него взглядом, а когда почувствовала, что ещё вот-вот и Дима отвернётся, отмахнётся, вцепилась в его ладонь ногтями, не позволяя отстраниться.

– Шах, ну мы едем, нет? – Послышалось именно в этот момент из гостиной, я впиалась ногтями в мягкую ладонь ещё сильнее, до боли, но Дима уже закрылся. Чуть приблизился, склоняясь над стойкой, облизал губы, сжал зубы.

– Я обязательно расскажу тебе, обещаю.

– Сейчас!

– Нам пора ехать.

– Сейчас!

– Приличным девочкам не престоало опаздывать, – улыбнулся он, а я затряслась от напряжения.

– А если от того, что ты скажешь, зависит мой разговор с Антоном?

Дима легко перехватил руку, которая до этого удерживала его, я даже не поняла, как это сделал, обошёл стойку вокруг, приобнял за талию, снимая меня со стула.

– А если на ваш с ним разговор может что-то повлиять, то это уже не любовь, Галь...

И пока я замерла под впечатлением от такого открытия, Дима уже вёл меня к выходу. Кислый, с физиономией под стать своему же прозвищу, ожидал у двери, которую открыл, пропуская меня вперёд, тут же перекинулся многозначительными взглядами с Димой, но ни слова произнесено не было. Пока я оглянулась на этот их разговор взглядов, успела перешагнуть порог. Яркое летнее солнце ударило по глазам, заставляя прищуриться, а когда удалось проморгаться, во дворе можно было рассмотреть четыре внушительных размеров автомобиля. Двери машин были открыты и от одного взгляда на переполнявшие их рожи, становилось жутко.

– Дима? – Я обернулась на мужа.

– Перестраховка, малыш. Я не хочу, чтобы ты наделала глупостей. – Спокойно подталкивал он меня к свободному авто. Усадил, а перед тем как закрыть двери, недобро ухмыльнулся и склонился, чтобы я услышала. – А когда перед глазами есть яркий образ возможных последствий, глупости просто не совершаются.

Захлопнул дверь, сел за руль, уступая Кислому хозяйское место сзади, а как только загудел мотор, повернулся, скользя взглядом по голым ногам, по плечам, оставалось только облизнуться, что мысленно он, судя по выражению на лице, и сделал.

– Куда?

Опомнившись, я назвала адрес, хотя уже не была уверена, что эта поездка должна состояться. Мы подъехали к просторной стоянке центрального городского парка, «наше место» было как на ладони у стервятников, припарковавшихся поблизости. Антон уже стоял, нервно поглядывая на часы, переступая с ноги на ногу. Вглядывался вдаль, пока его взгляд не остановился на нашей машине, или, может, это действие пресловутой поговорки «на воре и шапка горит»? В любом случае, я буквально на себе ощущала всю тяжесть и колючесть этих карих глаз. Положила руку на переключатель дверного замка, когда Дима заблокировал двери.

– Галь, если вдруг что-то не понятно, поясню: ребята из соседних машин на взводе, поэтому никаких резких движений делать не стоит, не вздумай куда-нибудь уйти с места, не пытайся сбежать, не верь его обещаниям. В любом случае я вас найду. Тебе опасаться нечего, а вот мальчишка может пострадать. Всё ясно?

– Да. – Ответила как можно спокойнее, пытаясь не провоцировать. Кислый как-то странно хрюкнул на заднем сидении, но в это же мгновение блокировка была отключена и я из машины вышла, не желая знать, что же его так рассмешило.

Глава 8

– Нет, Шах, я не понял, что это за концерт, что за угрозы? – Оживился мужчина, как только передняя дверь автомобиля оказалась закрыта.

– Перестраховка. – С лёгкой усмешкой отозвался второй, пристально следя за тем, как хрупкая женская фигурка теряется в ярких солнечных лучах.

– Да ну?

– Да. – Заверил, уже не пряча довольную улыбку. – Однажды я был не осторожен в высказываниях и напугал свою малышку. Только потом понял, что сказал. А сейчас думаю, что это было к лучшему.

Кислый нахмурился, а Шах повернулся, чтобы сидеть к другу полубоком и при этом не терять из виду пару молодых людей. Доверительно наклонился ближе.

– Так случилось, что Галя считает меня криминальным авторитетом или, не знаю, бандитом с большой дороги.

– Тебя? – Уточнил и на лице расплылась улыбка. – Тебя? – Истерически расхохотался Кислый. – Шах, ну, вы даёте. А...

– А разубеждать её в этом я не спешу. – Предупредил он уже висящий в воздухе вопрос. – Да и едва ли это будет так просто. Глянуть только на тебя.

– А я вам чем не угодил, молодожёны?

– А у тебя на физиономии написано, что любому в подворотне череп раскroiшь, если что не так. – Пояснил Шах, приглядываясь, как парочка на тротуаре начинает ссориться.

Активная жестикуляция парня не успела начаться, как тут же успокоилась, видимо, под давлением Галкиных слёз. Он и сам при них терялся, только не показывал, старался просто уйти. А тут сопляк этот... конечно, он не знает, что делать!

– Шах, а она знает, что ты...

– Нет. Не время ещё.

– Но всё равно ведь, говоришь, авторитет...

– Одно дело догадываться, Кислый, а совсем другое знать что-то наверняка. Рано ещё.

– Подожди, подожди, а как ты... – Кислый на секунду прервался, что-то судорожно сообщая. – А как ты объяснил ей то, что ушёл? Где был так долго и почему отсутствовал?

Шах посмотрел пустыми потемневшими глазами, заставляя друга замолчать.

– Ты ничего не объяснял ей, так ведь? Ты...

– Хватит полоскать мне мозги!

– А... а почему же она к тебе вернулась? Любая нормальная девушка, а в том, что Галка твоя нормальная, я не сомневался никогда, она бы просто послала тебя к чертям. – А потом неожиданная догадка заставила мужчину холодно улыбнуться. – Дим... она ведь вернулась к тебе?

– Мы в процессе выяснения отношений, если тебе так уж интересна наша насыщенная семейная жизнь.

– Ты заставил её?

– Я объяснил ей, почему стоит поступать так, а не иначе. – Шах холодно улыбнулся. – Такой ответ тебя устраивает?

– Подожди, а ты, вообще, как с ней познакомился? Я удивился, когда ты заявил о свадьбе, но на тот момент сомнений в тебе у меня не возникало...

– Сейчас возникли?

– Дим, ответь мне только... она сама захотела?

– В восемнадцать девочка просто не может знать, чего хочет.

Стало ему ответом и Кислый замолчал.

– Ты поэтому просил не опекать её, да? Потому что она даже не догадывалась, что происходит?

– Лёх, пожалуйста, мне Галя и так все нервы, как молочный коктейль, через трубочку выпивает. Ты хоть не начинай. Как баба, честное слово.

– Скажи спасибо, что моя Лия не догадалась. Она, между прочим, часто спрашивала, помирились вы или нет.

– Привет передавай. И напомни, что я её не боюсь. А что касается моей жизни, то попрошу не вмешиваться.

Дождавшись утвердительного кивка головой, Дима вернулся к наблюдению. Смотрел, как Галя что-то доказывает, бьётся как муха о стекло, пытаясь добиться его понимания. Зачем, зачем она это делает?..

– А знаешь, почему я тогда не догадался? – Оживился Кислый, как только Дима отвернулся.

Мужчина нехотя склонил голову в сторону говорящего.

– Потому что она смотрела на тебя безумными, влюблёнными глазами. Особенно тогда, в ресторане. – Дима молчал. – А ты, значит, женился, развлёкся ночью и квартирой от её любви отмазался, так?

Молчания Шаха была красноречивее слов.

– Я бы на месте её родителей тебя придушил.

– У неё нет родителей. Бабка только. Та ещё змея.

– Ну, в таком случае, как только этот её базар с пацаном закончится, приглашаю вас на дуэль, дорогой друг. Красивая, кстати пара. – Кивнул в сторону. – Была.

Тут Дима не сдержался и оскалился, притягивая друга к себе за ворот дорогой рубашки.

– Сегодня вечером... Друг...

А в тот момент, когда пора было расцепить кулаки, а желания сделать это так и не появилось, Кислый перевёл взгляд за спину Шаха. Сглотнул.

– Дим, кажется, он её сейчас ударит.

Не вглядываясь по сторонам и не особо понимая, что сейчас делает, Дима выскочил из машины, и, расталкивая прохожих в стороны, словно бронепоезд двигался к намеченной цели. Из шума улиц, смеха случайных прохожих он с лёгкостью выцепил тонкий, срывающийся от истерики голосок, который вот-вот и дрогнет под давлением паники.

– Что? Что я должна была сказать тебе?! – Вцепившись в свои густые волосы пальцами, кричала она. – Что незнакомый мужик однажды пришёл в мой дом и сказал, что через несколько часов я стану его женой? Ты бы поверил в эту чушь? Ты и сейчас мне не веришь, хотя я всё... всё тебе рассказала!

– Ты бред несёшь, Галя. Какой мужик, какой муж? Ты смотрела на него такими глазами, словно всю жизнь ждала. – Оттолкнул он её руки, если бы мог, плюнул бы в лицо. – Где тебя носило два дня? Трахалась с ним, да? Понравилось? Теперь прибежала прощения выпрашивать? Нельзя заставить человека, Галя. Можно только назвать его цену. – Схватил её за плечо. Так больно, что девушка вскрикнула, пытаясь сбросить хватку. – Назови мне свою, и я заплачу, Галь.

– Пошёл к чёрту!

– Что, думаешь, у меня не хватит, так не волнуйся, у отца займу. – Притянул её к себе, пытаясь отбиться от второй свободной руки, получая удары по шее, лицу, по плечам. Но парень уже ничего перед собой не видел, не соображал, хотел впиться в губы, оставить следы на белой коже, подмять под себя то, что холил и лелеял два года, к чему прикоснуться боялся. А теперь оказалось, что ему ничего не принадлежит.

Сантиметр оставался между ними, когда в глазах потемнело от боли и нехватки воздуха. Руки разжались автоматически, а сквозь туманную пелену парень мог видеть, как Галя с испу-

ганными глазами отступает, тут же бросается назад, пытаясь что-то выкрикнуть. Её пухлые губы это последнее, что он увидел прежде, чем окончательно отключится.

– Не нужно, не нужно, оставь...

Шептала я, пытаясь оттащить крепкую руку от шеи Антона. Кричать просто не могла. Даже не сразу поняла, что это Дима. Не сразу почувствовала его тепло, когда он прижал меня к себе и, что-то тихо приговаривая, повёл к машине. Не смогла отозваться, когда услышала первый вопрос, второй.

– Ты... ты убил его? – Поборола себя и спросила, не отпуская его ни на шаг. Где-то в стороне уже могла видеть, как мускулистые мужчины оттаскивают Антона с тротуара и пытаются усадить на заднее сидение подъехавшего автомобиля. Как он валится в него и двери закрываются, как машина трогается с места.

– Ты как?

– Дима... Ты убил его? – Повторяю я, игнорируя вопрос, притягиваю Диму к себе за ворот тонкого пиджака.

– Нет. Сейчас его отвезут домой. Всё хорошо. – Спокойно и медленно внушал он мне, понимая, что я в шоке. – Мы тоже поедem домой.

– Он не поверил...

– Ты мне всё расскажешь, а я выслушаю, обещаю. Давай, давай, малышка.

Дима толкнул меня в глубь салона, сгибая ноги, заставляя подобрать их, сел рядом, по ходу стаскивая босоножки, прижимая к своим горячим от температуры бёдрам, мои ледяные ступни.

– Он мне не поверил, Дим. – Прошептала я, понимая, что засыпаю, отключаюсь в его заботе, кажется, Дима хмыкнул.

– Конечно, не поверил. Иначе ему пришлось бы тебя защитить, а на такие подвиги мальчишка ещё не способен, Галь. Обвинить всегда проще.

Он успокаивающе погладил по голени, сжал в ладонях пальцы, закинул голову вверх, желая найти ответы на какие-то свои вопросы, а потом посмотрел на меня, пытаясь своей улыбкой заставить забыть о происходящем. И в этот раз я не просто верила. Я хотела верить и забывалась от полного убеждения, что всё так и должно быть. Я спала и видела сон. Длинный, запутанный, непонятный и местами страшный. А в конце, словно белый ангел, мелькнуло что-то смутное, расплывчатое. Я помню только тепло, исходящее от странного существа. И я хотела назвать это существо мамой. Открыла глаза плавно, мягко, и ощущала лёгкость во всём теле. Смотрела на Диму, на его нетерпеливый взгляд, на губы, которые не решается тронуть улыбка. На мгновение нахмурилась.

– Где мы? – Попыталась подняться и разглядеть, что творится за пределами машины, и была крайне удивлена, увидев всё тот же центр.

Отобрала у Димы свои ступни, натянула на отдохнувшие ноги босоножки, Кислый притормозил, чтобы, видимо, узнать план действий, а я внимательно смотрела на него.

– Галина. – Протянула руку между сидений, Кислый посмотрел на неё как на змею, но потом пересилил себя, пожал, и даже слегка потрянул по-мужски.

– Алексей. – Представился в ответ, понимая, что пока я этого не услышу, не отступлюсь. Я мило улыбнулась.

– Ну, вот и познакомились, а то всё Кислый, да Кислый. – Я огляделась по сторонам в очередной раз пытаясь сориентироваться, и улыбнулась напрягшимся мужчинам. – Спокойно, мальчики, – погладила мужа по плечу, – я словно другим человеком проснулась, имею право растеряться на секунду. М-м... туда! – Утвердительно кивнула, и указала пальцем в нужном направлении, приметив знакомые здания.

Пока ехали, сидела вся в нетерпении, словно на иголках. Дима странно посматривал, но молчал, и только когда приказала остановиться у главного торгового центра, оба переглянулись.

– Знаешь, Дим, я уже говорила, что Антон мне не поверил?

Он кивнул, хорошо подумав, стоит ли идти на непонятную провокацию.

– Так вот, очень хорошо, что я узнала его раньше, чем наделала глупостей. Проводишь меня?

Намекнула, что пора бы открыть дверь, он понимающе усмехнулся, из машины вышел.

– Алексей, можно ведь мне называть вас просто Лёша? – Мужчина приподнял брови, а я ему подмигнула. – На Алексея не тянете, и даже не знаю, хорошо это или плохо. – Он сдержал улыбку.

Дверь с моей стороны распахнулась и я увидела Димину ладонь.

– Так вот, Лёша, вы, наверно, езжайте, а мы погуляем. Потом на такси приедем или Дима перезвонит.

Он посмотрел скептически, Дима не мешал.

– Неудобно заставлять вас ждать, а нам с мужем предстоит тяжёлый разговор. И... много покупок.

Я вышла, дождавшись утвердительного кивка мужчины и вместо того, чтобы предложить Диме ладонь, подхватила его под локоть, потянув ко входу.

– Знаешь, когда чувствуешь себя новым человеком, нужно обновляться ещё и внешне. Вообще я часто слышала, что волосы накапливают в себе негативную энергию, поэтому их нужно периодически остригать.

Дима притормозил.

– Я предлагаю отделаться увлажняющей маской. У тебя очень красивые волосы и...

– Да я только чуточку. – Взмолилась и тут же посмотрела торжествующе, слегка обернувшись на отстающего мужа. – Я знаю, что тебе нравятся мои волосы.

– Так заметно?

– Я заметила. Особенно когда ты их на кулак наматываешь.

– Провоцируешь?

– Я бы сказала, дразню. В данном случае одно и то же, но... – остановилась, на месте развернулась и специально к Диме прижалась грудью, – твоё «провоцируешь», слишком правильно звучит. Чувствую я иначе.

– Значит, мы идём в салон красоты? – Охладил он мой бьющий ключом пыл. Смотрел прямо в глаза, шептал прямо в губы, но так откровенно провоцировал!!! Хотелось стонать в голос.

– Да. Идём. – Развернулась, чтобы уйти, но Димина ладонь слишком надёжно удерживала меня рядом, пришлось вернуться, врезаясь в его тело с новой силой. – Кстати, тебе тоже не мешает на висках снять.

Он улыбнулся, хотя понять, что означает эта улыбка, я не могла, и уже шествуя впереди, тянул меня за ладонь, самостоятельно выбирая место и мастера. Умиротворённо смотрел, ожидая, пока меня приведут в порядок, а я не отказалась и от предложенной ранее маски, и от массажа головы, и даже позволила освежить макияж, так как чувствовала себя неуютно. Забежала в ближайший магазин, чтобы сменить всю одежду, Дима к тому времени принёс новенькое бельё. И вот такая обновлённая внешне и внутренне, я потянула его всё в тот же парк, который оказался в паре кварталов от торгового центра.

– Дим, я долго спала? – Спросила, понимая, что уже далеко не двенадцать.

– Не знаю, часа полтора. А что?

– Да вот, думаю, почему ты не повёз меня домой. Почему, Дим?

– Я после подобных встрясок предпочитаю пространство.

– Я тоже. Знаешь, – сжала его ладонь сильнее, прижалась ближе, приподнималась на носочках, чтобы говорить по секрету от прохожих. – Я рада, что ты вернулся.

Он посмотрел непонимающе.

– Именно сейчас. Ты был мне нужен.

Дима приподнял брови, демонстрируя высшую степень внимательности.

– Антон, он хороший, ответственный, в меру взбалмошный, со своими тараканами и всё такое, но я никогда не чувствовала себя рядом с ним спокойно. Помнишь, когда ты отвёз меня на лебединое озеро?

Дима сжал мою ладонь сильно-сильно, и ответа было не нужно.

– Рядом с тобой было уютно. И не важно, где мы: в шикарном доме, в чужой машине или один на один ночью в лесу. С тобой спокойно и хорошо. Я чувствовала себя свободной, несмотря на все твои условия.

– У меня не было возможности узнать тебя ближе и...

– И всё равно, когда ты рядом, всё иначе. Знаешь, почему я уехала с тобой из ресторана, в тот вечер, когда Антон сделал мне предложение? Я и сама ответить могу: ты подумал, что я твоей угрозы испугалась, но нет. Испугалась, точнее, но не только.

– Ты сомневалась. – Спокойно добавил Дима, вычёркивая из моей затянувшейся речи весь сумбур.

– Прав. Я не была уверена, что хочу этого. А моя мама всегда говорила, что если сомневаешься, то это, скорее, «нет», чем «да». Ведь что-то тебя сомневаться заставляет. Что-то не даёт отдаться чувствам, с головой погрузиться в эмоции, в ощущения блаженства. С Антоном никогда блаженства не было.

– Тогда почему?

– Не знаю. – Мы вошли в парк, и можно было замедлить ход. – Меня не покидало ощущение правильности происходящего. Я никому об этом не говорила, даже бабушке... Да, что там, я и себе признаться боялась... Всё было так, как написано в красивых книгах о любви. Где он и она всегда вместе. Где царит мир и порядок. Да мы никогда даже не ссорились толком!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.